

# 1(14) 2014

ISSN 2079-1100

TEMA HOMEPA / The MAIN TOPIC of the ISSUE

# Политические культуры: типологии и факторы развития

## Political Culture: Typologies and Development Factors

© Издательство «Эйдос», 2014. Только для личного использования.  
© Publishing House EIDOS, 2014. For Private Use Only.

 Научный журнал Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии  
Scientific Journal of St. Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research

[www.culturalresearch.ru](http://www.culturalresearch.ru)

[www.eidos-books.ru](http://www.eidos-books.ru)

электронное издание  
web-journal

Международный журнал  
исследований культуры  
International Journal  
of Cultural Research

Издательство ЭЙДОС / Publishing House EIDOS 





Главный информационный спонсор журнала —  
«Сетевое сообщество «РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ»»

Выпуск журнала является совместным проектом Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии и издательства гуманитарной литературы «Эйдос».

### | Учредитель и издатель |

[Издательство «ЭЙДОС»](#)

**Генеральный директор**

Борис БОЖКОВ

[editor@eidos-books.ru](mailto:editor@eidos-books.ru)

### | Контакты |

**Общая редакционная почта**

[editorial@culturalresearch.ru](mailto:editorial@culturalresearch.ru)

**Главный редактор**

Дмитрий СПИВАК

[d.spivak@culturalresearch.ru](mailto:d.spivak@culturalresearch.ru)

**Зам. главного редактора**

Алина ВЕНКОВА

[a.venkova@culturalresearch.ru](mailto:a.venkova@culturalresearch.ru)

**Шеф-редактор**

Анна КОНЕВА

[a.koneva@culturalresearch.ru](mailto:a.koneva@culturalresearch.ru)

Журнал выпускается исключительно в цифровом (электронном) формате. Печатные версии журнала не предусмотрены.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации:  
Эл № ФС77–39183 от 17 марта 2010 г.

ISSN 2079–1100

Редакция принимает к публикации материалы широкой гуманитарной направленности: научные и критические статьи, рецензии, обзоры.

Все материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом на основании внутренней рецензии. Основными критериями при принятии решения о публикации служат научная новизна, актуальность проблематики, выраженная исследовательская позиция, соответствие высоким академическим стандартам научного текста.

Минимальный объем материала — 20 000 знаков. Максимальный — 40 000 знаков.

Редакция не знакомит авторов с рецензиями. При отклонении публикации рецензия предоставляется по запросу.

Материалы принимаются к публикации только в соответствии с объявленной темой номера. Концепцию текущего номера и тематический план на следующие номера можно найти на главной странице сайта.

Предоставляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия редакции и гарантирует, что ни сам материал, ни его части не были опубликованы ни на твердых, ни на электронных носителях, ни в сети Интернет.

Автор несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения редколлегии и редакции.

Отношения автора и редакции регулируются публичным договором-офертой, опубликованном в разделе «Авторам» официального сайта журнала.

International Journal of Cultural Research is a project implemented by the St. Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research within the facilities of the EIDOS publishing house of humanitarian literature.

### | Founder & Publisher |

[PublishingHouse «EIDOS»](#)

**Director General**

Boris Bozhkov

[editor@eidos-books.ru](mailto:editor@eidos-books.ru)

### | Contacts |

**Common e-mail**

[editorial@culturalresearch.ru](mailto:editorial@culturalresearch.ru)

**Editor-in-Chief**

Dimitri SPIVAK

[d.spivak@culturalresearch.ru](mailto:d.spivak@culturalresearch.ru)

**Deputy Editor-in-Chief**

Alina VENKOVA

[a.venkova@culturalresearch.ru](mailto:a.venkova@culturalresearch.ru)

**Associate Editor**

Anna KONEVA

[a.koneva@culturalresearch.ru](mailto:a.koneva@culturalresearch.ru)

The Journal issued only in electronic version.  
Hardcopy is not provided.

International Journal of Cultural Research is registered by Federal Service for Supervision of Telematic and Mass Communications

Registration № FC 77–39183,  
March 17, 2010

ISSN 2079–1100

The Editorial Board welcomes a wide range of articles, including scholarly and critical papers, analytical studies, and reviews.

All materials undergo peer review by members of the Editorial Board. The basic criteria for publication are scholarly novelty, current subject matter, and adherence to high international academic standards. The Editorial Board does not inform the authors of the results of peer review. However, a copy of the review will be sent to the author upon his/her request, if the paper is rejected for publication.

Each issue of the journal has a theme that should be addressed by all texts accepted for publication in the given issue. The theme of the current issue, as well as of the upcoming one, are posted on the main page of the journal website.

Upon acceptance, the author will be required to sign a contract for publication.

Once the contract is signed, no part of the article or other materials may be published elsewhere in any form or by any means, without prior permission of the publisher. The author is responsible for the accuracy of all information, including facts, citations, historical and sociological data, names, and place names used in the text. Published materials do not necessarily reflect the views of the Editorial Board or the publisher.



| Редакционный совет |

**Вильям АРЕНС**  
*США, Нью-Йорк*

**Татьяна АРТЕМЬЕВА**  
*Россия, Санкт-Петербург*

**Алексей ВАСИЛЬЕВ**  
*Россия, Москва*

**Крыстына ВИЛЬКОШЕВСКА**  
*Польша, Краков*

**Мариуш ВОЛОС**  
*Польша, Торунь*

**Кристоф ВУЛЬФ**  
*Германия, Берлин*

**Валентина ДИАНОВА**  
*Россия, Санкт-Петербург*

**Шарлин Хэддок СИГФРИД**  
*США, Западный Лафайет*

**Владимир КОНЕВ**  
*Россия, Самара*

**Нина КОЧЕЛЯЕВА**  
*Россия, Москва*

**Давид Л. КРЕЙВЕН**  
*США, Альбекверк*

**Паоло КЬОЦЦИ**  
*Италия, Флоренция*

**Борис МАРКОВ**  
*Россия, Санкт-Петербург*

**Джон МАКДЕРМОТ**  
*США, Колледж Стейшн*

**Армен МАРСУБЯН**  
*США, Нью-Хэвен*

**Марк-Анри ПИЙО**  
*Франция, Париж*

**Кирилл РАЗЛОГОВ**  
*Россия, Москва*

**Джон РАЙДЕР**  
*США, Нью-Йорк*

**Олег РУМЯНЦЕВ**  
*Россия, Москва*

**Валерий САВЧУК**  
*Россия, Санкт-Петербург*

**Савелий СЕНДЕРОВИЧ**  
*США, Итака*

**Альмира УСМАНОВА**  
*Литва, Вильнюс*

**Николай ХРЕНОВ**  
*Россия, Москва*

**Вячеслав ШЕСТАКОВ**  
*Россия, Москва*

**Ричард ШУСТЕРМАН**  
*США, Бока Рейтон*

| Editorial Board |

**Dr. William ARENS**  
*USA, Stony Brook, New York*

**Dr. Tatiana ARTEMYEVA**  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Paolo CHIOZZI**  
*Italy, Florence*

**Dr. David L. CRAVEN**  
*USA, Albuquerque, New Mexico*

**Dr. Valentina DIANOVA**  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Nikolaj KHRENOV**  
*Russia, Moscow*

**Dr. Vladimir KONEV**  
*Russia, Samara*

**Dr. Nina KOCHELYAEVA**  
*Russia, Moscow*

**Dr. Boris MARKOV**  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Armen MARSOBIAN**  
*USA, New Haven, Connecticut*

**Dr. John J. McDERMOTT**  
*USA, College Station, Texas*

**Almira OUSMANOVA**  
*Lietuva, Vilnius*

**Dr. Marc-Henri PIAULT**  
*France, Paris*

**Kirill RAZLOGOV**  
*Russia, Moscow*

**Dr. John RYDER**  
*USA, New York City, New York/  
Azerbaijan, Baku*

**Dr. Oleg RUMYANTSEV**  
*Russia, Moscow*

**Dr. Valerij SAVCHUK**  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Savely SENDEROVICH**  
*USA, Ithaca, New York*

**Dr. Vyacheslav SHESTAKOV**  
*Russia, Moscow*

**Dr. Richard SHUSTERMAN**  
*USA, Boca Raton, Florida*

**Charlene Haddock SIEGFRIED**  
*USA, West Lafayette, Indiana*

**Dr. Aleksej VASIL'EV**  
*Russia, Moscow*

**Dr. Krystyna WILKOSZEWSKA**  
*Poland, Krakow*

**Dr. Mariusz WOLOS**  
*Poland, Torun*

**Dr. Christoph WULF**  
*Germany, Berlin*

| Редакция |

**Дмитрий СПИВАК**  
Главный редактор  
*Россия, Петербург*

**Алина ВЕНКОВА**  
Заместитель главного редактора  
*Россия, Петербург*

**Анна КОНЕВА**  
Шеф-редактор  
*Россия, Петербург*

**Скай БЁРН**  
Редактор  
*США, Беллингем*

**Любовь БУГАЕВА**  
Редактор  
*Россия, Петербург*

**Томас КАЧЕРАУСКАС**  
Редактор  
*Литва, Вильнюс*

**Денис СОБОЛЕВ**  
Редактор  
*Израиль, Хайфа*

**Ирина СОКОЛОВА**  
Редактор  
*Россия, Петербург*

**Михаил СТЕПАНОВ**  
Редактор  
*Россия, Петербург*

**Лариса ФИАЛКОВА**  
Редактор  
*Израиль, Хайфа*

| Editorial Team |

**Dr. Dmitry SPIVAK**  
Editor-in-Chief  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Alina VENKOVA**  
Deputy Editor-in-Chief  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Anna KONEVA**  
Associate Editor  
*Russia, St. Petersburg*

**Sky BURN**  
Editor  
*USA, Bellingham*

**Dr. Lyubov BUGAEVA**  
Editor  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Larisa FIALKOVA**  
Editor  
*Israel, Haifa*

**Dr. Tomas KAČERAUSKAS**  
Editor  
*Lithuania, Vilnius*

**Dr. Denis SOBOLEV**  
Editor  
*Israel, Haifa*

**Dr. Irina SOKOLOVA**  
Editor  
*Russia, St. Petersburg*

**Dr. Michael STEPANOV**  
Editor  
*Russia, St. Petersburg*

Выпуск # 1(14) 2014

**Политические культуры:  
типологии и факторы развития**

Ответственный за выпуск: Анна КОНЕВА

Issue # 1(14) 2014

**Political culture:  
typologies and development factors**

Managing Editor: Анна КОНЕВА



## СОДЕРЖАНИЕ / TABLE OF CONTENTS

ТЕМА НОМЕРА / TOPIC OF THE ISSUE	
<b>ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKIИ</b> Политические культуры: проблема изучения и типологии <i>Political Cultures: the Problem of Studying and Typologies</i> .....	5
<b>АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOB</b> «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности "Transnational Political Culture": Towards the New Subjectivity .....	21
<b>ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA</b> Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры Three Types of Relation to the Politics: Pre-political, Political and Post-political Culture .....	28
<b>ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO</b> От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии From National Consensus to Modern Political Culture: A Factor of Public Philosophy .....	40
<b>ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA</b> Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования Political and Legal Culture of the Society in the Projection Methodology Ideal Typing .....	46
<b>ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA,                      ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK</b> Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей Trust, Economical Development and Political Regime: Statistical Analysis of Connection .....	54
<b>КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA</b> Конституирование мифологема империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) Institutionalization of the Mythologema of Empire in Russian Cultural Consciousness .....	62
<b>СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV,                      ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH</b> Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания Political Models of the Aztecs and Mayas before the Spanish Conquest .....	70
<b>ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна / Irina VICENTIИ</b> Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области The Student Body Political Culture (according to a study of the Murmansk region) .....	76
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ / CULTURAL THEORY	
<b>Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ</b> A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation Путем транскультурализма: к демократии глобального взаимодействия .....	82
КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ / CONCEPTS OF CULTURE	
<b>СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV</b> Элементы археологии медиа The Elements of Media Archeology .....	88
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВА / ART STUDIES	
<b>ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA</b> Концепт национального героя в искусстве США XVIII века. Concept of a National Hero in Art of the USA in XVIII Century. Reflection of the Myth in Living Portraits of George Washington .....	95



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

Россия, Санкт-Петербург.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербург).

Профессор кафедры прикладной политологии, доктор философских наук, профессор.

Russia, St. Petersburg.

National Research University High School Economics.

Professor Dept. Applied Political Theory, PhD, professor.

[gtul@mail.ru](mailto:gtul@mail.ru)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИИ

В статье обосновывается ограниченность традиционного понимания политической культуры. Показываются возможности применения к анализу политических культур накопленного опыта изучения деловых культур. Авторская ценностно-нормативная модель социогенеза позволяет обобщить эти социентальный и ментальный подходы, получить операциональную методологию сравнительного анализа политических культур.

**Ключевые слова:** безопасность, деловые культуры, институты, политическая культура, нормы, свобода, справедливость, ценности

### Political Cultures: the Problem of Studying and Typologies

The article explains the limitations of the traditional understanding of political culture. There are shown the possibility of applying experience studying business cultures to the analysis of political cultures. Value-normative model allows to generalize societal and mental approaches and to obtain an operational methodology of comparative analysis of political cultures.

**Key words:** business culture, freedom, institutions, justice, norms, political culture, security, values

### Понятие и роль политической культуры

Если политика — деятельность, связанная с властными отношениями (принципами, нормами, институтами), гарантирующими жизнеобеспечение и развитие общества, то, вне зависимости от конкретной политической системы и исторической ситуации, реализация политического опыта предполагает решение вопросов о власти, жизнеобеспечении общества, а значит — проблем безопасности, развития, справедливого порядка, регулирующего реализацию интересов социальных акторов. При этом следует различать политику (policy), как конкретное решение, программу действий по решению проблем, реализации интересов, как конкуренцию различных идей, целей, интересов, например, в связи с легализацией нового закона, нормы, положения, и политику (politics) — как борьбу за получение и удержание власти.

При этом, однако, центральным, системообразующим по отношению к политическому опыту являются феномен и идея власти, которая не сводится к формированию и развитию государства. Политическое существовало до возникновения государства, оно проявляется в отношениях между различными организациями, в гражданском обществе, в межличностных отношениях.

Таким образом, политическая культура включает в себя целый ряд компонентов:

- политические институты, включая собственно политическую систему государства, порождения и функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и групп интересов, процедуры принятия политических решений, политической самоорганизации гражданского общества.
- политическое поведение, включая формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов;
- политическое сознание, совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному «обществу вообще». Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко — язык или жаргон. Культура всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта, нравов, обычаев. Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом, воздействуют на сознание человека,



**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ: ТИПОЛОГИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ / POLITICAL CULTURE: TYPOLOGIES AND DEVELOPMENT FACTORS**

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

Т а б л и ц а 1. Аналогия медицины и политики

Реальность («лаборатория»)	Суд, оценка («клиника»)	Политическая власть («здравоохранение»)
Фактические данные  Самоорганизация («самолечение»)	Помощь, консультация любому	Доступные формы политического участия, самоорганизации (доступные населению услуги)
Конфликты  <b>Интерпретация:</b> сведение единичного и общего (квалификация), использование терминов, нарративы, аргументация <b>Решение</b> (practical reasoning), риск, т. к. при дефиците времени и информации <b>Реализация</b> решения = Событие	Кодекс правил, норм, присяги, клятвы	Корпоративность профессионального сообщества, политического класса Обеспечение справедливости, дистанцирование в позиции «Третьего». Не м. б. беспредельного сострадания
<b>Доверие</b>		
Больной хочет выздороветь и имеет право знать диагноз и лечение. Гражданин хочет решить проблему и знать способ ее решения	Врач стремится излечить и сохранить тайну. Власть хочет разрешить конфликт (проблему).	} Необходимость гражданских инстанций, перед которыми исполнительные институты несут ответственность. Публичность, прозрачность. Роль СМИ.
<b>Риск</b>		
Больной не должен требовать бессмертия Гражданин не должен требовать решения исключительно в свою пользу.	Врач не должен злоупотреблять слабостью, незнанием и зависимостью больного. Власть (суд) не должна злоупотреблять зависимостью гражданина.	

на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание, формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.

Политическая культура реализуется на нескольких уровнях: как национальная политическая культура, как региональные политические культуры и как политические субкультуры, различающиеся, прежде всего, в зависимости от политических взглядов, убеждений и целей людей.

В политическом плане наиболее значимыми являются некоторые профессиональные субкультуры (бизнеса, чиновничества, военных, научного экспертного сообщества), возрастные (молодежь, ветераны и пенсионеры). Значимость их определяется как электоральными возможностями, так и другими формами социального капитала. Своей спецификой обладают и субкультуры политической элиты, иногда сознательно отделяющие себя от общего социума местом проживания, формами досуга, системой образования и т. д.

В целостной системе культуры общества политический опыт играет особую роль, обеспечивая совокупное единство этой системы. Политика в чем-то аналогична медицине. Так же как целью медицины является обеспечение здоровья (целостности) организма, так и целью политики является обеспечение здоровья (целостности) социума (общественного «организма»).

Это означает, что политика — не просто одна из подсистем социальной культуры, а одновременно, при этом и некий ее

системообразующий принцип. Тем самым политическая культура:

- обеспечивает воспроизводство политической жизни, ее преемственность и развитие;
- участвует в социализации личности, усвоении ею норм и ценностей политической жизни конкретного общества, открывая личности возможность жить жизнью общества, реализовывать свои интересы в соответствии с принятыми политическими нормами, правилами;
- способствует обретению личностью сопричастности политической общности;
- выступает средством консолидации социальных сил и общества в целом.

В анализе и изучении политической культуры, таким образом, важны не только ценностные ориентации в поведении — в характере политической культуры необходимо учитывать также роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы, их взаимовлияние. Важны также учет динамики политической культуры, различных темпов ее регионального развития, наличие и роль этнических, религиозных, возрастных, гендерных субкультур.

Тем самым, на первый план в формировании и развитии политических культур выходят:

- ценностно-нормативные факторы формирования и развития общества
- стадии институционализации ценностно-нормативных комплексов культуры



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

- взаимосвязь политических и деловых национальных культур с субкультурами, включая организационные и корпоративные культуры.

### Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации

Термин «политическая культура» (political culture), предложенный в 1956 г. Г. Алмондом для обозначения «специфических моделей ориентации на политические действия»<sup>1</sup>, сегодня имеет уже более широкое значение.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А, поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей<sup>2</sup>. Поэтому нередко под политической культурой понимают политическое поведение в зависимости от ценностных ориентаций. Так, Т. Парсонс и Э. Шилз определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике. Р. Карр и М. Бернштейн определили политическую культуру как установочную и поведенческую матрицу, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов. Г. Алмонд и С. Верба определяли политическую культуру как то, каким образом политическая система интернализируется (переводится в субъективный план сознания личности) в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения.

В 1963 году Г. Алмондом и С. Вербой была предложена типология политических культур, выработанная ими на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США и ФРГ), и которая традиционно рассматривается в качестве базовой в анализе политических культур. Г. Алмонд и С. Верба выделяли три чистых типа политических культур:

Приходская, патриархальная (patrochial culture) — ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни.

Подданническая (subject culture) — пассивное и отстраненное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни (в т. ч. — сознательно) «по традиции», «ритуально».

Участническая (participant culture) — активистский тип, где граждане проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния, включая протесты.

Чистые типы в реальной политической жизни встречаются чрезвычайно редко. Чаще имеет место их смешение, наслаение, распределение по субкультурам. Например, представители де-

лового мира или молодежь могут демонстрировать активную культуру участия, тогда как некоторые другие группы (профессиональные, возрастные, этнические, гендерные, региональные) могут склоняться к культуре приходского типа. Оптимальной Г. Алмонд и С. Верба полагали смешанный тип — «культуру гражданственности», свойственную Великобритании и США, с соотношением чистых типов 1:3:6. Для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, а для демократии, установленной сверху 55:40:5.

Основания этой типологии и, прежде всего, сама концепция гражданской культуры неоднократно подвергалась критике. Во-первых, она основана на трактовке культуры как системы ценностных ориентаций, не затрагивающей факторы порождения таких ориентаций. Во-вторых, она носит отчетливо оценочный (если не апологетический) характер, определяя степень близости к поведению, свойственному гражданам развитых демократий. В-третьих, авторы не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, а также разную смысловую нагрузку терминов, что приводило к парадоксальным выводам: так, получалось, что политическая культура США и Великобритании во многом сходна с культурой СССР с его активностью граждан на выборах.

Позже Г. Алмонд предложил другую типологию, разделив политические культуры на два типа: поляризованный и консенсусный. Однако эта типология тем более нуждалась в конкретном наполнении ее характеристик относительно проблем и природы поляризации и консенсуса (интеграции) социума. А главное — этот подход также оставлял политической культуре статус сугубо психологического феномена, не выходящий за рамки, в лучшем случае, социальной психологии.

Впоследствии базовая концепция была дополнена и развита У. Розенбаумом, дополнившим ее видами ориентации на политические объекты:

- относительно институтов государства (относительно политического режима, реакции на его решения);
- относительно «других» (политическая идентичность, доверие, отношение к «правилам игры»);
- относительно собственной политической деятельности (политическая компетентность и активность).

По степени консенсуса в обществе между его членами касательно вопросов политического устройства и определения правил политической «игры», У. Розенбаум выделил два крайних положения общества для такой модели: фрагментарное и интегрированное общество. Для фрагментарного общества по У. Розенбауму характерно: отсутствие какого-либо единого согласованного решения касательно политического устройства страны, следующее из этого нестабильное положение правительства, минимальный уровень доверия между общественными группами, отсутствие всеми принятых процедур улаживания социальных конфликтов. Для интегрированного типа общества характерно прямо противоположное: развитое гражданское общество, непротиворечивость и согласованность политических идентификаций, улаживание возникающих социальных конфликтов при помощи гражданских процедур, высокий уровень доверия среди общественных групп, лояльность в отношении существующего политического режима, а также низкий уровень политического насилия. Что примечательно,

<sup>1</sup> Almond G. Comparative Political Systems / Journal of Politics. 1956. Vol. 18. No. 3. P. 396.

<sup>2</sup> Тульчинский Г. Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. / Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 395–401.



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

такой тип политической культуры присущ и поддерживается в странах с высоким уровнем образования и материальной обеспеченности граждан.

Эти идеи были дополнены в 1980-х Д. Каванахом, предложившим различие гомогенных (однородных) политических культур, которым свойственно единство общества, толерантность, и культур фрагментарные с их конфликтной оппозиционностью субкультур. Помимо двух чистых типов, Д. Каванах выделил «смешанную» политическую культуру, которая обладает ценностными ориентациями, отличными от ценностей и норм установленного режима, а также «искусственно гомогенную» политическую культуру, которая характеризуется своим подданническим характером, одновременно соединенным с мобилизованным участием. Данная типология носит отчетливо выраженные черты теории *ad hoc* — подгонки под классическую типологию и одновременно — под ту реальность, которая в нее не укладывается.

В 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предприняли попытку усовершенствовать типологию Г. Алмонда и С. Вербы, выделив три переменные: интерес к политике, легитимность и участие. Каждый из этих факторов был операционализирован и при измерении классифицирован на высокие, средние и низкие показатели. По результатам комбинаций измерений признаков авторами были выделены пассивные и активные политические культуры. Тем самым была сохранена преемственность с идеей Г. Алмонда и С. Вербы, что основной функцией политической культуры является регулирование активности политического участия, а основание для классификации политических культур — суть активность политического поведения.

Такой подход стал очевидным вкладом в операционализацию традиционного понимания политической культуры. Хотя и он оказался достаточно уязвим для критики. Так, вряд ли приходская культура обладает низкой легитимностью. Она соответствует авторитарному режиму и традиционной легитимности, где доверие не зависит от политической компетентности носителей этой культуры. Скорее, можно говорить о комбинации низкого интереса, высокой легитимности и низкого участия. Наверное, нельзя отрицать и вариант, в котором все индикаторы могут иметь низкие значения: его можно рассматривать как «нулевой» уровень развития политической культуры, как политическое бескультурье. Более того, в этой типологии, если к понятию культуры участия подходить формально, то к ней можно отнести и культуру подданническую, ей может быть свойственна большая степень участия, которое может быть навязанным, как это было, например, в том же СССР. Другой разговор, что это участие было не добровольное и не гражданское: низкий интерес и высокое участие могут сочетаться только в случае принуждения или ритуализации. Но заложенные в модели критерии эту специфику не улавливают. Кроме того, в предложенной типологии автономная политическая культура и политическая культура участия оказывается вариантами протестной — средний или высокий интерес, низкая легитимность, высокое участие. Но протестной культуре свойствен большой интерес, чем заложен в типологию. У протестующих по определению не может быть низкого интереса к политике, т. к. протест является и ре-

зультатом этого интереса и стимулом для реализации нового интереса.

Таким образом, в развитии традиционной модели политической культуры четко прослеживается тренд к накоплению *ad hoc* и выходу за рамки социальной психологии. Однако во всех этих случаях политическая культура рассматривается как психологический феномен, фактически — сводится к мотивации.

Попытки преодолеть сугубо психологическое понимание политической культуры как ориентации политического поведения индивидов предпринимались неоднократно. Можно выделить в этой связи две тенденции.

Во-первых, это различие микро- и макро-уровней анализа с попытками говорить об их соотношении — например, в духе соединения психологических и социологических аспектов анализа. Это открывает возможность на микро-уровне — в анализе конкретных политических организаций — государственных и общественных — применять хорошо разработанные типологии корпоративных (организационных) деловых культур. А на макро-уровне рассматривать «национальные политические культуры» либо как политико-исторические описания, либо концепции типа «духа нации» И. Гердера и русских славянофилов. Другой возможностью реализации такого подхода может быть различение общей политической культуры и субкультур, которые являются совокупностью ориентаций и моделей поведения в политической сфере. Общая политическая культура характеризует политическое поведение и сознание основной массы населения, а субкультуры — совокупность политических моделей и ориентаций политического поведения, характерных для определенных социальных групп и регионов, которые отличаются от доминирующей в обществе культуры: социально-классовые, национально-этнические, религиозные, региональные и т. д.

Во-вторых, неоднократно предпринимались попытки преодоления субъективно-психологического понимания политической культуры с помощью институционального подхода. Тем самым преследовалась цель проследить влияние на политическую культуру экономических и правовых факторов. Примерами прослеживания такой взаимосвязи могут служить как ранние работы советских марксистов, в которых политическая культура сводится к политической системе, так и более зрелые работы отечественных обществоведов и историков (Ю. С. Пивоваров). За рубежом также предпринимались попытки сведения политической культуры к политической системе. Однако, в контексте развитости в политических науках понятий «политическая система», «политическая структура», «политические организации», идея политической культуры как их аналога оказалась излишней.

Это, в свою очередь, на долгие годы предопределило предвзятое отношение специалистов к самому термину «политическая культура» — как малопродуктивному концепту, глубоко вторичному по отношению к политической реальности.

Поэтому представляется полезным обратиться к концептуальному опыту общей теории культуры (культурологии), в которой выработано (и доминирует) понимание культуры как внешнего «кода», усваиваемого личностью. В этом случае акцент переносится из субъективного плана в объективный, открывая возможность рассмотрения их взаимодействия, позволяя выявлять и отслеживать причинно-следственные отношения в формировании



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

и развитии политической культуры, что, как следствие, открывает возможность воздействия на эти процессы. Действительно, если рассматривать культуру как нечто, формирующее личность, ее оценки, отношения и установки, то целесообразно сначала рассмотреть само это нечто, его содержание и структуру. И очевидно, что это «нечто» имеет социальную природу, связано с регулирующим воздействием социума на личность. В культуре и с помощью культуры реализуются как социальность личности, так и личностность социума, который существует только благодаря индивидам-носителям определенной культуры.

В этом плане полезно и поучительно обратиться к опыту изучения деловых культур.

**Типологии национальных деловых культур**

В разные эпохи, в разных цивилизациях, в разных странах и обществах формировались и формируются весьма специфичные деловые культуры, значительно отличающиеся по системе приоритетов, стилю ведения дела, агрессивности, допустимым рискам, способам разрешения конфликтов и т. д. Национальные деловые культуры самым непосредственным образом сказываются на формировании и развитии политических национальных культур. Во-первых, в силу тесной взаимосвязи политических и деловых элит, экономической жизни и политики. Национальные деловые культуры, определяя поведение людей в бизнесе, с неизбежностью оказывают влияние на политическую культуру: хотя бы потому, что вся политика суть «концентрированное выражение экономики». Во-вторых, конкретные отношения и технологии, характеризующие политическую жизнь, могут рассматриваться как часть деловых отношений между людьми и организациями. В-третьих, концепции национальных деловых культур важны тем, что они опираются на реальные многолетние научные исследования, доказавшие свою релевантность: учет такого подхода дает более объективную характеристику, чем психологически ориентированная и оценочная модель Г. Алмонда и С. Вербы. И некоторые модели, дают выход на организацию социальной и межличностной коммуникации, что принципиально важно для учета организации и динамики политического опыта и культуры.

Особый интерес представляет сопоставление деловых культур, сформировавшихся в культурах различных обществ. Здесь возможны два основных подхода: исторический (диахронический) и типологический (синхронический). В первом случае речь может идти о сопоставлении деловых культур различных цивилизаций и эпох, их динамике и преемственности. Во втором — о сопоставлении деловых культур различных народов. При всей важности исторического подхода, в дальнейшем рассмотрении акцент делается на типологическом подходе, поскольку он открывает широкие возможности сравнительного анализа. Пожалуй, наиболее продуктивным в этом плане оказываются подходы Г. Хофстеде и Р. Льюиса, предложивших типологии национальных деловых культур, которые широко используются в практике международных и кросс-культурных коммуникаций, включая политические.

Анализ национальных культурных типов управленческой деятельности, выполненный Г. Хофстеде в 1960–1980 годах, опирался на данные опроса более 60 тыс. респондентов в 70 странах мира об их отношении к труду, жизненным целям, отно-

шениям к начальству, сослуживцам, производственным вопросам. Исследование показало, что на формировании деловой культуры решающим образом сказываются базовые ценности национальных и этнических культур, определяющие культурную идентичность участников бизнес-процесса. Г. Хофстеде выделил четыре базовых критерия, по которым отличаются национальные деловые культуры: масштаба власти (Power Distance, PDI), снижения неопределенности (Uncertainly Avoidance, UIA), индивидуализма и коллегиальности (IND), мужественности и женственности (MAS).

PDI характеризует, в каком объеме общество признает неравномерное распределение власти. Руководство стремится при расширении зоны своей власти дистанцироваться от подчиненных, которые, в свою очередь, стремятся эти параметры сократить. Достижимое равновесие обуславливается культурными особенностями. Оказалось, что PDI коррелирует с географическим положением, количеством и плотностью населения, благосостоянием общества, историческими традициями и политическим устройством:

- в южных и тропических странах масштаб власти выше, чем в странах с умеренным и холодным климатом;
- в странах с высокой плотностью населения масштаб власти наиболее высок;
- благосостояние (то ли как причина, то ли как следствие) связано со снижением масштаба власти;
- страны, имевшие длительный опыт имперской истории (например, романские) или колониальной зависимости, имеют более высокий масштаб власти, чем не имевшие такого опыта;
- страны с низким масштабом власти тяготеют к демократической государственности при политической стабильности (Австрия, Германия, Швеция, Швейцария, США), тогда как страны с высоким масштабом власти склоняются к стабильному авторитарному правлению, а странам со средним масштабом власти характерна политическая нестабильность.

Низкий масштаб власти	Высокий масштаб власти
Антиавторитарное воспитание	Авторитарное воспитание
Принятие решений при обсуждении с подчиненными	Авторитарное принятие решений
Жесткий контроль оценивается негативно	Жесткий контроль
Иерархия рассматривается как ролевая при равенстве прав	Неравенство как основа порядка, система привилегий
Плюрализм и мультикультуризм	Авторитаризм и элитаризм
Децентрализация	Централизация
Различия в статусе невелики	Большие различия в оплате труда

Неопределенность в отношении будущего — один из базисных факторов человеческого бытия и в разных культурах используются разные механизмы и способы снижения такой неопределенности:

- страны с высоким UIA придают большее значение государственному регулированию, чем с низким;
- в странах с низким UIA слабо выражено стремление к детальной регламентации различных сфер жизни, удостоверению личности и т. п.;
- в странах, недавно перешедших к демократическому правлению UIA выше, чем в странах «старой демократии»;



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

- в странах с имперским культурно-историческим наследием UIA выше.

Низкое стремление к снижению неопределенности	Высокое стремление к снижению неопределенности
Готовность жить, не думая о завтрашнем дне Мобильность	Страх перед будущим Ограниченная мобильность
Мотивация к достижению успеха Готовность рисковать Терпимость к погрешностям	Низкая достижительная мотивация Нежелание риска Нетерпимость ко всяким отклонениям
Избегание агрессивности	Агрессивность в конфликтах и конкуренции
Конструктивное использование конфликтов и конкуренции. Признание различий во мнениях	Сильная потребность в согласии и одобрении авторитета
Не жесткая идентичность Слабые регламентация и ритуализация	Высокая идентичность Жесткая регламентация, стандартизация и ритуализация
Прагматизм и релятивизм	Идеологическое, доктринальное мышление, стремление к абсолютной истине
Доминирование стратегического мышления Гибкость	Ориентация на решение отдельных задач Ригидность и инерционность
Разнообразие стилей	Стремление к унификации

Высокий индивидуализм связан с независимостью индивида от организации, членство в которой для него имеет инструментальный, прагматичный характер. Коллективизм же опирается на высокое значение отношений в организации, за пределами которой индивид выступает как ее представитель. Параметр IND коррелирует с экономическими, географическими и демографическими особенностями:

- существует сильная позитивная зависимость индекса IND от благосостояния общества — богатые страны более индивидуализированы, нежели бедные;
- страны с умеренным или холодным климатом более индивидуализированы, чем страны с климатом более теплым или жарким;
- страны более населенные и с более плотным населением индивидуализированы в меньшей степени;
- использование современных технологий предполагает большую степень индивидуализации.

Коллективизм	Индивидуализм
Эмоциональная зависимость от фирмы Предпочтение групповых методов принятия решений Стремление к единообразию Избегание перемен Социальная система как основа идентичности Организация как семья Возрастное продвижение по службе	Эмоциональная независимость Индивидуально принимаемые решения Разнообразие мнений Стремление к переменам Самоопределение  Организация как функция Рост в зависимости от достижений

Индекс мужественности MAS демонстрирует, насколько общество отдает предпочтение самоутверждению, успешности, материальному успеху, конкуренции, честолюбию («мужские» ценности) по сравнению с предпочтением профессиональной безопасности, содержанием общения и качеством жизни («женскими» ценностями):

- индекс мужественности нарастает в странах по мере приближения к экватору;
- наименьший MAS в северных странах;
- католические страны более мужественны, чем протестантские;
- немецко-язычные страны имеют высокий MAS, а англоязычные — выше среднего, романские — ниже среднего.

Женственность	Мужественность
Контакты с начальством Приятная рабочая атмосфера Групповое принятие решений	Заслуги, признание Требовательность Индивидуальный поиск решений
Низкая достижительная мотивация Ориентация на взаимоотношения «Работать, чтобы жить» Интуиция Равенство полов	Высокая достижительная мотивация Ориентация на деньги и материальные ценности «Жить, чтобы работать» Рациональность Неравенство полов, мужские и женские профессии
Четкое разделение рабочего и свободного времени	Влияние профессии на частную жизнь

В этой связи несомненный интерес вызывает влияние национальной деловой культуры на процесс разработки инноваций. Ряд исследований показал взаимосвязь между национальной культурой и разработкой инноваций посредством установления зависимости между процессом разработки нового продукта, с одной стороны, и пятью параметрами национальной культуры — индивидуализмом, глубиной властных полномочий, мужественностью, избеганием неопределенности. Оказалось, что индивидуализм способствует выработке новых идей, тогда как на стадии внедрения он оказывается скорее помехой и более эффективной на этой стадии оказывается коллективистская деловая культура. Аналогичной оказалась ситуация и по параметру власти: малая глубина властных полномочий способствует разработке новых рыночных продуктов, но большая их глубина и концентрация облегчает реализацию проектов. В свою очередь, низкая степень мужественности (благодаря вниманию к персоналу, установлению теплого, поддерживающего климата) позитивно влияет на начальную стадию разработки, но высокая степень мужественности деловой культуры способствует успешной реализации на стадии внедрения. Низкий уровень избегания неопределенности благоприятен на стадии инициализации нового продукта, но высокий ее уровень благоприятен на стадии внедрения, поскольку делает упор на жесткое планирование и контроль.

Реализуемая на этой основе типология позволяет строить модели взаимодействия, стратегию переговоров и другие формы сотрудничества представителей различных деловых культур.

Не менее эффективную для практических целей типологию предложил президент Международного Института кросскуль-



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigori TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

турного и языкового тренинга Р. Льюис, согласно которому, в зависимости от способов организации деятельности, можно различать три основных типа деловых культур:

(I) Моноактивные (task oriented) — ориентированные на решение конкретных проблем, когда деятельность разбивается на последовательные этапы решения этих проблем и не отвлекается на другие задачи. Такие деловые культуры свойственны англосаксонским странам, Германии, Скандинавии (кроме Финляндии).

(II) Полиактивные (people oriented) — в которых одновременно может делаться несколько дел, чередуемых по минутной привлекательности и часто не доводимых до конца. Главная ориентация не на конкретную задачу, а на людей, заинтересованных в ее решении и участвующих «в процессе». Примеры таких культур дают страны Южной Европы, Латинской Америки, арабские страны.

(III) Реактивные (respect oriented) — ориентированные на обеспечение общей гармонии культуры, в которых деятельность осуществляется не по плану, а в зависимости от изменяющихся контекста и условий. Яркие деловые культуры этого типа характерны для Японии, Китая, Финляндии.

Деловые культуры, принадлежащие каждому из названных типов, существенно отличаются по ряду особенностей.

Прежде всего, — идентичностью носителей этих культур, т. е. разделяемыми ими базовыми ценностями конкретных национальных культур. «Я-образ» — неотъемлемая и центральная часть самосознания и самоощущения личности, определяющая образ мысли и поведения человека. Речь идет не о внешнем имидже, а о том, что, в конечном счете, этот имидж определяет: как человек относится к самому себе, другим людям, как определяет свое место в мире, среди других людей, что считает допустимым, а что — невозможным для себя и т. д. Речь идет о религиозных взглядах, чтимых исторических деятелях и событиях, национальных героях, деятелях культуры, праздниках, уровне образования и нравственной культуры. Важнейшую роль играет религия. Не случайно моноактивные культуры, по преимуществу, протестантские, полиактивные связаны с католицизмом, православием, отчасти — исламом, реактивные — конфуцианством, даосизмом, чань-(дзен-) буддизмом.

Ключевую роль в идентичности играет язык. Нетрудно заметить, что моноактивные культуры характерны преимущественно странам с германской группой языков, полиактивные — романоязычным, реактивные — говорящим на языках китайской и финно-угорской групп. Национальный язык формирует образ мысли, владение им открывает доступ к соответствующей культуре. Незнание иностранного языка или плохое владение им создает серьезные проблемы в деловом и бытовом общении: от простых неурядиц и недоразумений до языкового барьера.

Не менее важны отличия в мировоззрении, среди которых особый интерес представляет отношение ко времени и его использованию. Речь идет о своеобразной метафизике времени, определяющей течение жизни, планирование работы, распорядка дня.

В моноактивных культурах время объективно и линейно. Прошлое не значимо, а настоящее пока еще можно ухватить, расчленив на части и заставить работать на будущее, кото-

рое также поддается линейному пошаговому планированию. В результате жизнь и работа регламентируются расписаниями, графиками и т. д. Человек вынужден подделываться, подстраиваться под определенные лимиты времени. Носители такой культуры озабочены деловой насыщенностью времени и не могут заниматься несколькими делами параллельно. Они предпочитают делать одно дело в определенное время, сосредоточившись на нем и стремясь уложиться в запланированные сроки. Они считают, что, поступая так, они успевают сделать больше и лучше. А чем больший объем работы вы выполните и выполните успешно, тем больше вы заработаете денег. Буквально — «время — деньги». Этот принцип, очевидный для американца, немца, даже англичанина, совершенно не очевиден для итальянца, даже француза и тем более — для русского: в России (и особенно в советское время) наиболее преуспевающим считался тот, кто мог обеспечить себе солидное вознаграждение малым трудом или вовсе без него.

В культурах полиактивных время субъективно и пластично, легко поддается изменению его содержания, переносам, откладываниям (в духе знаменитого испанского тапана — «завтра!»), его легко приспосабливать «под себя», с ним можно обращаться, не глядя на часы. Испанец или араб не понимают американца или немца, стремящихся не опоздать, имеющих на все определенный лимит времени. Они считают, что тем самым люди сами себе создают совершенно ненужные проблемы. Нередко такое отношение ко времени и жизни оказывается не менее эффективным, чем в моноактивных культурах. Зачем придерживаться графика и расписания, если изменились обстоятельства и всплыл какой-то более важный вопрос. Там, где американец будет упорно обсуждать одну задачу, чтобы затем перейти к следующей, мексиканец или грек успеют решить обе, а то, что для этого придется отложить какие-то другие дела и встречи, то они тоже будут решены таким же образом, по мере реального появления участников, заинтересованных участников. Прошлое в этих культурах значимо, в нем коренится настоящее. Поэтому действия и решения нуждаются в объяснениях типа «почему», «кто виноват» и т. п., не существенных в культурах моноактивных.

В реактивных культурах время циклично, а не уносится в будущее. Зато люди могут становиться мудрее. Поэтому восточный человек, в отличие от западноевропейца или американца, не спешит принимать решение, не любит пошаговые обсуждения, стремясь понять и глубоко осмыслить весь контекст. Но зато, когда он понял ситуацию, он действует удивительно точно и быстро, удивляясь, что тут еще можно обсуждать. А поскольку время вечно, то очень важны ритуалы, обозначающие различные фазы жизни и деятельности. Зачастую соблюдение таких ритуалов важнее предмета переговоров и их результатов — обстоятельство, плохо укладываемое в сознании представителей других культур.

Такие мировоззренческие понятия с неизбежностью сказываются на отношении к истине. В моноактивных культурах «истина есть истина», а «факты — упрямая вещь», тогда как в культурах полиактивных истинность и правдивость отступают перед интересами, честью и статусом, а в реактивной культуре вообще существует только конкретная ситуация.



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

Т а б л и ц а 2. Характеристика основных типов национальных деловых культур (по Р. Льюису)

Тип культуры	Информация	Мировоззрение	Лидерство	Коммуникация
Моноактивные (Германия, Швейцария, Скандинавские страны)	Объективная, формализованная	Время объективно, линейно, последовательно	Порядок, нормы	Рациональная доказательная аргументация, факты, логика, «что» говорится.
Полиактивные (Италия, Латинская Америка, арабские страны)	Личностная, доверительная, неформальная	Время субъективно, пластично, «под себя», одновременно несколько дел	Красноречие, социальный статус, происхождение, связи	Эмоции, привлекательность, образность.
Реактивные (Япония, Китай, Финляндия)	Отношения в обществе, широкий круг, включая слухи	Время циклично. Главное — достижения гармонии. Зависимость от контекста.	Знание, терпение, учет интересов	Вежливость, уважительное выслушивание, консенсус, «кто и как» говорит

Отношение ко времени определяет и отношение к порядку, жесткости соблюдения норм, предписаний, договоренностей, даже — к закону. Англосаксы и немцы воспринимают решение, вошедшее в протокол встречи, как устный контракт, который вскоре будет оформлен в письменном виде как официальный документ. И такое решение, с точки деловой этики, следует выполнять, не возвращаясь к уже принятому решению. Японцы же и южноевропейцы, наоборот, не видят ничего зазорного, чтобы вернуться к пунктам, по которым уже было достигнуто согласие. При этом они считают не этичным настаивать на выполнении решения, которое стало несостоятельным или бесполезным в силу изменившихся обстоятельств. В отличие от носителей моноактивной культуры, пекущихся о правовой стороне дела, содержащих для этого многия и многия юристов, носители других культур более озабочены здравым смыслом происходящего. Зачем настаивать на выполнении достигнутых соглашений, когда развалился финансовый рынок или были приняты новые налоги? Представители таких культур отлично понимают возможность личных интересов с другой стороны, легче идут на удовлетворение этих интересов, необходимость «подмазать» чиновника: «закон — немецкий фокус», а есть конкретные интересы.

В разных культурах совершенно различны представления о природе и роли лидерства. Менеджеры в моноактивных культурах приобретают и демонстрируют технические умения, опираются на факты и логику, а не на чувства и эмоцию, концентрируют внимание подчиненных на конкретной задаче и результатах. Они организованны, тщательно планируют и контролируют соблюдение сроков. Каждый работник может вносить свои предложения в обсуждение вопроса, но мнение руководства приоритетно и не оспаривается.

Полиактивные менеджеры больше полагаются на свое красноречие, умение убеждать, силу характера, социальный статус (происхождение, образование, родственные и дружеские связи). Сыновья, племянники, двоюродные братья и близкие друзья семьи часто занимают ключевые посты. Задачи определяются наверху, стратегии и успех в значительной степени зависят от связей в обществе и министерствах, а также взаимовыгодного сотрудничества между властвующими семьями.

В реактивных культурах приоритетно долговременное развитие компании, коллектива, поэтому в них доминирует установка на устойчивую консолидацию. Менеджер, как и любой работник — не отдельная личность, а представитель фирмы.

Ни сам менеджер, ни его подчиненные или партнеры не должны терять своего лица.

Немаловажны также отличия в стиле коммуникации. Для моноактивных деловых культур характерно общение в стиле чередующихся монологов, использование логической аргументации, ее доказательность. Полиактивным культурам более характерен диалог, в котором одновременно могут участвовать несколько лиц, а убедительность зависит не столько от вескости аргументов, сколько от яркости и эмоциональности. Представители реактивных культур — идеальные слушатели. Они стремятся не столько проявить свою точку зрения и позицию, сколько понять других.

Представители разных деловых культур по-разному относятся и к источникам информации. В моноактивных культурах основной упор делается на формальных источниках: статистике, справочниках, деловых изданиях. В полиактивных — в первую очередь пользуются неформальными источниками: личными контактами и связями, слухами. Наиболее широк круг источников информации в реактивных культурах. В ход идут официально сообщаемые данные и сплетни, сведения от друзей и знакомых, данные из СМИ и от партнеров по спортивному клубу. Эти отличия определяют, например, совершенно различный подход к переговорам, их стратегии и тактике. Если для носителей моноактивной культуры переговоры это способ принятия решения, они решают задачу «здесь и сейчас», то для представителей других культур — только способ сбора дополнительной информации, а решение они будут принимать не здесь и не сейчас. На переговорах их интересует не предмет обсуждения, не столько «что» говорится, сколько «кто» и «как» говорит. Их главная цель — перспектива долгосрочных отношений, а не сиюминутная выгода.

Каждый из трех типов культуры можно охарактеризовать с учетом способов формирования информации, общего мировоззрения (прежде всего — отношения ко времени), лидерству, собственно коммуникации (отношения к партнеру, тип аргументации, доля и характер невербальной коммуникации).

Так соотношение моноактивности и полиактивности можно представить в виде шкалы, в которой на одном полюсе будут наиболее моноактивные деловые культуры, на другом — выражающие наиболее радикально выраженные полиактивные характеристики. (См. табл. 3.)

Некоторые национальные деловые культуры давно и хорошо известны. Показательно сравнение японской и американской моделей менеджмента предложил Э. А. Уткин:



**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ: ТИПОЛОГИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ / POLITICAL CULTURE: TYPOLOGIES AND DEVELOPMENT FACTORS**

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII  
 | Политические культуры: проблема изучения и типологии |

Т а б л и ц а 3.

Моно-/полиактивность	Национальные деловые культуры
Моноактивность = max, полиактивность = min	Германия, Швейцария США (WASP — белые англосаксы-протестанты) Скандинавия, Австрия Британия, Канада, Новая Зеландия Австралия, ЮАР Япония Дания, Бельгия США (субкультуры — еврейская, итальянская, польская и др.) Франция, Бельгия (валлоны) Чехия, Словакия, Хорватия, Венгрия Италия (северная: Милан, Турин, Генуя) Чили Россия (восточные и православные славяне вообще) Португалия Полинезия Испания, Италия (южная), другие средиземноморские народы Индия, Пакистан, страны Юго-Восточной Азии
Моноактивность = min, полиактивность = max	Латинская Америка, арабские страны, страны Африки

В Китае веками складывались конфуцианские традиции рационального управления. Однако к хозяйственной деятельности эта система ценностей относится с позиции чиновника, а не предпринимателя. Поэтому трудолюбие, рачительность, честность сочетаются с исполнительностью, почитанием старших по возрасту и должности, благосклонностью, справедливостью, стремлением к «золотой середине». Человек ориентируется не на конкретные цели и результат, а на межличностные отношения в иерархии, семье и такая персонификация деловых отношений на хозяйственную деятельность оказывала и оказывает неоднозначное влияние: с одной стороны, она стимулирует личную ответственность, с другой — тормозит личную инициативу.

Основой социальной стабильности в Китае считается социальное неравенство, определяемое пятью главными типами взаимоотношений, перечисляемых в порядке убывания значимости: правитель — подданный, отец — сын, старший брат — младший брат, муж — жена, старший друг — младший друг. Неравенство взаимоотношений означает не просто предоставление преимуществ главенствующему в отношениях, но и определенные его обязанности. По традиции китайцы замкнуты в системе «расширенной семьи», где связи между детьми и родителями, дядьями и дедушками, двоюродными братьями и

Т а б л и ц а 4. Сравнение японской и американской моделей менеджмента (по Э. А. Уткину)

Японская модель менеджмента	Американская модель менеджмента
Управленческие решения принимаются коллективно на основе единогласия	Индивидуальный характер принятия решений
Ориентация управления на группу	Ориентация управления на отдельную личность
Гибкая структура управления	Формализованная структура управления
Оценка управления по достижению гармонии в коллективе и коллективному результату	Оценка управления по достигнутому результату
Коллективный контроль	Индивидуальный контроль
Основное качество менеджера — умение осуществлять координацию и контроль	Главные качества менеджера — инициатива и профессионализм
Акцент на личных отношениях руководителя с подчиненными	Преимущественно формальные должностные отношения
Замедленная оценка работника и служебный рост	Быстрые оценка результатов труда и служебный рост

Японские коллективизм, трудолюбие, тяга к знаниям коренятся в конфуцианских ценностях и традициях, подкрепляемых опытом дзен-буддизма и государственным культом синтоизма. Вдобавок ко всему традиционный долг служения во второй половине XIX столетия (в эпоху Мэйдзи) молодыми самураями был переосмыслен как необходимость обеспечения экономического подъема с тем, чтобы страна заняла достойное место среди развитых держав. В результате, в Японии сложилась деловая культура с высокой значимостью роли государства, ориентацией на стабильность и минимизацию риска, конфликтности, достижение гармонии интересов участников дела. Сложившаяся система принятия решений «ринги» предполагает подготовку предложений снизу вверх и согласования практически на всех уровнях корпорации. Огромное значение придается статусу работника и партнера. Письменный контракт имеет в японской деловой культуре лишь самое общее, предварительное значение средства налаживания отношений — не более. Детально разработанный договор с конкретными обязательствами может восприниматься как выражение недоверия.

сестрами, семьями жены и мужа, с великим множеством прочих дальних родственников в самом Китае и за рубежом намного теснее, чем на Западе.

Особенности и перспективы российской деловой культуры обусловлены спецификой духовного опыта, уходящего корнями в восточно-христианскую традицию православия, о котором будет говориться в последней части учебника. Многие специалисты отмечают парадоксальность российской деловой культуры. По типу делового поведения она близка к культуре латиноамериканской, т. е. полиактивной, «отношенческой», т. е. ориентированной скорее на создание и сохранение хороших отношений с партнером, нежели на конечный результат и эффективность. В то же время сами российские предприниматели предпочитают выбирать в качестве идеальных партнеров представителей моноактивной культуры: американцев, немцев, скандинавов.

Значение национальных и региональных деловых культур не следует преувеличивать. В некоторых случаях институциональная (корпоративная, организационная) культура фирмы



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

может быть настолько сильной и специфичной, что национальная деловая культура может отходить на второй план<sup>3</sup>. Именно это объясняет нередко встречающееся различие в эффективности схожих компаний, действующих в рамках одной и той же национальной культуры.

Боле того, деловые культуры наиболее эффективных корпораций способствуют интеграции национально-этнических деловых культур. Перед современным человеком раскрывается разветвленная система возможностей самореализации, добиться успеха, признания и престижа в производственной, политической, научной сферах, искусстве и спорте. Постиндустриальному обществу с его обилием субкультур — национально-этнических, возрастных, локальных, профессиональных, досуговых — также свойственна терпимость (толерантность) к свободе выбора идентичности личности — от культурной до гендерной.

Для этой культуры, как и для постмодерна в целом, характерен акцент на индивидуальные начала, творчество, коммуникативное единство в сочетании с глубокой специализацией, возникновение нового коллективизма на этой основе. Профессиональный труд в этих условиях приобретает новый смысл и новую мотивацию: из обезличенной деятельности и способа зарабатывания денег он становится формой самовыражения, реализации личностного творческого потенциала. В предпринимательстве все большее значение приобретают малые формы, максимально приближенные к индивидуальным особенностям и стилю.

К базовым ценностям складывающейся общемировой деловой культуры относятся ответственный труд, успех (личностный, профессиональный, деловой), собственность, рациональность (в широком смысле — как практичность и эффективность), предприимчивость, профессионализм и качество<sup>4</sup>. Человеку, знакомому с некоторыми особенностями российского духовного опыта, нетрудно заметить, что отношение в нем к почти всем перечисленным ценностям неоднозначно. Это относится не только к собственности и успеху, но и к предприимчивости, качеству и даже труду. Поэтому вопрос об интеграции России в мировую экономику и перспективы такой интеграции отнюдь не так просты, как это может казаться некоторым экономистам и политикам, сводящим все к макроэкономическим моделям.

Стратегия российского обновления должна ориентироваться на то, чтобы сработать на опережение, учитывая не сегодняшний, а завтрашний день мировой науки и техники, социально-культурного прогресса и политических структур. Такая игра на опережение, с учетом определения своего места в мировой глобальной экономике уже удалась в XX столетии Японии и ряду стран Юго-Восточной Азии, удается и даже почти удалась Китаю. Если можно предвидеть, что политическая элита и деловые люди будущего в своих отношениях будут использовать японский принцип «сохранения лица», немецкую пунктуальность, американскую практичность, ки-

тайскую философичность, то уже сейчас можно отметить во всем деловом мире признаваемый «русский вклад»: изобретательность в экстремальных, казалось бы — безвыходных обстоятельствах.

## Типологии организационных деловых культур

Если типологии национальных деловых культур имеют значение для понимания природы национальных и региональных политических культур, то не менее значим для понимания политической культуры опыт, накопленный в теории и практике формирования и развития организационных (корпоративных) культур, поскольку речь идет об опыте эффективного управления конкретными учреждениями и организациями. Политическая деятельность также осуществляется в организациях, конкретных органах власти, НКО, партиях и т. д., которые по сути являются такими же организационными формами нормативно-ценностных систем, что и компании, фирмы.

Концепции организационных (корпоративных) культур позволяют конкретизировать характеристику политической культуры на уровне конкретных организаций и учреждений, операционализировать анализ, ориентировать его на динамику изменений. Речь идет о системе формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения и стиля руководства, показателей удовлетворенности условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентификации работников с организацией, перспективами ее развития. В результате организация, компания предстает культурой — в буквальном смысле, когда к ней применимы все характеристики любой культуры: нормы и ценности, традиции, эпос (герои и легенды), фольклор, ритуалы, «священные» даты и места, субкультуры. Тем самым обеспечиваются, с одной стороны, стабильность и узнаваемость организации на товарных рынках и рынке труда, а с другой — выступает мотивационным фактором развития и конкурентоспособности.

Американский исследователь Уильям Оучи выделил три основных вида организационных культур: рыночную культуру, которая характеризуется господством стоимостных отношений и ориентацией на прибыль; бюрократическую культуру, основанную на господстве регламентов, правил и процедур; клановую культуру, дополняющую предыдущие. Ее основу составляют внутренние ценности организации. Источником власти здесь служат традиции.

Широкое распространение получила типология Ч. Хэнди, который выделяет четыре основные виды культуры в организациях:

Культура власти (Зевса) — ее существенный момент — личная власть, источником которой является обладание ресурсами. Для таких организаций свойственны жесткая централизация, контроль и иерархичность. Успех предопределяется квалификацией руководителя и своевременностью выявления проблем. Все это позволяет быстро принимать и реализовывать решения в условиях острой конкуренции. В таких фирмах подбор персонала осуществляется прежде всего с ориентацией на людей, которые по образу мышления похожи на шефа и которые способны самостоятельно и эффективно работать.

<sup>3</sup> Терентьева В. И., Тульчинский Г. Л. Бренд-интегрированный менеджмент. М.: Вершина, 2007.

<sup>4</sup> Тульчинский Г. Л. Современные факторы культурогенеза. / Культурологические чтения. Научно-теоретический альманах. I. СПб: СПб ГУ, 2005, с. 123–128.



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

Структура таких организаций напоминает паутину, в центре которой — сильный паук, управляющий всеми нитями.

Ролевая культура (Аполлона) — в организациях, в которых главная ориентация не на человека, а на должность, функцию, рабочее место, нормы и правила, определена роль работнику и работа сверх роли не поощряется. Это бюрократическая культура, основывающаяся на системе правил и инструкций, характеризующаяся четкой специализацией, распределением ролей, прав, обязанностей, ответственности, специализацией участников, словом, всем тем, что обеспечивает административный успех. Она негибка, препятствует инновациям, затрудняет изменения. Пока фирма устойчива на рынке, ролевая культура гарантирует безопасность и предсказуемость. Как правило, организации с ориентацией на ролевую культуру конкурентоспособны в стабильной среде. Такая управленческая культура свойственна крупным корпорациям и государственным учреждениям.

Культура личности (Диониса) — она связана с эмоциональным началом, основывается на творческих ценностях и объединяет людей для достижения их личных целей. Решения здесь принимаются на основе согласия, поэтому задачей власти является координация. Организации этого типа часто создаются такими специалистами, как адвокаты, архитекторы, консультанты. Часто такой тип культуры можно найти внутри большой организации, когда некоторая группа специалистов имеет сильную потребность в отстаивании своих интересов или права на особый тип отношений (например, программисты, исследователи).

Культура цели, задачи (Афины) — эта культура приспособлена к управлению в экстремальных условиях и постоянно меняющихся ситуациях, поэтому основное внимание здесь уделяется скорости решения проблем. Она основывается на сотрудничестве, коллективной выработке идей, общих ценностях. Власть покоится здесь на компетентности, профессионализме и обладании информацией. Этой культуре присуще совмещение в одной команде носителей разных функций, разных уровней компетентности и подчинение иерархической власти процессу разработки или исполнения задания. Вся деятельность в таких фирмах ориентирована на проекты, рабочие задачи. Создание временных творческих групп для решения конкретных задач, разработки проектов, позволяет каждому реализовать свой творческий потенциал и одновременно позволяет работать в нескольких группах на нескольких проектах, т. е. переходить из одной группы в другую. Организация культуры целей эффективна при высокой конкуренции, требующей мгновенной реакции. Это — переходный тип управленческой культуры, способен перерасти в один из предыдущих. Он свойственен проектным или венчурным организациям.

К типологии Ч. Хэнди близка не менее распространенная типология различия праксеологической, предпринимательской, опекунской, бюрократической культур:

- в праксеологической культуре определение целей, выбор направлений деятельности рассматривается как средство повышения экономической эффективности, увеличения прибыли (близка культуре цели);
- в предпринимательской культуре предпринимательская деятельность является средством привлечения ресурсов для дальнейшего развития (близка культуре личности);

- в опекунской (патриархальной) культуре средством достижения единства является выполнение принятых руководством решений, их разъяснение (близка культуре власти);
- в бюрократической культуре единство обеспечивается за счет разработки формальных процедур принятия решений, оценки, контроля и т. д. (близка культуре роли).

Одна из самых популярных типологий предложена К. Камерон и Р. Куинном<sup>5</sup>. Их исследования «рамочной конструкции конкурирующих ценностей» привели к выводу, что типов организационных культур также четыре: клановая, адхократическая, иерархическая и рыночная.

Клановая организационная культура: очень дружелюбное место работы, где у людей много общего. Организации (подразделения) похожи на большие семьи. Лидеры или главы организаций воспринимаются как воспитатели и даже как родители. Организация держится вместе благодаря преданности и традициям. Делается акцент на долгосрочной выгоде совершенствования личности, придается значение высокой степени сплоченности коллектива и моральному климату. Лидер в клановой культуре выполняет две роли: (1) помощника, улаживающего конфликты и занятого поиском консенсуса на основе «клановых» норм и правил, вовлечением людей в принятие решений и разрешение проблем; (2) наставника, заботливого и проявляющего участие к проблемам отдельных лиц.

Адхократическая (от латинского *ad hoc* — «к случаю») организационная культура: в ней большую роль играет способность к решению конкретных проблем, нахождению нового решения. В подобной культуре основополагающую роль играет способность к творчеству. Такая организация — динамичное предпринимательское и творческое место работы. Ради общего успеха работники готовы на личные жертвы и риск. Лидеры считаются новаторами и людьми, готовыми рисковать. Связующей сущностью организации становится преданность экспериментированию и новаторству. Подчеркивается необходимость деятельности на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Успех означает производство и предоставление уникальных новых продуктов или услуг. Важно быть лидером на рынке. Организация поощряет личную инициативу, творчество и свободу. Лидер в такой организации выполняет две роли: (1) новатора, предвидящего изменения и лучшего будущего; (2) провидца, делающего акцент на возможностях и оценивающего вероятности результатов.

Иерархическая организационная культура: очень формализованная и структурированная, порядок и организация процесса превыше всего. Люди следуют официальным централизованным правилам, а все процессы формализованы. Часто ее называют бюрократическим типом организационной культуры. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры гордятся тем, что они — рационально мыслящие координаторы и организаторы. Предприятие объединяют формальные правила и официальная политика. Управление работниками предполагает озабоченность гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости. Этот

<sup>5</sup> Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001. URL: <http://corpulture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamerona-i-r-kuinna>



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

тип организационной культуры доминирует в организациях, ориентированных на результаты, на рынок. Ее главная забота — выполнение поставленной задачи. Люди целеустремленны и соперничают между собой. Лидеры — твердые руководители и суровые конкуренты. Они непоколебимы и требовательны. Организацию связывает воедино акцент на стремлении победить. Репутация и успех составляют предмет общего радения. Стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность. Лидер в иерархической культуре выполняет роли: (1) инструктора, хорошо информированного эксперта; (2) координатора, осуществляющего текущий мониторинг за организацией работ.

Рыночная культура: главным является достижение цели, основанное на конкуренции. Соперничество является основным мотивационным механизмом: люди целеустремленны и соперничают между собой. Лидеры — требовательные руководители и суровые конкуренты. Организацию связывает воедино акцент на стремлении победить. Репутация и успех являются общей заботой. Фокус перспективной стратегии настроен на конкурентные действия, решение поставленных задач и достижение измеримых целей. Успех определяется в терминах проникновения на рынки и увеличения рыночной доли. Важно конкурентное ценообразование и лидерство на рынке. Стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность. Лидер в рыночной культуре: (1) боец, агрессивный и решительный в достижении целей в борьбе с конкурентами; (2) постановщик задач, ориентированный на принятие решений; (3) надсмотрщик, обеспечивающий реализацию принятых решений.

Из проведенного рассмотрения видно, что, в принципе, практически все типологии организационных культур содержат устойчивую структуру из четырех основных чистых типов, наиболее удачно охарактеризованных Ч. Хэнди, К. Камерон и Р. Куинном. Это позволяет рассматривать эти типы как некие оси, на которых можно строить профили культур конкретных организаций: фактические, желаемые, проектируемые.

Опыт показывает, что конкретная деловая культура складывается в зависимости от вида деятельности, конкретных задач, зрелости руководства и коллектива.

Как правило, на стадии зарождения организации в управлении преобладает культура власти; стадию роста характеризует ролевая культура; стадию стабильного развития — культура задачи или культура личности; в кризисе предпочтителен акцент на культуре власти.

Этот аппарат достаточно перспективе в анализе и проектировании политических культур не только на «микро-уровне» конкретных организаций, учреждений. Эти инструменты могут быть полезны и в «макро-анализе» политических культур.

### Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры

Обобщая проведенное рассмотрение типологий политических и деловых культур, можно признать, что в самой истории формирования и использования концепта политической культуры содержится ее чрезвычайно перспективное ядро, позволяющее строить достаточно ясные модели, и — на этой основе — проследить четкие и конструктивные перспективы междисциплинарных исследований.

Анализ политической культуры не может ограничиваться рассмотрением только психологических феноменов. Вне выявления объективных факторов формирования политических ориентаций общество попадает в замкнутый цикл воспроизводства политической культуры, становящейся барьером развития. Необходим учет широкого спектра факторов объективного характера: от реального поведения, опыта повседневности, социальных практик традиций до институциональной среды, включая право... Это позволяет не только учитывать роль политической культуры в выработке и проведении решений, проектов, программ, но и возможности управления развитием самой политической культуры.

В этом плане новые перспективы открывает ценностно-нормативная модель социогенеза, которая не противопоставляется традиционному подходу или его альтернативам, а может рассматриваться как их обобщение и систематизация.

Политическая культура суть проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. В этом плане культура выступает системой порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Но не только. Культура — не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймовая структура образа жизни



Рис. 1.



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

ни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

К базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится безопасность, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т. д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего или также внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно — консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

При этом, в любом социуме — в любой форме и на любом уровне — с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentimentа.

Следует подчеркнуть важность и концептуальную смелость фундаментальной работы Х. Шека «Зависть. Теория социального поведения» этой. Тема зависти и ressentimentа была одной из ведущих в социальной и политической философии конца XIX — начала XX столетий. Достаточно вспомнить то значение, которое уделялось этой теме Ф. Ницше, А. Шопенгауэром, М. Шелером. То, почему зависть и ressentiment стали «белым пятном» в философии прошлого, да и начала нынешнего столетий, Х. Шек объясняет торжеством либеральной демократии, которую он рассматривает как институционализированную зависть, использование ее энергии в конструктивных целях.

Именно с разрешением проблем зависти и ressentimentа, так или иначе, связаны возникновение и роль второй базовой ценности социогенеза — справедливости. Реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй — связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т. е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доми-

нирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. История убедительно демонстрирует, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-«инноваторов» нарушителями завета предков, установленных норм, зовя к ним то ли полицию, то ли врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им, зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства<sup>6</sup>. И в связи с этим становится понятной модернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям: именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для обеспечения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости. И политической власти, государству для обеспечения легитимности. В таком обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, делая ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность — свобода, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу) как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы/ответственности личности.

Таким образом, в общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода.



Рис. 2. Базовые ценности социогенеза

<sup>6</sup> Тульчинский Г. Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. / Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 395–401.



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

Т а б л и ц а 5. Соотношение ценностей и типа общества

Ценности / Общество	Родо-племенное	Аграрное (феодалное)	Индустриальное	Массовое информационное
Доверие	Личное — к «своим»	Личное — к иерарху	Социальное — к суду	Социальное — к брендам
Справедливость	Своим — не чужим	По заслугам	По закону	По известности
Личность	Этническая принадлежность	Статус	Ролевая	Проектная
Собственность	Общая	Иерархическая	Частная	Сетевая рента
Свобода=ответственность	Род, племя	Вассалитет	Индивид	Точка сборки Я

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако, по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т. п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...). Это позволило авторам программы WVS сделать вывод, что в 1970–1990-х годах в странах с наиболее развитой экономикой произошла «тихая революция», названная научным руководителем этой программы Р. Инглхартом «переходом к постматериализму». Имеется ввиду стадия модернизации, обеспечивающая новый уровень качества жизни, гарантирующий материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, образование, здравоохранение, экзистенциальную безопасность от угрозы войны, криминала. Тем самым установки на безопасность, выживание, защищенность уступают место ориентации на самореализацию, самовыражение, личностную свободу.

«Материалистов» волнуют в первую очередь насущные потребности, связанные с выживанием, обеспечением безопасности. «Постматериалисты» ощущают относительную уверенность в том, что удовлетворение этих нужд им уже гарантировано и направляют свои силы и интересы на решение е вопросов качества самореализации. Эта динамика сказывается в поколенческих ориентациях (старшие еще более материалистичны, младшие уже более постматериалистичны), на формах политической и гражданской активности. Так, «материалисты» склонны к традиционным формам (выборы, митинги, встречи с руководством, письменные обращения), тогда как постматериалисты демонстрируют большую гибкость и разнообразие, в том числе — протестной деятельно-

сти (флешмобы, сетевая активность в блогосфере, стрит-арт), концентрируясь не на идеологии, а напрямую выражая свои предпочтения по конкретным вопросам, таким как экология, охрана культурно-исторических памятников, аборт, коррупция... При этом формы протеста, связанные с насилием не пользуются массовой поддержкой, вызывают неприятие. Другими словами, по мере постиндустриальной модернизации традиционные формы политической активности, включая практики либеральной демократии, могут уступать новым, в том числе — еще недостаточно изученным формам. Иногда этот процесс ошибочно воспринимается как упадок или кризис демократии, тогда как, скорее, речь идет о ее дальнейшем развитии и гуманизации, проявлении ее сути, а не формы. Подлинная поддержка демократии возникает не в связи с учреждением (или импортом) демократических институтов, а когда люди высоко ценят и считают самоцелью гражданские и политические права, обеспечивающие возможность их ответственного самовыражения.

Более того, если поддержка демократии на ранних стадиях перехода (т. н. «трансфера») основывается на завышенных ожиданиях в политической сфере, а не убежденности в ценности свободы как ответственности как таковой, экономические неудачи могут привести к разочарованности в демократии и даже — чувству безысходности перед почти неизбежным авторитаризмом. Именно такова была ситуация в постсоветских демократиях. При этом, парадоксально, но в случае экономических успехов авторитарные режимы тем быстрее утрачивают легитимность, чем дольше им удастся поддерживать экономический рост, способствующий распространению в обществе ценностей самовыражения, а значит и — демократии. Так годы «тучных коров» (2000–2011) подготовили почву мощного гражданского протеста в РФ зимой 2011–2012 годов.

В странах же, где ценности самовыражения уже широко распространены, провалы в экономике (например, в Бельгии, Испании, Чили) не ведут к утрате легитимности демократических политических систем.

Распространение секулярно-рациональных ценностей ведет к секуляризации власти, легитимность которой начинает зависеть не от традиционных религиозных верований, а от светских и рациональных представлений. И такие секуляристские представления и установки могут быть не менее не менее догматичными, чем религиозные. Так, они не всегда противостоят неограниченной политической власти — как коммунистическая или фашистская идеология.

Однако утверждение ценностей свободы, самовыражения ведет к эмансипации от власти, от любого внешнего воздействия, посягающего на личные права. В этом случае власть



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII

| Политические культуры: проблема изучения и типологии |

воплощается в самом человеке. В морально и политически автономной личности институциональная и суверенная свобода совпадают, воплощаясь в единой ответственности.

Роль справедливости, однако, связано с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов — как формальных, так и особенно — формальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные.<sup>7</sup> К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций — организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно — эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И, если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие «сплачивающее», личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно — состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия сплачивающего недостаточно — необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего — правовая культура, задающая нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то неформальные — гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

На религиозный фактор обратил внимание еще М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Действительно, модернизацию первыми осуществили и наиболее успешно реализовали догоняющую модель после распада СССР именно протестантские страны. С другой стороны, страны ислама с его антирыночными установками, существенно отстали и отстают в экономическом развитии. А экономическому росту Турции и отчасти Египта во многом способствовали относительно длительные периоды правления светских политических режимов.

Однако, как примеры Турции и Египта, так и сопоставление развития Севера и Юга Кореи, Западной и Восточной Германии показывают, что культурный фактор по своей значимости уступает политическому и правовому режиму. Т. е. роль нефор-

<sup>7</sup> Тульчинский Г. Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. / Философские науки. 2013. № 1, С. 24–38.

мальных институтов важна, но она уступает роли институтов формальных.

Помимо прочего, формальные институты, обеспечивающие возможность развития рыночной экономики, в немалой степени способствуют концентрации социального и человеческого (а значит — и финансового капитала).

В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы).

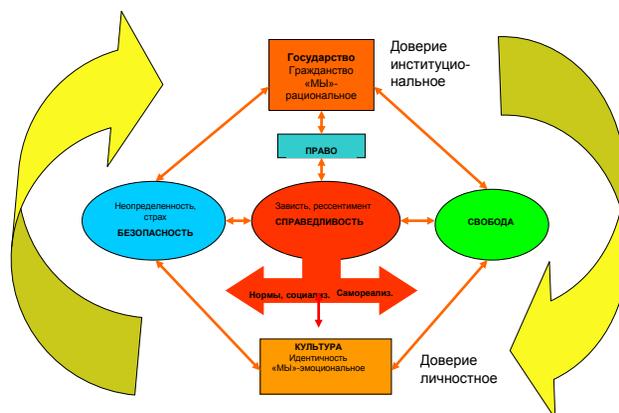


Рис. 3. Роль формальных и неформальных институтов в консолидации общества

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность-справедливость-свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, на кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов предпринята серия исследований сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Например, в исследовании А. Богдановой, с опорой на базу данных Г. Хофстеде удалось сопоставить профили политических культур различных стран, а также динамику политической культуры РФ за последние годы (Рис. 4 и Рис. 5).



ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович / Grigorii TULCHINSKII  
 | Политические культуры: проблема изучения и типологии |

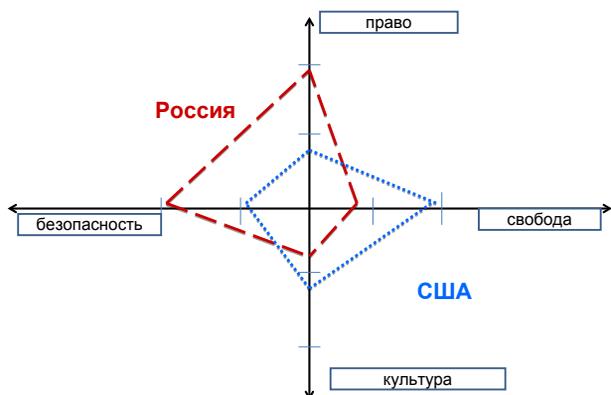


Рис. 4. Сравнение политической культуры России и США (А. Богданова по данным Г. Хофстеде, 2013)

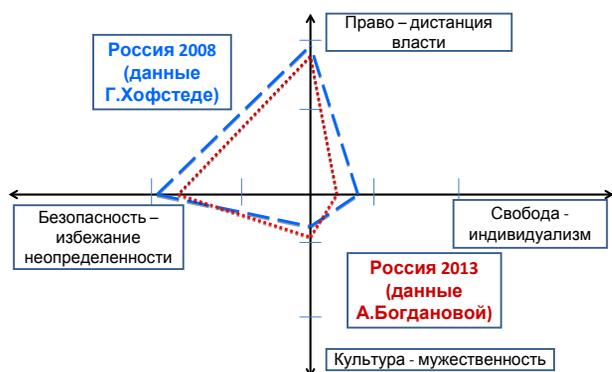


Рис. 5. Динамика российской политической культуры за 2011–2008 гг. (А. Богданова, 2013 г.)

Исследование А. Камаева позволило сравнить для 12 основных социальных групп РФ профили существующей и желаемой политических культур. Ниже на рис. 6 приведены суммированные профили для всех этих групп.

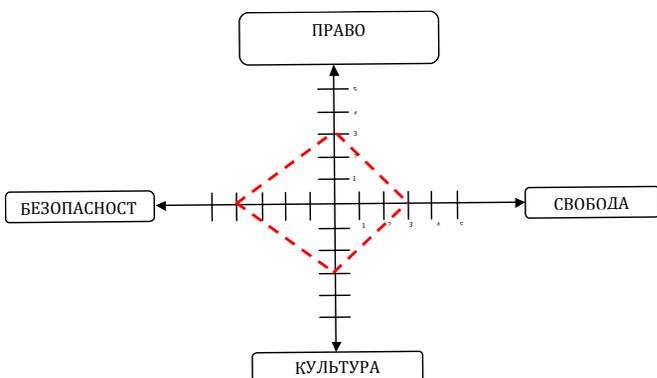


Рис. 6. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры (А. Камаев, 2013 г.)

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидны свойственные российскому обществу доминирование традиционализма, правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративным политическим дизайном. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оказываются несостоятельными.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет т. н. «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А. Богдановой.

В ценностно-нормативной модели политической культуры очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая социальная инженерия.

Тем самым, ценностно-нормативная модель политической культуры открывает широкие перспективы синтеза различных подходов и аналитик, не отрицающих, а интегрирующих выработанные концепции и накопленные результаты.



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

Россия, Санкт-Петербург.  
 Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»,  
 отделение прикладной политологии.  
 Кандидат политических наук, доцент.

Russia, St. Petersburg.  
 National Research University High School Economics, Dept.  
 Applied Political Theory, PhD, professor

[sergakopov@gmail.com](mailto:sergakopov@gmail.com)



## «ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: В ПОИСКАХ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Исследование наднационального и кросс-национального в современной политической культуре предполагает выявление новых характеристик субъектности, то есть носителей специфического наднационального политического сознания, опыта и практик. Поиску и описанию субъектов транснациональной политической культуры в современном мире и посвящена эта статья. В ней последовательно рассматриваются три группы потенциальных представителей этой новой субъектности: транснациональные мигранты (трансмигранты); современные «глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы».

**Ключевые слова:** политическая культура, транснациональность, трансмигранты, глобальные кочевники, транснациональные интеллектуалы

### "Transnational Political Culture": Towards the New Subjectivity

The research of elements of supranational and cross-national in modern political culture involves identifying new characteristics of subjectivity, per se those who carry out specific supranational political consciousness, experience and practices. This article is targeted towards the search and description of the new subjects of transnational political culture in the modern world. Therefore it includes analysis of the three groups: transnational migrants ("transmigrants"), contemporary "global nomads" and "transnational intellectuals".

**Key words:** political culture, transnational, transmigrants, global nomads, transnational intellectuals

Исследование наднационального и кросс-национального в современной политической культуре предполагает выявление новых характеристик субъектности, то есть носителей специфического наднационального политического сознания, опыта и практик. Поиску и описанию данных субъектов наднациональной или кросс-национальной политической культуры в современном мире и посвящена эта статья. В ней последовательно рассматриваются три группы потенциальных представителей этой новой субъектности: транснациональные мигранты (трансмигранты); современные «глобальные кочевники» и «транснациональные интеллектуалы». При этом исследование «над» и «кросс» национального в современной политической культуре производится в данной статье под углом зрения поиска характеристик именно транснациональной политической культуры, под которой понимается система порождения, отбора, воспроизводства и трансляции транснационального политического опыта.

Западные исследователи выделяют несколько подходов к транснационализму<sup>1</sup>. Однако в рамках данного исследования «транснациональное» рассматривается как особый тип сознания и политической картины мира. Транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие признаки и элементы как множественная идентичность, культурная креолизация и мультилингвизм. Формирование подобной картины мира может быть связано с наличием у человека нескольких «духовных» родин, с практиками общения к двум и более традициям высшего образования, с укорененностью в нескольких образах жизни. «Транснациональное» можно определить как наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств. Причем, если

<sup>1</sup> Подробнее см. Vertovec, Transnationalism. London, Routledge, 2009. p. 6.



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

под «интернациональным» понимаются взаимодействия, соединяющие людей или институты сквозь границы, но на уровне государств, то под «транснациональным» понимается такое же взаимодействие, но уже между негосударственными акторами. Это дает некоторым авторам основания попытаться отойти от принципа методологического национализма и понимать под транснациональными исследованиями область кросс-границного и полилокального взаимодействия негосударственных акторов, а также считать перспективной единицей в рамках транснациональных исследований именно транснациональные организации *мезо уровня*<sup>2</sup>. Такое разграничение развивает определение «транснационального», данное в теории международных отношений Дж. Наем и Р. Кеохэйном, утверждавшими, что транснациональное отличается от межгосударственного тем, что в первом случае хотя бы один из партнеров взаимодействия не является национальным актором<sup>3</sup>.

С ростом экономической и культурной глобализации произошло необратимое качественное изменение политической культуры. Речь, прежде всего идет об изменении роли национального государства, а также о значительной секьюритизации в области внутренней и внешней политики этого национального государства. Особенно остро это обнаружилось в связи с введением в ряде стран после 2001 г. антитеррористического законодательства, предусматривающего в целях общественной безопасности некоторые ограничения прав человека: права на тайну переписки, тайну личной жизни и т. д. Например, острым стало обсуждение так называемого Патриотического акта в США (USA PATRIOT Act — Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001). Речь идет о федеральном законе, принятом практически сразу после террористического акта 11 сентября 2001 года и дающим правительству и полиции США широкие дополнительные полномочия по надзору за своими гражданами. Принятый закон, в частности, расширил права полиции по подслушиванию и по электронной слежке. Как подчеркивает С. Херман — президент американского союза гражданских свобод (ACLU) — многими американцами это было расценено как нарушение четвертой поправки к конституции США и, к сожалению, пишет американская исследовательница, современная администрация США в лице Б. Обамы, вопреки его предвыборным обещаниям, в этом плане не сильно ушла от политики Дж. Буша младшего<sup>4</sup>.

К другим основаниям изменения позиций национального государства можно отнести возрастающие миграционные потоки. Так, только за 2005 год почти 700 000 мигрантов получили гражданство в одном из государств стран ЕС и более 600 000 стали гражданами США, почти 100 000 — стали гражданами Австралии и примерно 200 000 — стали канад-

цами<sup>5</sup>. Речь, однако, в рамках целей данной статьи речь пойдет не столько о количестве, сколько о новом качественном облике миграции начала XXI века. В частности, о таком феномене как «трансмигранты». Само понятие «трансмигрант» вошел в научную литературу в 1990-х и 2000-х годах во многом благодаря статьям и книгам Нины Г. Шиллер, работающей в Институте исследования космополитических культур при Университете города Манчестер. Термин «трансмигранты» (то есть «транснациональные мигранты», в отличие от традиционных мигрантов) применялся ею для описания мобильных субъектов, которые одновременно создают и поддерживают социальные отношения, связывающие между собой общества их происхождения с обществами их пребывания и места жительства. В литературе по миграции трансграничная миграция выделяется в качестве подвида транснациональной (например, в случае с границей между Мексикой и США). Такие мигранты одновременно включены в общественные отношения более чем одного государства, что приводит к возникновению феномена «отдаленного национализма» (long-distance nationalism)<sup>6</sup>.

Традиционно исследователи рассматривали мигрантов как людей, покидающих свои места пребывания и подвергающиеся трудному процессу ассимиляции или инкорпорации в принимающие сообщества. Однако сегодня, по мнению английской исследовательницы, трансмигранты активно включаются в процесс транснационализации, охватывающий экономические, культурные, социальные, этнические и национальные границы таким образом, что, находясь в «транснациональном поле» их набор социальных ожиданий, культурных ценностей и моделей взаимодействия с обществом формируется *более чем одной* социальной и политической средой. Трансмигранты могут использовать термин «дом» для обозначения страны происхождения, но они также создают «дома» (как физически, так и социально) в принимающем их сообществе. Как показано на примере общины пограничного города Тихуана, не только мигранты их Мексики в США, но и мексиканцы, оставшиеся проживать на территории Мексики, могут оказываться в социальных отношениях и участвовать в организациях, носящих транснациональный и трансграничный характер. Многие члены таких трансграничных организаций оказываются вовлеченными в транснациональные сети, даже не покидая страны своего происхождения. Формирование идентичностей таких трансмигрантов проходит в так называемых «транснациональных социальных полях», в рамках процесса детерриторизации. Общины трансмигрантов не существуют в одном географическом месте, но разбросаны по нескольким государствам. Некоторые трансмигранты могут большую часть своей жизни провести «на колесах», другие могут жить в течение длительного времени в одной определенной местности, третьи — лишь изредка покидают страну своего происхождения. Многие из них физически находятся на территориях одних государств, но ощущают политиче-

<sup>2</sup> Rethinking Transnationalism. The Meso-link of organizations. / ed. by L. Pries. London: Routledge, 2008. p. 7–8.

<sup>3</sup> Nye & Keohane, Transnational Relations and World Politics: An Introduction. / International Organization. Vol. 25. No. 3 (summer 1971). p. 332.

<sup>4</sup> Herman S. Taking Liberties: The War on Terror and the Erosion of American Democracy. Oxford, 2011. P. 3–4, 153–155.

<sup>5</sup> См. The Political Representation of Immigrants and Minorities. Voters, Parties and Parliaments in Liberal Democracies. / Bird K., Saalfeld T., M. W. St. A. (Eds.). NY. 2010.

<sup>6</sup> Schiller N., Fournon G. Georges Woke Up Laughing: Long Distance Nationalism and the Apparent State. Durham. 2003. p. 20–21.



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

## | «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

скую, экономическую, и культурную принадлежность к сообществам своего происхождения<sup>7</sup>.

С точки зрения практик политической культуры важно, что во время своего пребывания в принимающих сообществах трансмигрант оказывается вовлечен в расовые, этнические и национальные практики и дискурсы гегемонии. Трансмигранты затем сами способны преобразовывать эти дискурсы через практики сопротивления, а также перенесения эти практики сопротивления в свои «родные» сообщества. Таким образом, между странами-донорами и странами-реципиентами мигрантов происходят взаимобмены в форме социального капитала, идей и паттернов поведения, стимулирующие эксперименты в области политических идей, социальных практик, и даже отношений между полами. Происходит смешение транснационализма, проистекающего «сверху» (transnationalism from above) и транснационализма, спонтанно возникающего «снизу» (from below). Как отмечает Х. Флорес, в результате креолизации и гибридации возникают феномены «ньюйориканца» (ньюйоркца пуэрториканского происхождения) или испаноговорящего жителя Майами (“New Yorican” and “Miami Spanish”)<sup>8</sup>. Все это приводит к креолизации и возникновению новой субъектности в рамках новой — «транснациональной» — политической культуры.

Другими относительно новыми субъектами «транснациональной культуры» являются современные «глобальные кочевники». Глобальные кочевники (англ. «global nomads») относятся к людям, которые путешествуют из одной страны в другую без постоянного проживания или работы, в силу чего их связи со страной их первоначального происхождения неумолимо ослабевают. Большинство «глобальных кочевников» работают на должностях, не связанных тесным образом с каким-то конкретным физическим расположением в пространстве (например, программисты, журналисты, преподаватели языков, ремесленники ручного труда). Такой образ жизни характеризуется очень высокой мобильностью. Речь далеко не всегда идет о малообеспеченных семьях мигрантов. Образ жизни современных глобальных кочевников стал возможен с конца XX века благодаря появлению быстрых и относительно дешевых способов транспортного сообщения (например, бюджетные авиалинии). Свою лепту здесь внесло также и быстрое развитие коммуникационных технологии, которые позволяют людям общаться и работать в реальном времени сквозь большие географические расстояния. На сегодняшний день глобальные кочевники часто бывают выходцами из западных стран. Они являются привилегированными в том смысле, что у них есть финансовые ресурсы для перемещения (у них есть сбережения, либо они продают/сдают квартиру; получают высокую пенсию). «Глобальные кочевники» часто имеют американские или европейские паспорта, которые позволяют им двигаться по миру без существенных визовых ограничений. Элитными «глобальными кочевниками» можно считать руководителей транснациональных корпораций и банков, меняющих позицию своей работы, переез-

жая вместе с семьями раз в несколько лет из одного крупного мегаполиса в другой<sup>9</sup>.

Для детей элитных «глобальных кочевников» в начале 1950-х американский антрополог Рут Хилл Усиим ввела в научный оборот термин «дети третьей культуры» (Third Culture Kids / TCK). Как и их родители, эти дети или подростки живут в стиле дипломатов — часто меняя друзей, школы, города, страны, и никогда всецело не адаптируются к культуре родной страны или стран, где они жили подолгу. Ряд американских исследователей считают «детей третьей культуры» прототипом граждан будущего. Сегодня их особенности исследуются на крупных научных конференциях, проводимых под эгидой фондов *Global Nomads International* и *Families in Global Transition*. «Дети третьей культуры» — это дети, большая часть детства которых прошла в культуре, отличающейся от национальной принадлежности, указанной в паспортах их родителей. Такие дети вырастают «между миров»: и не в мире своих родителей, и не в том мире, где прошло их детство. Как отмечает Р. ван Рекен, таким образом первым миром («первой культурой») для этих детей будет страна происхождения их родителей, вторым — «вторая культура» — страна, куда позже переехали родители и где ребенок рос. Третьим миром — «третья культура» — образ жизни, который ребенок делит в другими детьми, оказавшимися в сходной ситуации, то есть по сути в ситуации «между миров»<sup>10</sup>.

Сегодня в таких странах как США имеет смысл проводить серьезные исследования «детей третьей культуры», так как количество «TCK» возвращающихся «домой» учиться в американских университетах и колледжах постоянно возрастает. Кроме того, эти студенты имеют уникальные, весьма отличные от других подростков психологические и академические профили. Например, к их преимуществам можно отнести языковые навыки, высокую гибкость и адаптивность к социуму, кросс-культурные навыки общения, взрослость и ориентированность на международную карьеру. Недостатки «TCK»: ностальгия по утерянной родине, лишенность корней, иногда чувство растерянности и тревожности в отношении выработки ориентаций и ценностей (в том числе и оснований для патриотизма и лояльности к той или иной группе или стране)<sup>11</sup>.

Представляется, что потеря корней может привести к перерастанию транснациональной политической культуры в культуру мирового гражданства — вести к политической культуре «космополитизма». Так, например, крупный представитель американской социологии К. Калхун полагает, что космополитизм часто в большей степени оказывается направлен на преодоление культурных особенностей и локальной специфики, чем на их сохранение. В работе «Классовое сознание частых путешественников. К критике реально существующего космополитизма» Калхун критикует космополитов с немарксистских позиций, высказывая, в частности мнение, что космополитизм

<sup>7</sup> Lynn S. *Transborder Lives: Indigenous Oaxacans in Mexico, California, and Oregon*. Durham. 2007. p. 19.

<sup>8</sup> Flores J. *The Diaspora Strikes Back: Caribe o Tales of Learning and Turning*. NY. 2009. p. 173.

<sup>9</sup> Kannisto P., Kannisto S. *Free as a Global Nomad: An Old Tradition with a Modern Twist*. Phoenix. 2012. p. 163.

<sup>10</sup> Pollack D., Van Reken R. *Third Culture Kids: The Experience of Growing Up Among Worlds*. Yarmouth, 2001. p. 14.

<sup>11</sup> Madalina A. *Study Abroad and Cultural Learning Through Fulbright and Other International Scholarships: A Holistic Student Development / Journal of International Students Spring 2013 Vol. 3 Issue 1. P. 8.*



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

обычно являлся имперским проектом и его теплицей становились имперские торговые города, например, Лондон, Париж, Москва. Такой космополитизм шел рука об руку с неолиберализмом. Однако на практике этот космополитизм выражал мировоззрение экономической элиты. Поэтому «космополитическая мысль, - отмечает Крейг Калхун, — испытывает проблемы с культурной партикулярностью, локальными предпочтениями и даже эмоциональными привязанностями»<sup>12</sup>. Так или иначе, однако, с учетом интернационализации ведущих российских ВУЗов не исключено, что исследования «детей третьей культуры» станут востребованы и в России, например в отношении потенциальных студентов из русскоязычных диаспор бывшего СССР.

Третью, относительно немногочисленную группу субъектов новой транснациональной политической культуры (которая, по своему происхождению, может частично совпасть с «глобальными кочевниками» или «детьми третьей культуры») мы условно обозначаем как «транснациональные интеллектуалы». Когда мы говорим о подобных интеллектуалах, то имеем в виду, роль, которую они выполняют в интеллектуальном сближении культур, исторически разделенных нарративами вражды и образами «врага». Естественно, что их признаки во многом совпадают с признаками самой «транснациональности»: «билингвизм» (и как следствие этого — повышенная восприимчивость к различным типам мышления), опыт жизни в разных странах (и как следствие этого — расширение кругозора), опыт образования в разных странах (и как следствие этого — экзистенциальное приобщение к разным интеллектуальным традициям). Вероятно, что все эти и другие качества в итоге влияют на «способность быть взволнованными» событиями в мире, в других культурах и странах у таких, по выражению И. С. Семененко, «властителей дум» как У. Бек, Ю. Хабермас, З. Бауман и У. Эко<sup>13</sup>.

«Транснациональные интеллектуалы» могут объединяться и создавать так называемые интеллектуальные «фабрики мысли». А. Ю. Сунгуров подчеркивает, что можно выделить несколько типов фабрик мысли. «Существуют «фабрики мысли» непосредственно ориентированные на улучшение публичной политики (advocacy oriented groups). Они дают рекомендации или критикуют существующие аспекты политики... На другом краю спектра находятся фабрики мысли, ориентированные на образование (educated-oriented groups). Они влияют на политику через организацию конференций и семинаров, издание книг и статей, взаимодействие со СМИ»<sup>14</sup>. Американский политолог П. Хаас сформулировал ставшее классическим определение «эпистемологических сообществ»: «сеть признанных в какой-

либо области экспертов, совместно вырабатывающих критерии истинности знания и активно влияющих на процесс принятия политических решений в сфере своей компетенции»<sup>15</sup>.

Однако насколько вообще возможен «транснациональный интеллектуал» в области политической философии? Возможно ли политическим мыслителям дистанцироваться от пропаганды и, если да, то до какой степени? Иными словами, насколько аполитичными могут / должны быть интеллектуалы? Может ли политолог быть аполитичен, если информация, которую он получает обычно приходит из тенденциозных источников? Нет, но он может сохранять качества объективности, аналитичности и научности, подвергая полученную информацию критической оценке еще до своих нормативных заключений. Относительно понимания роли интеллектуала философ М. Н. Эпштейн вступает в спор с позицией, высказанной М. Фуко. Эпштейн отрицает мысль М. Фуко, что «интеллектуал определяется тройко: во-первых, своей классовой позицией (как мелкий буржуа на службе капитализма или как «органический» интеллектуал пролетариата); во-вторых, условиями жизни и работы (область исследования, место в лаборатории, политические требования, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете и т. д.); наконец, спецификой политики истины в наших обществах. Иными словами, отмечает Эпштейн, «интеллектуал определяется Фуко политикой во-первых, во-вторых и в-третьих»<sup>16</sup>. Но тогда задается вопросом Эпштейн, что делает этого человека интеллектуалом и отличает от партийных функционеров или от любых членов общества как носителей определенных социальных функций? «То, что интеллектуал может дать обществу — полагает Эпштейн — это именно подняться над войной всяких идентичностей (я — рабочий, ты — буржуй, я — белый, ты — черный, я — женщина, ты — мужчина, я — «гетеро», ты — «гомо» и т. п.): «интеллектуал — в этом и состоит его роль — есть вестник универсального в жизни общества, разбитого на классы, партии, нации, этносы, расы, и т. д.

Думается, что многих философов русского зарубежья XX в. можно по праву считать «транснациональными интеллектуалами» в смысле и «западниками», и «почвенниками». Они стали «русскими европейцами» не только в силу вынужденной эмиграции после 1917 г., но и уже до революции. Многие из них стажировались в лучших университетах Германии, Франции, Англии. «Я англичанин, но в глубине души русский» - под таким названием недавно вышли воспоминания писателя и историка графа Н. Д. Толстого-Милославского (главы старшей ветви Толстых), гражданина России и Великобритании. Этот же сборник содержит статьи о других «русских англичанах», в частности о трагической судьбе историка русской литературы, мыслителя князя Д. П. Святополка-Мирского, принявшего решение вернуться из Лондона в СССР и погибшего в сталинских лагерях в 1939 г.<sup>17</sup> Если условно говорить о «русских французах» XX в., то трудно пройти мимо фигур грузинского философа М. Мамардашвили и знатока

<sup>12</sup> Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism / South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). P. 873.

<sup>13</sup> Семененко И. С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир / Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 64.

<sup>14</sup> Сунгуров А. Ю. «Фабрики мысли»: первое приближение к анализу зарубежного опыта / «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. СПб., 2002. С. 55–70., с. 58.

<sup>15</sup> Haas P. Epistemic Communities and International Policy Coordination / International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. - P. 3.

<sup>16</sup> См. Эпштейн М. Н. Универсика: на пути к критической универсальности / Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 635–651.

<sup>17</sup> Русское присутствие в Британии. Сост. Н. В. Макарова, О. А. Моргунова. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 217, 221.



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

творчества А. Токвиля — российского политолога А. Салмина. Другие выдающиеся примеры — транснациональная природа дара Н. К. Рериха, И. А. Ильина и С. Л. Франка<sup>18</sup>.

Мысль о грядущем качественном изменении культуры вообще и политической культуры пронизывает идею «идеациональной культуры» классика российской и американской социологии XX века П. А. Сорокина. «Идеациональная культура» в концепции Сорокина — тип культуры, в котором преобладают универсальные духовные ценности. Она должна прийти на смену современной «чувственной» культуре, основанной на гедонизме, моральном релятивизме и господстве силы в политике. «Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступивших сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего»<sup>19</sup>.

На теоретическом уровне эту эволюцию современной политической картины мира прослеживает Г. Л. Тульчинский, отмечающий, что в настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется *новая персоналогия*, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов. По мнению петербургского исследователя, *проектно-брендовой идентификации/идентичности* личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. «Этническая, статусная, ролевая идентичности могут выступать как средства реализации проекта — как в случае с такими политическими проектами как Р. Рейган, В. В. Путин, Б. Обама. Но могут и выступать характеристиками, на преодоление которых автопроект может быть направлен, как это было в случае с Майклом Джексон — яркий автопроект, выстроенный на преодолении расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих характеристик идентификации. И в искусстве, и в политике очевидно мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов»<sup>20</sup>.

Наконец, на эмпирическом уровне формированию транснациональной субъектности способствует новая виртуальная кибернетическая реальность Интернет. Как отмечает О. Ю. Малинова, к рубежу второго десятилетия XXI века в России обозначились изменения практик публичной коммуникации, которые будут постепенно размывать «ядро» публичной сферы. Эта тенденция проявляется в сокращении телеаудитории, особенно среди молодежи, активно осваивающей пространство Интернет. Молодые люди от 15 до 35 лет, особенно молодые мужчины, не только проводят меньше времени перед телевизором, чем перед компьютером (или ноутбуком), но и можно

говорить об изменении их вкусовых медийных предпочтения. По мнению исследовательницы, «наблюдаемый в последние 3–4 года скачок в «интернетизации» населения в среднесрочной перспективе может привести к изменению соотношения между «ядром» и «периферией»<sup>21</sup>.

Согласно мнению Э. Гидденса, в США понадобилось 40 лет, чтобы количество радиослушателей достигло 50 миллионов. «Когда же появился Интернет, число американцев, регулярно выходящих в «сеть» выросло до 50 миллионов всего за каких-то 4 года»<sup>22</sup>. Еще в начале прошлого века ученый из Польши Н. Журавски пришел к выводу, что Интернет создает новые сообщества по принципу «виртуальной этничности». Согласно исследователю, «виртуализуется» фактически и территория как один из признаков государства<sup>23</sup>. На наш взгляд в современном мире быстро возрастает группа людей «транскультурной» принадлежности. Происходит переход от поколения «П» (метафора 1990-х годов писателя В. Пелевина) к поколению «Т» — то есть переход к транснациональному поколению; от «homo soveticus» — к «homo-onlineus»<sup>24</sup>.

На эмпирическом уровне косвенным подтверждением транснационализации политической культуры служит значительный рост того, что принято называть «виртуальными государствами» или «микронациями». Первые такие виртуальные государства появились еще в конце XX века. Однако в 1990-х годах, с развитием Интернет, идея создания подобных образований получила новое ускорение. Сегодня в большинстве своем, виртуальные государства — это абсолютные или конституционные монархии, чаще всего управляемые идеологом данного проекта. Однако, есть исключения: например, знаменитый Свободный город Христиания в Копенгагене или Республика Лакота, провозглашенное по постколониальным мотивам группой индейских активистов во главе с Р. Минсом в США на территории штата Небраска. Территория подобных микросоударств, как правило, мала (размером с дачный участок или маленький остров), а мотивы для создания, отмечает Д. Райн и его соавторы по статье в журнале *Lonely Planet*, могут включать как чисто интеллектуальный опыт, так и политический протест, как художественное слово, личные развлечения, так и преступную деятельность<sup>25</sup>. На наш взгляд все это — отражение существующих ликов

<sup>18</sup> подробнее см. Акопов С. В. Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века., СПб., Изд-во СЗИ РАН-ХиГС, 2013.

<sup>19</sup> Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 23.

<sup>20</sup> Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд. / Наука телевидение. Вып. 8, М., 2011. С. 254, 257.

<sup>21</sup> Малинова О. Ю. Трансформация публичной сферы и динамика идейно-символического пространства в России (конец XX — начало XIX в.) / Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. / Под. ред. О. Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 283–284.

<sup>22</sup> Гидденс Э. Ускользящий мир Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004, — С. 29.

<sup>23</sup> Zurawski N. Virtual Ethnicity: Studies on Identity, Cultural and the Internet. 1998. Режим доступа: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/veengl.html>. (Дата обращения 03. 02. 2012.)

<sup>24</sup> Подробнее см. Akopov S., Russian identity after the fall of the USSR. From generation “П” to generation “Т” (“Transnational”)? / Russia’s Changing Economic and Political Regimes., Ed. by A. Makarychev, A. Mommen, Routledge, 2013. Pp. 66–76. Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism / South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). Pp. 872–873.

<sup>25</sup> Ryan J., Dunford G., Sellars S. Micronations. / Lonely Planet, 2006, — P. 6.



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

«транснационального», несущего в себе как угрозы, так и новые ресурсы развития человечества.

Вероятно, наиболее известным примером «микронации» на протяжении десятилетий является княжество Силенд (Principality of Sealand, что переводится на русский язык как «морская земля» или *Силандия*). Силенд была провозглашена в 1967 году отставным британским майором П. Р. Бейтсом и претендует на суверенитет над территорией морской платформы в Северном море в 10 километрах от побережья Великобритании. За недолгую историю государство, расположившееся на заброшенной платформе для зенитных орудий ВМС Великобритании периода Второй Мировой войны (площадь княжества — 550 квадратных метров), Силенд успел благополучно пережить гражданскую войну, конфликт с Великобританией и попытку государственного переворота. Первая конституция Силенда (7 статей) вступила в силу в 1975 году. Сегодня гражданином Силандии можно стать за 25, а князем или княгиней — всего за 199 фунтов стерлингов<sup>26</sup>. Среди «силендцев» есть люди, занимающиеся различными видами спорта, например, мини-гольфом. Также Силенд зарегистрировал свою сборную по футболу в числе непризнанных сборных, которая уже сыграла 3 товарищеских игры с Чагосом, Аландскими островами и Олдерни.

Помимо вышеуказанных виртуальных государств / микронаций существуют также более сотни других, например в Южном Уэльсе, Австралии, США, Дании, Италии, Швеции, а с 2000-х годов микронации начали возникать на карте Антарктиды. В 2009 году даже развязалась так называемая Родезийская война в Антарктиде<sup>27</sup>. Указанная война проходила в виде хакерских атак на сайты противников — что, кстати, соответствует новому типу информационных войн XXI века.

Сегодня, благодаря развитию Всемирной паутины, микродо государства легко могут существовать не только в физическом мире (на суше, на море или даже в космическом пространстве), но и — самое главное — глубоко в соображении собственных создателей. Виртуальное государство «Виртландия», например, претендует на звание первого в мире суверенного государства, базирующегося в Интернет. По словам ее основателя — журналиста К. Луенго, концепция Виртландии зародилась как общественная инициатива, выразившая сожаление о военных действиях между Грузией и Россией в августе 2008 года. Виртландия — это своеобразный эксперимент в области легитимности и устойчивости государства, не имеющего собственной географической территории. К. Луенго полагает, что неправильно было бы интерпретировать Виртландию только как воображаемый виртуальный мир. В этой стране живут настоящие люди, виртуальна в ней только территория. Девиз Виртландии — «Выигрывает храбрость, а не количество». Ее миссия — создать страну, которая превзойдет все национальные границы, не умаляя при этом ничьей независи-

мости<sup>28</sup>. Символична в этом отношении «внешняя политика» виртуального государства. Виртландия стала первой страной, которая в знак поддержки деятельности WikiLeaks предоставила гражданство Д. Ассанжу. Информация о соответствующем решении Правительства Виртландии была опубликована на их сайте 28 декабря 2010 года. Обращаясь к Ассанжу, гражданине Виртландии (число которых на тот момент насчитывает порядка 2000 человек) писали: «Ваш пример наглядно продемонстрировал, как быстро и эффективно Интернет может влиять на реальную жизнь. В то время как гражданство в киберстране может показаться сегодня чисто символическим, Вы лучше, чем кто-либо другой знаете потенциал киберпространства и веб-социальных проектов в ближайшем будущем. Виртландия предлагает Вам свое гражданство, чтобы выказать нашу поддержку Вашего дела, и нашу признательность за ваши достижения»<sup>29</sup>.

Наконец, помимо микронаций, о возрастающей роли воображения и жизни все большего количества людей в виртуальной реальности Интернет свидетельствует развитие таких проектов как «Second Life». «Вторая жизнь» — это трехмерный виртуальный мир с элементами социальной сети, который насчитывает уже свыше 1 млн активных (в режиме «он-лайн») пользователей. Этот проект был запущен в 2003 году компанией Linden Lab, расположенной в Сан-Франциско и основанной Ф. Росдэйлом. Последний в своем интервью заметил: «Я не игру создаю, а новое государство. Со всеми вытекающими отсюда последствиями»<sup>30</sup>. «Second Life» (SL) — не столько в обычном понимании компьютерная игра (в которой пользователи создают свои графическое представление и alter ego — «аватары»), сколько виртуальное пространство имеющие близкое сходство игровых реалий с настоящей жизнью. Как отмечала в журнале «Профиль» медиа-идеолог М. Леско в Second Life есть внутренняя валюта под названием Linden Dollar (L\$), которую можно получить, обменяв на настоящие деньги. Предусмотрена также их обратная конвертация, что создает возможность организации в Second Life вполне реальных бизнес-схем. Ввести деньги в SL можно с помощью кредитной карты, PayPal, Webmoney (можно также перевести деньги, создав виртуальную пластиковую карту). Деньги нужны для покупки и продажи виртуальных товаров, в том числе виртуальной земли. Интересно, что в октябре 2012 года Центральный Европейский Банк даже опубликовал результаты исследования существовавших на тот момент виртуальных платежных систем, одной из которых стала и денежная система Second Life. «SL — отмечают эксперты ЕЦБ — это виртуальный мир, который ежедневно посещают 200 000 пользователей. Это впечатляющая экономика, с ежедневным оборотом в миллион долларов, на которой люди зарабатыва-

<sup>26</sup> Информация об условиях приобретения гражданства размещена на официальном сайте княжества Силенд. Режим доступа: <http://www.sealandgov.org/title-pack>. (Дата обращения: 12. 04. 2013.)

<sup>27</sup> Мамчиц Р. Родезийская война в Антарктиде / Частный Корреспондент, 28 августа 2010 года. Режим доступа: [http://www.chaskor.ru/article/rodezijjskaya\\_vojna\\_v\\_antarktide\\_19367](http://www.chaskor.ru/article/rodezijjskaya_vojna_v_antarktide_19367) (Дата обращения: 12. 04. 2013)

<sup>28</sup> Nason D. Wirtland Evolves as First Country in Cyberspace / Internet Evolution, January 21, 2009. Режим доступа: [http://www.internetevolution.com/author.asp?section\\_id=694&doc\\_id=170678](http://www.internetevolution.com/author.asp?section_id=694&doc_id=170678). (Дата обращения: 12. 04. 2013)

<sup>29</sup> Wirtland Grants Citizenship to Julian Assange, 2010.

<sup>30</sup> Росдэйл Ф. Наша основная задача — сделать мир надежным. 31 января 2008. Режим доступа: <http://secondlife.ru/?act=interview&id=211>. (Дата обращения: 12. 04. 2013)



АКОПОВ Сергей Владимирович / Sergey AKOPOV

| «Транснациональная политическая культура»: в поисках новой субъектности |

ют деньги» — заявил основатель проекта SL в интервью журналу «Шпигель»<sup>31</sup>.

## Ergo

Как бы мы не относились к проявления новой субъектности в области трансформации политической культуры, мы не можем игнорировать проводящиеся исследования феноменов «транснациональной миграции», «глобальных кочевников» или «детей третьей культуры». Точно также как мы не можем оставаться в изоляции от развития Интернет, а также от растущего влияния транснациональных «фабрик мысли» и профес-

сиональных научных и философских сообществ. Сегодня вместе с изменяющейся политической картиной мира происходит становление качественно нового субъективного пространства. Приведет ли это изменение к формированию черт нового антропологического типа, некоего «*homo transnational*»? Будет ли этот «новый номад» жить в ризоматическом мире «проектного града» и проектно-брендовой идентификации личности? Станет ли он субъектом «двойной идентичности», «составной национальности» или вообще «виртуальной этничности»? Думается, что экспертному сообществу, а также политическим деятелям, стремящимся оказывать опережающее влияние на становление современной политической культуры — особенно молодежной политической культуры — не избежать ответов на эти вопросы: как при выработке своей «символической политики», так и при проведении самостоятельной политики в области идентичности.

<sup>31</sup> Stcker C. Interview with Second Life Founder Rosedale: Making it Crash Less Is our Number One Mission / Der Spiegel. January 31, 2008. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-second-life-founder-roosedale-making-it-crash-less-is-our-number-one-mission-a-531700.html>. (Дата обращения: 12. 04. 2013.)



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

Россия, Москва.

Институт философии РАН.

Доктор философских наук, профессор, академик РАН,  
главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и проблема  
формирования гражданского общества в России».

Russia, Moscow.

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Ph. D., Professor, Academician of the Russian academy of natural sciences,

Chief Researcher (Principal research scientist),

Head of the scientific school of "Social Philosophy and Building Civil Society in Russia"

[valentina\\_fedotova@front.ru](mailto:valentina_fedotova@front.ru)

## ТРИ ТИПА ОТНОШЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ: ДОПОЛИТИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПОСТПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРЫ

В данной статье автор рассматривает две концепции политических культур — культур-социологическую теорию политического перформанса Дж. Александра, с одной стороны, и теорию баланса неравенств Г. Олмонда и С. Вербы, с другой. Раскрываются ценностные и когнитивные предпосылки этих концепций. Показывается конструктивистская направленность концепции Дж. Александра и более объективистская натуралистически-эссенциалистская точка зрения Г. Олмонда и С. Вербы. Обсуждается потенциал совместного применения этих концепций. Показывается важность одновременной работы натуралистически-эссенциалистских и конструктивистских подходов при формировании гражданской политической культуры. Анализируются перспективы построения демократической политической культуры и гражданского общества в странах переходного типа. Рассматриваются механизмы ценностных и когнитивных изменений, значение «мягкой мощи», СМИ, интернета, перспективность концепции баланса неравенств для построения демократии и гражданского общества в России. Автор характеризует дополитические, политические и постполитические культуры, показывает ошибочность отождествления этих культур и толкования дополитических и постполитических культур как политических.

**Ключевые слова:** политика, перформанс, идеология, мягкая мощь, ценностные изменения, когнитивные изменения, баланс неравенств, типы политических культур, конструктивизм, натуралистический эссенциализм, дополитические, политические, постполитические культуры

## Three Types of Relation to the Politics: Pre-political, Political and Post-political Culture

The author examines two concepts of political cultures — these are, on the one hand, the cultural sociological theory of political performance by J. Alexander, and the theory of power balance by G. Almond and S. Verba, on the other. Both value and cognitive prerequisites of these concepts are revealed. The author distinguishes the two types of concepts — the constructionist concept of J. Alexander and a more objectivistic naturalistic essentialist viewpoint of Almond and Verba. Potential of the joint application of these concepts is discussed. The importance of simultaneous use of naturalistic essentialism and constructionism in the formation of civic political culture is demonstrated. The prospects of building democratic political culture and civil society in the countries in transition are analyzed. The mechanisms of the value and cognitive change, role of the «soft power», media and the Internet, prospects for employment of the balance of power concept in building democracy and civil society in Russia are discussed. The author characterizes the pre-political, political and post-political cultures and argues that it is wrong both not to distinguish between these cultures and to interpret the pre-political and post-political cultures as political.

**Key words:** politics, performance, ideology, soft power, value transformations, cognitive changes, balance of power, types of political culture, constructionism, naturalistic essentialism, pre-political, political, post-political cultures

### Политический перформанс

Большие изменения в политику в массовом обществе внесли ее репрезентации в СМИ, Интернете, массовых движениях, избирательных кампаниях, публичных дискуссиях. Перформанс — спектакль для публики, создаваемый самой публикой, политиками, героями телеэкрана и политтехнологами. Тема

перформанса все более проникает в видение политики, привлекает политологов, социологов, культурологов, хотя ей пока не уделяется должного внимания. Социолог, который обратился к этой теме — Дж. Александер исследует ряд концепций социального и политического перформанса, среди авторов которых Дж. Макалун, К. Гирц, И. Гофман, Ф. Ауслендер, Д. Конкергуд,



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Е. Диамонд, Дж. МсКензи, П. Рикер и др. Макалун является автором введения к книге, в которой анализируются обряд, драма, фестиваль, спектакль, и где он описывает культурный перформанс в качестве события, рефлексизирующего коллективные мифы и истории. Антрополог Гирц рассматривает социальный перформанс как способ рассказывать нашу историю самим себе. Гофман развил свою линию драматургической теории, согласно которой он формировал аналитический подход к театральным действиям актора, который отделяет перформанс от текста. Практически ориентированные теории Ауслендера и Конкергуда рассматривают перформанс как сопротивление, прагматическое отношение к власти и ее репрезентации, приближение к трактовке любого перформанса как политического. Перформанс рассматривается как изменение мира. В момент перформанса его акторы проходят стадию лиминальности, а также этап, на котором участники перформанса выходят из ситуации непризнания к стадии присоединения к новым значениям. Во время перформанса практики сопротивления становятся церемониальными. Конкергуд показывает, что в отрицании модели культуры как некоего текста, проявляющейся в перформансе, подчиненные группы создают культуру сопротивления, представленную не в форме дискурса, а в форме репертуара перформативных практик<sup>1</sup>. Опираясь на эти представления, Дж. Александер дает свое понимание социального и политического перформансов. Любой тип перформанса — это созидание, наполнение, деятельность, которую Александер разделяет на культурную, социальную и политическую.

Еще в 1990 году Р. Мартин определил перформанс как политический акт, в котором политический субъект, подавленный массовой коммуникацией, рассматривает свое тело как оппозицию разуму в ситуации, в которой нельзя доверять сознанию. Перформанс для него — это правда тела, выступающего субъектом социальной и политической активности. Он говорит о политическом театре в СССР 1920-х и в США 1960-х, которые являются примерами политического перформанса, подобно тому как революция в Египте — политический перформанс для Дж. Александера<sup>2</sup>.

Интересную трактовку политического перформанса дает немецкий политолог М. Шмидт, который различает политический перформанс мажоритарного и немажоритарного правления, демократии с большим и малым числом игроков, обладающих правом вето, гибридных режимов, президентского и парламентского типов правления, прямой демократии, представительного правления. Типы демократии являются ограничителями перформативных проявлений политики и дают возможность различного выбора<sup>3</sup>. В дальнейшем мы попытаемся применить методологию Шмидта к концепции баланса неравенств.

Чтобы понять, что такое политический перформанс, стоит обратиться к термину «политика». В соотношении с термином

«перформанс» важно показать, что политика, согласно удачно-му определению К. Шмидта, это способ решения вопроса государством и другими субъектами о том, кто друг и кто враг. Она рассматривается по аналогии с определением эстетического, решающим вопрос о том, что прекрасно и что безобразно; этическим, сосредоточенным на вопросе о том, что является добром, а что злом; экономического, выясняющего, что пригодно, что непригодно<sup>4</sup>. Цель политики — не умножить врагов, а сохранять друзей и превращать врагов в друзей.

Перформанс в переводе с английского означает производительность, исполнение, выполнение, деятельность, спектакль. «Политический перформанс» — выражение, используемое чаще всего в последнем смысле, учитывающем как спонтанность, так и запланированность событий, эмоциональную напряженность, борьбу за вовлечение публики, превращение скучного в интересное, не имеющего смысла в осмысленное. Сам термин «перформанс» близок постмодернистскому видению. Но постмодернизм — это идеология позднего капитализма в эпоху его кризиса 1960–1990-х годов. Сегодня же наступило время третьего модерна, которое мы определяем как новое Новое время для незападных стран<sup>5</sup>. Постмодернистская критика была здесь усвоена, во-первых, из-за увеличения роли незападных стран в мире, во-вторых, из-за многообразия их культур и, в-третьих, из-за превращения этого ранее элиминируемого фактора (культуры) в важнейший момент модернизации.

К политическому перформансу предшествующих этапов модерна приближается феномен *идеологии*. Она упростила многообразие связей и отношений, благодаря концентрации на защите интересов определенных классов, слоев или групп, внесла в политику присущую спектаклю целостность, энергию, целеустремленность, борьбу сил и страсть, побуждающие массы, прежде не сознающие своих интересов, превратиться в защитников представления о себе, определенного той или иной идеологией.

В 1960–90-е годы политический спектакль стал играть заметную роль в восприятии политики. Студенческие бунты на Западе конца 1960-х до сих пор не получили внятного объяснения. Формально молодежный бунт во Франции начался с того, что студента Д. Кон-Бендита не пустили в женское студенческое общежитие. Разрозненное недовольство студентов обернулось бунтом, не участвовать в котором уже оказалось невозможным. «невозможно». Видная чиновница системы образования во Франции из семьи богатых промышленников и одновременно профессор одного из университетов рассказывала, что была заперта в квартире на восьмом этаже родителями, пытавшимся помешать ей присоединиться к бунтующим студентам. Но она спустилась по водосточной трубе на улицу, поскольку в ином случае подверглась бы остракизму с их стороны. Двадцать лет спустя она говорила: «Мы не знали, почему мы бунтуем и чего мы хотим, но сегодня я знаю, что мы сделали: мы сломали кастовую систему Франции, мы сделали стра-

<sup>1</sup> Alexander J. C. Performance and Power. Cambridge, Malden: Polity Press. 2011. С. 20–21.

<sup>2</sup> Alexander J. Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic. 2011.

<sup>3</sup> Schmidt M. G. Political Performance and Types of Democracy: Findings from Comparative Studies// European Journal for Political Research. 2012. № 41. P. 147–163.

<sup>4</sup> Шмидт К. Понятие политического// Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 60.

<sup>5</sup> Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008. С. 536–565.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ну более демократической». В Германии студенты взбунтовались, вдохновленные не столько программами, сколько идеями представителей Франкфуртской школы, которые писали свои анархически-революционные труды в 1930-ые годы. Студенты вышли на улицу с лозунгами «Требуйте невозможного», «Рай немедленно». Они шли к Франкфуртскому университету, чтобы приветствовать своего духовного лидера — ректора университета Т. Адорно, одного из лидеров Франкфуртской школы. Но он вызвал полицию. Адорно подвергся уничтожающей критике со стороны восставшей молодежи и вскоре умер от инфаркта. Его могилу студенты осквернили. Их называли отцеубийцами, ибо они поступили так с тем, кого считали своим учителем. Адорно был виноват в их глазах тем, что своими работами подвиг их к бунту, но своими действиями предал и их, и себя. Другой лидер Франкфуртской школы М. Хоркхаймер ответил на это: «Мы не думали, что наши идеи будут осуществляться бутылками с зажигательной смесью»<sup>6</sup>. Последующие годы предположений о конце модерна, постмодернистский подъем, имеющий глубоко эстетическую природу, усилил перформативное видение политики, недоверие к ее рационалистическим целям и поиск вдохновения в непредсказуемых, спонтанных, эстетически привлекательных ситуациях.

В конце XX века перформативные идеи политики были обожжены американским политологом Дж. Наем в концепции мягкой мощи или мягкой силы. В отличие от жесткой — военной, политической, она опирается на свой привлекательный образ в чужой стране: это — «непрямолинейный путь приложения силы. Страна может достичь желаемых результатов в мировой политике вследствие того, что другие страны хотят следовать по ее пути, подражать ей, восхищаться ее ценностями, имитировать ее пример, стремиться достичь ее уровня процветания и открытости. Это обстоятельство столь же важно для достижения целей в мировой политике, как и использование вооруженных сил или экономического давления. Кооптировать народы, а не грубо заставлять их. . .»<sup>7</sup>, «если Наполеон, распространяя идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса»<sup>8</sup>. Когда общество и культура страны-гегемона привлекательны, чувство угрозы и стремление создать контрбаланс ослабевают<sup>9</sup>, в то время, как потеря привлекательности обостряет отношения с другими. В частности, массовая культура — важнейшая часть «мягкой мощи».

Британский историк Н. Фергюсон характеризует «мягкую мощь» как «нетрадиционные средства давления, такие, как произведения культуры и коммерческие товары»<sup>10</sup>. Необходимыми качествами «мягкой мощи» он называет способность *заслуживать доверия и быть легитимной*<sup>11</sup>.

Многу было показано, что в одних странах массовая культура изначально была направлена на релаксацию после тяжелого труда и демонстрацию символов индустриального и позднейшего индустриального производства (США), в других (Юго-Восточная Азия) она выступает как знак современного, нового и способствует развитию индустриализма, мобилизации масс к развитию производства, в третьих (посткоммунистические страны) заполняет социальное пространство массовыми образцами культуры и образа жизни, не играя роли символа индустриализма и прогресса<sup>12</sup>.

Избрание Б. Обамы, революции в Египте и на Ближнем Востоке, события на Украине, в целом, превратилась в грандиозные спектакли, в политические перформансы. В России актерами спектаклей оказались люди, и прежде близкие к власти, якобы ставшие ее радикальными критиками, а также стремящиеся к реваншу политики. Повсюду в мире формировались спектакли в жанре трагифарса, провоцирующие ответный спектакль власти. Оставалось ощущение: «Ничего всерьез». Однако власть с серьезностью вынуждена была воспринимать и эти предвыборные спектакли, и выходку «Пусси Райот», самым большим наказанием для которых могло бы стать молчание всех и метла для уборки улиц. Большинство политических программ в российских СМИ — спектакли, шоу, сталкивающие разные силы общества и не стремящиеся ни к компромиссу, ни к точкам зрения, не являющихся крайностями. Такие точки зрения есть, но они серьезны и пригодны для кипящих страстей политического перформанса в СМИ<sup>13</sup>.

В работе «Перформанс политики: победа Обамы и демократическая борьба за власть» Дж. Александер показывает, что есть три типа книг, посвященных избирательному процессу: книги, написанные людьми, участвующими в выборах или организующими их; книги журналистов, освещающих выборы; книги ученых, чьи идеи направлены на достижение объективности. Себя он причисляет к новому типу авторов, объединяющих все три типа. Такие ученые смотрят на себя как находящихся и внутри, и извне избирательного процесса, изучают детали и контекст, а также сопровождающие выборы политические перформансы. По мнению Александера, Дж. Маккейн проиграл, не сумев осуществить перформанс, будучи плохим актером, в отличие даже от неопытного Б. Обамы, который не был ни национальным героем, ни человеком, связанным с военными, и играл только на площадке гражданского общества. Серьезности и героическому прошлому Маккейна он противопоставил перформанс, технологии Интернета, обращения к молодежи. Обаме лучше удалось наполнить свою кампанию эмоциями и символами, в том числе священными для Америки и противопоставить себя Маккейну по принципу бинарной оппозиции<sup>14</sup>.

Второй случай, рассмотренный Дж. Александером — Египетская «революция» 2011 года. Александер воспринимает с большим интересом и энтузиазмом события в Египте. В уже упомянутой книге «Перформативная революция в Египте: эссе о культурной мощи» он оценил египетскую революцию как

<sup>6</sup> См.: Федотова В. Г. Перформанс и политика // Вопросы культурологии. 2013. № 6.

<sup>7</sup> Nye J. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 8–9.

<sup>8</sup> Ibid. P. 12.

<sup>9</sup> Joffe J. How America Does // Foreign Affairs. September/October 1997. P. 83.

<sup>10</sup> Ferguson N. Think Again: Power // Foreign Policy. January/February 2003. P. 48–49.

<sup>11</sup> См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

<sup>12</sup> Там же. С. 45–60.

<sup>13</sup> См.: Федотова В. Г. Перформанс и политика.

<sup>14</sup> Alexander J. C. The Performance of Politics: Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power. Print ISBN-13: 9780199744466. Published to Oxford Scholarship Online: May-12, 2010.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

жизненную драму, политический успех которой зависел от «ее способности спроектировать влиятельные символы и перформансы, проходящие в режиме реального времени, сюжетно убедительных протагонистов и презренных антагонистов, стимулировать и распространить сильные эмоции, организовать достойную подражания солидарность, создать напряжение, расстроить планы врагов, одновременно очищая нацию посредством ошеломляющей победы, которая подняла бы граждан к новой надежде и торжеству их воли»<sup>15</sup>. Александр показывает важность участия коллективных символов, коллективных представлений. «Символические представления являются коллективными не в том смысле, — пишет он, — что их все разделяют, а в том, что они имеют публичный, а не частный характер. По мере того, как социальные акторы проектирует новый опыт самим себе, они проецируют этот опыт на других, на участников и на тех, кто смотрит со стороны издалека или изблизи. Коллективные представления фильтруются масс-медиа и проецируются назад — на участников или на аудиторию»<sup>16</sup>. Сегодня он, мне кажется, отнесся бы к этой революции осторожнее, учитывая отсутствие политического опыта у населения Египта и тех стран, где случились анархические вмешательства масс в политический процесс, и был бы прав в свете ужасающих событий, последовавших за фильмом «Невинность мусульман», ситуацией на Украине, но Александр писал до этих событий. Поэтому он более позитивен, утверждая, что нельзя дать объективную оценку событиям в связи с отсутствием нейтральных социальных фактов, ибо мы встречаемся не с событием самим по себе, а с представлением о том, что произошло. Это представления тех, кто был в гуще событий; тех, кто не участвовал, но сформулировал свое мнение; тех, кто против; и тех, кто не знает, как воспринять происходящее. В то время было трудно понять смысл египетской революции и прогнозировать другие массовые анархические действия. События в Египте, в других странах Ближнего Востока, на Украине уже не представляются революциями. Это — радикальный, анархический, разрушающий государства бесконечный путь противостояния, вытеснивший возможные реалистические ответы на материальные и социальные условия. Однако массовое сознание, склонявшееся к мнению, что совершается революция, поддерживалось СМИ, охотно эксплуатировавшими этот термин. Александр приветствовал революцию как очищение, идущее от масс, а значит, осуществляемое демократическим путем. На этом этапе политического бунта, анархии и архаики массовых выступлений еще не вставал антиномичный вопрос: является ли демократия *способом правления государства*, признающего объективность интересов социальных групп и ищущего компромисс между ними, или *властью народа*, его непосредственным прямым решением, представленным на деле его частью, участвующей в активном политическом действии. Опыт недавних событий на Ближнем Востоке, на Украине учит, что когда власть не в состоянии осуществить демократическую политику и способствовать экономическому развитию, вступают в действие в лучшем случае формы непосредственной демократии (референдумы, вече), не имеющие эффективности, присущей

<sup>15</sup> Alexander J. Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. L., N. Y.: Bloomsbury Academy. 2011. P. X.

<sup>16</sup> Ibidem.

представительной демократии, а в худшем случае — бунтующие группировки.

Сегодня никто уже не согласится с признанием достоинств перформанса «египетской революции», равно как и с верой в египетскую демократию. Уверенность Запада в универсальность своих ценностей поколеблена опытом массовых движений, в которых использование западных лозунгов не означало содержательного тождества с пониманием демократии на Западе и формировало как архаические образцы народовластия, так и новые диктатуры. Получены уроки невозможности демократической революции в незрелом для этого обществе, особенно в обществах, сохранивших традиционные культуры, не осуществивших перехода к модерну и не имевших опыта жизни в нем. Запад, ослепленный верой в свою универсальность, ошибочно принимает имитацию вовлечения масс в перформанс революции, заканчивающийся гражданской войной, за предпосылку демократии в незападных обществах.

Перформативные функции имеет и современный терроризм. По мнению Александра, «когда социальные перформансы заканчиваются, они становятся частью коллективной памяти, содержа репрезентации, которые в свою очередь поддерживают последующие перформансы»<sup>17</sup>. Александр показывает, что надо воспринимать терроризм не только в инструментальных терминах, но так же в терминах символического действия на сложном перформативном поле. Только в этом случае, считает он, можно понять поддержку Америкой перформансов и контрперформансов. Добавим, что в этом случае можно также понять американскую надежду на то, что все массовые движения — предпосылка демократии.

Объяснения терроризма прежнего, направленного на отдельных «виновных» лиц и нового терроризма, атакующего население, не получил объяснения своей сути. На мой взгляд, терроризм сегодня отличается от прежнего, хорошо известного в России терроризма, тем, что направлен не против лиц, которым террористы что-то вменяют вину, а против населения, стремясь использовать его страх, умноженный через СМИ, как средство давления на правительство своей страны для осуществления требований террористов во имя избежания террора. Ни социологическое объяснение (неуспешность исламских стран в условиях глобализации, разрыв богатства и бедности, отсталость), ни цивилизационный подход (столкновение цивилизаций), ни социально-психологический подход («истинно-верующие» фанатики) не дают ответа на вопрос о причинах и сущности терроризма, характеризуя лишь его отдельные черты. На наш взгляд, только политологический взгляд позволяет понять его сущность. Терроризм — это международный криминал. Но нами было показано, что вместе с тем, его действия ориентированы на выяснение того главного в выше приведенном шмиттовском определении политики вопроса: «кто друг, кто враг?». Этот вопрос всегда решало государство, стремясь умножить друзей и победить или примирить врагов. Но по мере глобализации и увеличения числа акторов в мировой политике, отхода государства от своей ведущей политической роли, ее взяли на себя архаически настроенные террористы. В противовес требованиям замены политики моралью, идущих

<sup>17</sup> Alexander J. C. Performance and Power. P. 187.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

от М. С. Горбачева, Б. Клинтона, не государство, а террористы взяли на себя политическую функцию определять, кто друг, кто враг, архаизируя политику<sup>18</sup>. Исключив из решения этого политического вопроса государство, они оказались представителями *постполитической культуры*. В этом смысле и могут быть поняты многочисленные заголовки книг и статей о конце политики. Поэтому терроризм мы трактуем как архаическую политизацию<sup>19</sup>.

Дж. Александер рассматривает терроризм как *постполитическое явление*, пытаясь выделить типы политических культур:

*Дополитические культуры* — крестьянские и прочие восстания, не выражающие классовой и военной политики. Этот термин использовал так же К. Шмидт, утверждая, что народ может впасть в *дополитическое, догосударственное, этноцентристское* состояние. Наиболее подробно тема дополитического разработана Э. Хобсбаумом. Он изучал дополитические движения, которые не могли захватить политическую власть, но уже имели политическое сознание. Это — «робин гуды», «социальные бандиты», анархисты, бунтари<sup>20</sup>. В России — стихийные движения народа, бунты, восстание Пугачева, например, стремившиеся сохранить устройство общества и государства в имеющемся виде с заменой царя на лучшего.

*Постполитические культуры* — современный терроризм, отражающий предел политической возможности. Постполитическое, отмечает Александер, — это глубокий опыт политической неспособности к политическим изменениям, который выражается не только в культурных и метафизических смыслах, но в жадном желании властвовать и проявить собственные амбиции в строительстве уммы великого арабского мусульманского государства<sup>21</sup> или других целей, недостижимых неполитическим путем. Это — возврат к архаике и анархии<sup>22</sup>.

К этому нам следует безусловно добавить *политические культуры*, включающие взаимоотношения общества, социальных классов, групп и государства.

Отметим, что хронологически порядок изложения этих типов политических культур иной: дополитическая, политическая и постполитическая культуры. Если в дополитической культуре основой является традиционная архаика, то в постполитической — ее реанимация, связанная с уменьшением роли государства в глобальном мире, с неэффективностью государственной политики во многих странах, с недовольством масс. Т. е. в своей сущности постполитическая культура сходна с дополитической стремлением к бунту, восстанию масс, недоверием к государству и противопоставлением своей воли и активности политическим институтам там, где они есть.

## Механизм динамики ценностей как фактор обновления политических культур

Ценности *дополитической, политической и постполитической культур* сегодня причудливо смешаны. Массы пре-

тендуют на постполитическое участие в форме прямой демократии и дополитических форм — вече и пр. Есть случаи, при которых массовое участие и формы непосредственной демократии выступают как специфические, но зрелые формы политической культуры, не отличающиеся дополитическим и постполитическим характером, ибо обращены к диалогу с государством. Это случается, например, в демократии небольших государств. Как показывает немецкий исследователь М. Шмидт, наиболее важные достижения непосредственной демократии присущи Швейцарии. Она открывает клапан безопасности в отношении недовольства и протеста, создает высокий уровень удовлетворенности избирателей и вносит большой вклад в строительство швейцарской коллективной идентичности. Говоря о «своеобразных сильных референдумах демократии» в Швейцарии, М. Шмидт подтверждает высказанную нами ниже мысль об отсутствии универсальных моделей политической культуры и свидетельствует о недостаточной разработанности представлений о ней в связи с различием типов демократий, стадией их развития<sup>23</sup>. К «слепым пятнам демократии» он относит отсутствие интереса к политическому прошлому и к анализу пережитков политической деятельности, отсутствие связи проблем демократии с экономическим развитием и разрывы демократии в экономически менее развитых государствах, различие разных типов демократий в способности выполнять свои функции, а так же наличие гибридных демократий и политических культур<sup>24</sup>, о чем пишет так же А. Лейпхарт<sup>25</sup>. По мнению М. Шмидта, важно различать политические процессы в «установленных конституционных демократиях» и частичных демократиях<sup>26</sup>.

Но в дополитических и постполитических культурах, которые есть в любом обществе, государство не всегда способно конкурировать с этой архаически-анархической парадигмой постполитической культуры.

Конфликт ценностей, их быстрое изменение и не всегда в лучшую сторону, разрыв в сфере ценностных ориентаций поколений вызваны быстрыми социальными изменениями, усилившейся динамикой общества. Исследуя ценностные изменения, я пришла к ряду выводов:

- неудовлетворенность ценностным состоянием общества ведет к призывам найти «подлинные ценности», сформировать новые, ориентированные на общее благо и гуманизм.
- ценности — часть объективного мира, их не легче изменить, чем технологии или политический строй, они «упорны», если установились, и неустойчивы в периоды социальных трансформаций.
- в феноменологии описаны процедуры, которых могут работать в направлении перестройки ценностей. Это — типизация (разделение «плохого» и «хорошего»), хабиутализация (опривычивание «хорошего»), институционализация (закрепление норм и поддерживающих их институтов), легитимация (оправдание делаемого выбора, так как при кри-

<sup>18</sup> См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

<sup>19</sup> Там же. С. 280–298.

<sup>20</sup> Hobsbaum E. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Manchester: Passim. 1959. P. 2–3.

<sup>21</sup> Alexander J. C. Performance and Power. P. 160

<sup>22</sup> Федотова В. Г. Архаизация в современном мире // Философские Науки. 2012. № 5.

<sup>23</sup> Schmidt M. G. Political Performance and Types of Democracy. P. 148.

<sup>24</sup> Ibid. P. 149.

<sup>25</sup> Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительные исследования. М.: Аспект Пресс. 1997.

<sup>26</sup> Schmidt M. G. Op. cit. P. 150.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

зисе ценностей хорошее не самоочевидно), передача новых ценностей следующим поколениям<sup>27</sup>.

– нет механизмов ценностных изменений, которые являются универсальными.

В монографии «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества»<sup>28</sup> нам (авторам данной книги) удалось выделить имеющиеся в научной литературе приемлемые модели механизмов ценностных изменений. Например, у немецкого исследователя П. Вагнера, финского ученого П. Сулкунена. Эти механизмы были применены к сегодняшним процессам формирования политической культуры. Нас привлекли также идеи известных отечественных философов Л. А. Микешинной, А. С. Ахизера.

Л. А. Микешина показала, что смена ценностей не обходится без конвенций<sup>29</sup>. Но и сами ценности могут стать следствием конвенций, по крайней мере, в период ценностного кризиса. По мнению П. Вагнера, могут быть применимы механизмы конвенционализации<sup>30</sup>. Вагнер вводит следующую схему ценностной динамики: согласие общества по большинству принятых ценностей, называемое им *ценностной конвенцией*. Со временем или в ходе происходящих процессов конвенции начинают разрушаться. Наступает кризис, невозможность жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей. Кризис может быть продолжителен, но рано или поздно появляются новые ценности, объединяющие общество, и этот процесс называется *реконвенционализацией*<sup>31</sup>.

Мы достроили эту модель анализом реальных кризисов между первой и второй, второй и третьей современностями, критикой ожиданий от новой, третьей современности, которая не оказалась либеральной и определена нами как *новое Новое время для западных стран*. Речь идет о вступлении в капитализм или хозяйственную демократию (и третью современность) западных стран — России, Индии, Китая, Бразилии, Индонезии и др. Эта эпоха стала новым Новым временем для них, подобно тому, как прежде Новое время открывало перспективы Запада<sup>32</sup>.

Казалось, что старые ценности «повинны» в том, что не могли себя ограничить, закрыли горизонт ценностным инновациям, что Запад XIX в. уверовал в естественность и правильность своих *либеральных ценностей*, если говорить о ценностном содержании *политической культуры первого модерна*. После Первой мировой войны старый мир оказался разрушенным, хотя было трудно поверить в возможность появления нового мира. Но он возник, причем в форме, оппозиционной к прежде

существующей — как *вторая организованная современность*, начавшая складываться на Западе с 1920-х до конца 1960-х. Набирали силу *ценности организации* — возрастание роли государства, попытки уйти от революционного опыта России путем организованной деятельности *социал-демократии и характерной для нее политической культуры*, через развитие техники и прихода к власти новой организующей силы — технократии, торжества новой формы целерациональности, представленной техникой, технологией, технократией и бюрократией.

*Реконвенционализация* дала жизнь ценностям, отрицавшим прежние, и не вследствие проектной деятельности ученых или внедрения новых конструктов повседневного сознания, а преимущественно в ходе естественной эволюции, незабытых ужасов войны, страха перед отсутствием социального порядка, смены картины мира.

Далее мы обратились к кризису конца 1960-х—конца 1990-х, обозначив его продолжительность, в отличие от Вагнера, столь длительным периодом. Мы выделили в нем процессы, которые этим исследователем не были обозначены: студенческие движения на Западе, подъем экономики Японии, виртуализацию экономики. Ни одно из этих явлений не было предвидено, не вписалось в парадигмы двух предыдущих современностей, не могло быть описано существующими когнитивными средствами и привело к идеям конца модерна, перехода к *постмодернизму, политическая культура которого состояла в критике позднего капитализма и реанимации дополитической и постполитической культур*. Революционные устремления посткоммунистических стран к либерализму в 1990-ые годы были попыткой *реактуализации* и частично *реинтерпретации* либеральной современности XIX века, противостоящей ироничному постмодернизму новым утверждением должного, нужного, единственно возможного, того, чему «иного не дано» — *реанимации либерального политического сознания XIX века в форме политической культуры неоллиберализма, неомодернизма*. Только после провала этих двух курсов — неомодернизма и постмодернизма и их ценностных мотиваций — усилия выйти из кризиса ценностей привели к результату. Он состоял в формировании *новой, третьей современности* (вместо ожидаемой постсовременности или возврата в модернизму XIX века). Для третьей современности характерны идеи *экономического роста, национального самоутверждения западных стран, сочетающих свою культуру с национальными моделями модернизации, принимающими вестернизацию по мере необходимости для решения собственных проблем, с новыми возможностями Интернета и индивидуального творчества. Политическая культура этого этапа состоит в признании ее частью культуры своей страны*.

Но каковы теоретические возможности понять, что прерывает устоявшийся ценностный порядок и толкает к кризису ценностей?

Тут решающую роль имеет *объективный характер ценностной динамики, разгадка которой заложена в истории, и проблема сатурации (насыщения) общества*. Идеи естественно-исторической эволюции общества присутствуют во множестве сценариев будущего, как мирового, так и российского. Но при этом осознана нелинейность процесса развития, прохождение через точки бифуркации, меняющие траектории развития.

<sup>27</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 2004. С. 31–72; Покровский Н. Е. Проблема аномии в современном обществе. М.: МГИМО. 1995. С. 422–457.

<sup>28</sup> Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 98–153; Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008. С. 208–213, 228–233, 361–276 и др.

<sup>29</sup> Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: Росспэн. 2007. С. 151.

<sup>30</sup> Wagner P. *Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. L., N. Y.: Routledge. 1994. P. 31–72.

<sup>31</sup> Ibid. P. 30–80.

<sup>32</sup> Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Указ. соч. С. 536–558.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Однако идеям нелинейности и неопределенности естественно-исторической эволюции противостоит социально-технологический пафос, социально-технологические инициативы, сознательно произведенные инновации в социальной сфере.

Возвращаясь к поставленному вопросу о том, как теоретически можно представить причину неприемлемости ценностных систем на определенном этапе, мы нашли заимствованную у П. Сорокина финским ученым П. Сулкуненом интересную мысль о сатурации (насыщении)<sup>33</sup>. У Сорокина это была мысль-метафора, характеризующая имманентные причины социальных изменений. Сулкунен превратил эту метафору в концепт<sup>34</sup>. Он обращает внимание на столкновение жизненных стилей, вкусов, хобби, создающих своего рода «племенные ассоциации»<sup>35</sup>, что приводит к появлению в обществе ситуации политической апатии или, в наших терминах, рождает *постполитическую* культуру, в которой государство не играет роли центра социальной интеграции и ядра политической культуры. Во многом именно насыщение ведет к тому, что «моральная связь между государством и гражданами нуждается в том, чтобы аккомодировать автономию и интимность индивидов... Такая перестройка связи вписана в путь государства, структурирующий его власть через организацию граждан»<sup>36</sup>, в том числе через их жизненные стили, ценности и пр. Если перевести сказанное в наши термины, Сулкунен фиксирует только *постполитические* социальные контракты и культурные феномены, беспорядок, жизненные стили и регуляцию на их основе, взаимоотношения природы и культуры. Он отмечает также приоритет социального над индивидуальным и над политическим, тенденцию к самостоятельному политическому самоопределению общества (self-policing society), но сам же задает вопрос о том, а каким образом общество, основанное на раннеобразии жизненных стилей, рассматривает общее благо, становящееся проблемой, и этические регуляции оснований жизненных стилей. Моральный авторитет государства становится при этом немислимым. Сулкунен отмечает, что идея контракта автономных граждан не возникла с начала капитализма. Она состояла прежде в развитии их рациональности в течение двух десятилетий<sup>37</sup>. Но, сделав вывод, сегодня иное время — время постполитической культуры, избравшей жизненный стиль в качестве главного аргумента, подтверждающего свободу индивида. Мы получаем вторую постполитическую форму культуры, наряду с выше обозначенными массовыми движениями, противостоящими государству или решающими за него или без него, это индивидуальный или коллективный изоляционизм групп разных жизненных стилей — «культурное племя» — вместо этноса, нации, класса, не интересующееся государством.

Социальный контракт в теоретическом плане явно синонимичен ценностному консенсусу, обеспечивающему обще-

ственные связи и доверие. Как отмечает известный экономист А. Аузан, «социальный контракт — это, в конечном счете, некоторые устойчивые долгосрочные правила, которые иной основы, кроме широкой конвенции, никогда не имеют и не будут иметь»<sup>38</sup>.

Поскольку люди часто склоняются к переговорным концепциям социального контракта, к «возможностям договориться», для них вопрос об идентичности является вопросом о том, кто может говорить от имени всех граждан России. На наш взгляд, конвенции, социальный контракт, ценностный консенсус, российская идентичность не сложились после кризиса 1990-х, не произошла реконвенциализация ценностей. Ценностный кризис не преодолен. Аузан пишет: «А что главное в этом процессе? Совместные ценности формируются, когда мосты строятся не вдоль рек, а поперек, когда между собой общаются разные группы, сопоставляющие ценности, и тем сам вырабатываются не ценности групп, а ценности нации»<sup>39</sup>. «Мосты поперек реки» — это метафора продуктивной осмысленной деятельности. Но мне представляется, что переговорный процесс в пределах нации вряд ли возможен и продуктивен. Хотя бы потому, что социальный контракт никогда не формировался и не мог быть сформирован подобным образом: противоречия возникают между элитными группами бизнеса и власти, и именно их отношения являются наиболее инструментальными.

Таким образом, можно заключить, что смена ценностей путем механизма реконвенциализации тесно сопряжена с такими понятиями, как сатурация, аномия, травма, социальный контракт, идентичность. Дополитическое смешивается с политическим и постполитическим на этих рубежах. Философия в начале нового века встала перед проблемами, которые именно ей предстоит решать. Здесь также много работы культурологам, еще не сказавшим своего слова. И эти события реанимируют чрезвычайную актуальность проблемы политической культуры и политической модернизации.

Изменение ценностных конвенций, кризис и реконвенциализация политической культуры можно проиллюстрировать примером.

В 1920–30-ые годы в СССР сохранилось достаточное количество философских школ, знаменитых философов (Г. Г. Шпет, В. Ф. Асмус, А. Ф. Лосев, А. М. Деборин и много других). Но далее пришли люди с идеями революционной целесообразности, не понимающие значимости философских исследований, которые ответственны за этап выхолащивания философского знания политической пропагандой, примитивными схемами, идеологическими догмами. Их понимание целесообразности в революционной форме привело к потере философией СССР своей высокой компетентности на несколько десятилетий.

В конце 1940-х годов вопросы профессионального философского знания превратились в политическую проблему, что можно видеть в дискуссии по книге Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии. Во время Великой отечественной войны в Институте философии РАН издавались труды И. Канта. Стремилась показать, что мы воюем не с немецким народом, а с Гитлером. А немецкий народ остается уважаемым

<sup>33</sup> См. подробнее: Федотова В. Г. Механизмы ценностных изменений общества. // <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9908-mexanizmy-cennostnyx-izmenenij-obshhestva.html>

<sup>34</sup> Sulkunen P. The Saturated Society. Governing Risk and Lifestyles in Consumer Cultures. Los Angeles, L., New Delhi, Singapor, Washington: Sage, 2010.

<sup>35</sup> Sulkunen P. Ibid, P 19.

<sup>36</sup> Ibid. P. 41.

<sup>37</sup> Ibid. P. 8.

<sup>38</sup> Договор 2008: новый взгляд. Обсуждение книги Александра Аузана. <http://www.polit.ru/lectures/2007/06/28/dogovor2008.html>

<sup>39</sup> Там же. С. 4.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

в лице своих лучших представителей. М. Митин и П. Юдин, два академика, близкие к верхам и представлявшие с 1930-ых годов революционную целесообразность упрощения философии, рекомендовали книгу Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии на Сталинскую премию. Ее автор был ведущим человеком в Управлении пропаганды и агитации, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), имевшим большой политический вес. Но через некоторое время рядовой профессор МГУ З. Я. Белецкий послал Сталину письмо, в котором гневно выступил против концепции Александрова, полагая, что возвеличивая Канта и Гегеля, Александров восславляет аристократическую реакцию Германии против Французской революции. Белецкий видел в этом антиреволюционную направленность мышления Александрова. Неожиданно Сталин поддержал Белецкого. Это удивило всех, поскольку он сам способствовал присуждению труду Александрова Сталинской премии второй степени. Стали обсуждать эту ситуацию со всех сторон, были проведены в Институте философии заседания. Первое заседание, на котором шла критика идей Александрова, состоялось в январе 1947 года. Многие мгновенно приспособились (такая приспособительная реакция и сегодня является одной из причин кризиса взаимодействия науки и управления, который мы сегодня имеем), и протокол этого заседания стал политическим протоколом: в книге слишком возвеличена старая философия и недооценено то, что марксизм совершил переворот в истории философии, что теперь марксистское учение — самое главное учение, которое может быть. Была назначена новая дискуссия, на которой должен был выступить А. А. Жданов. Сталин, отвечая Жданову, сказал, что философия стала научным оружием в руках пролетарских масс. Александров согласился учесть замечания, иначе расставить людей в руководящих организациях в области философии, согласился с обвинениями Белецкого по поводу немецкой классической философии. Возникает вопрос — почему столько страстей и шума, когда в послевоенной стране существует множество практических проблем? Этим делом без конца занимается ЦК, ни одно письмо не минует Жданова и Сталина, даже какой-то инженер написал, что оскорблен возвеличением немецкой классической философии. Ничего национального в этом нет, подтверждается уважение к немецкой нации, но декларируется неуважение к немецкой классической философии, которая должна быть чужда новым революционным преобразованиям в философии.

И кто такой Белецкий? Белецкий — революционер, в семнадцать лет он «ушел в революцию». И сохранил революционный дух до того времени. Белецкого многие возненавидели. Он был изгоем. Он был горбат. Он был злой. Он был непреклонный. Но он был единственный, кто не приспособивался. Термидор революции начался позже, а в период этой дискуссии оставались люди с революционным накалом и революционным пониманием мира, каким и был несгибаемый Белецкий, которого потом все-таки уволили. Однако революционная целесообразность со стороны нового ее адепта — Белецкого не получила поддержки философского сообщества. Это означает, что общество в целом уже вышло из фазы революционного мировоззрения. По моему мнению, *это можно трактовать в качестве предпосылки нового проекта общества*. Всеобщая нелюбовь к Белецкому, которая возникла в философской среде,

говорила о том, что *конвенции революции уже разрушены*. Всякие большие перемены связаны с тем, что некие укорененные конвенции, договоренности, принятые вначале, может быть, с трудностями, начинают расшатываться, испытывают кризис, а потом ломаются, и им на смену приходят другие. Если для Белецкого теория познания — это всего лишь путь к идеологии, и должны быть контролирующие инстанции, которые потребуют от каждого следовать ей, то общество уже этому не подчинилось. Общество разрушило эти революционные конвенции, и 1960-е годы начинаются с своего рода «релаксации» в сравнении с годами революционного накала.

Мне кажется, единственным революционным актом, который произошел после войны, актом старта новой политической культуры, был отказ от революционных конвенций в обществе, прежде всего, у интеллектуалов, у философов. К этому привела своего рода феноменология сознания пятидесятников. Это был результат победы в войне и вызванных этим трансформаций в сознании людей. Поколение семидесятников оказалось отчасти пропущенным. Поэтому меня очень занимает вопрос о том, как обеспечить адекватную эпохе конвенцию ценностей. Белецкий и Сталин говорили о том, что интеллигенция должна преодолеть свой отрыв от трудящихся и от задач, которые стоят перед обществом. Интеллигенция, занятая в сфере умственного труда, действительно производит абстрактные проекты, а философы — самые абстрактные проекты, и важны, безусловно, какие-то изменения в подходах, для того, чтобы потом не выдать эти абстракции за истину в последней инстанции, за то, что надо немедленно реализовать. Мы уже столько раз производили такие проекты, в том числе и либеральный проект 1990-х годов, который был сформулирован самым революционным образом: «Иного не дано». Это была снова революция, а не реформа.

Итак, потребовалось время, чтобы дать простор саморазвитию философии и социальной науки. Повторяются, однако, некоторые старые истории.

Сегодня пришли сторонники новой, *упрощенной целесообразности, именуемой имя «эффективность»*. И естественная, и социально-гуманитарная наука, и философия не могут быть подвергнуты тому же менеджменту, что и производство, и продажи. Сегодняшний менеджер, в котором воспитана в последние годы самоуверенность пиарщика, экономиста или юриста, ошибочно полагается на универсальность менеджмента. По мнению классика экономической мысли Ф. Хайека, есть сходство между рынком и наукой — они способны произвести нечто совершенно новое, чего никто даже не мог предположить. Отрицание непредвиденных важных результатов профессиональной деятельности напоминает идолы революционной целесообразности требованием дать эффективные немедленные результаты.

Среда для некачественных работ в науке и некачественного образования подготовлена чиновниками, верящими в эффективный менеджмент, подобно тому, как сторонники революционной целесообразности верили в эффективность своей деятельности. Новые упростили не способны комплексно изучить международный опыт организации образования и науки, надергивают то, что по их мнению, эффективно. Например, в России, по сути, закрывается образовательная возможность



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

для людей, не способных платить за образование, тогда как, по свидетельству ректора Гарвардского университета Дерек Бока, студенты сдают вступительные экзамены в университет безо всякой обусловленности оплатой. Только прошедшие конкурс дифференцируются по способности платить, и многие не платят, а даже получают стипендию. В Норвегии студентам предлагается кредит, которые они должны будут выплатить через несколько лет после окончания университета, заработав в профессиональной деятельности. Провинция перестает в нашей образовательной политике быть местом подготовки высококвалифицированных кадров и, тем более, научной деятельности. В Италии 1976 года при обострении кризиса, наличии террористов ни одна партия не решилась выдвинуть идею выбрасывания студентов на улицы, полагая, что молодежь в условиях кризиса — порох улиц, поэтому молодежь записывали без экзаменов в университеты. Не стоит думать, как недавно высказался министр образования, что мы, не уехавшие из страны и получающие небольшие деньги, просто не сумели продать себя на Западе. На свой непросвещенный псевдотехнократический лад трактуя практическую целесообразность *новые сторонники «менеджеризма эффективности»* и пока не боятся суда истории, т. к. ничего не знают о том, что он был и будет.

После Второй мировой войны революционеров осталось мало. Большинство мыслило уже в терминах гражданской жизни, и, как пишут многие, приспособилось к существующей реальности. Мы видим тут типичный пример революционной конвенции — кризиса — реконвенционализации, перешедшей от революционаризма и революционности к ценностям устоявшейся жизни, личной жизни и пр. Политическая культура *пролетарского революционаризма завершала свое существование*. Поэтому шестидесятники, представляющие многим революционерами, являются теми, кто как раз покончил с идеями революционной целесообразности, перешел из кризиса к новой ценностной парадигме. В этом был и определенный когнитивный подход, где новые конвенции начали вытеснять революционную целесообразность.

### Когнитивные предпосылки различия массовых политических и постполитических практик, политических культур

Дж. Александер показывает, что науки об обществе участвуют в социальной жизни и как тексты для чтения, и как перформанс. В статье, написанной им совместно И. Ридом, показывается, что культурно-социологическое понимание эпистемологии делает социальные науки частью спектакля общественной жизни. Теоретические исследования «хранят молчание» по поводу эмпирических результатов, доминирующих сегодня в социальных науках, но считаются необходимыми для адекватного понимания эмпирического материала, для эпистемологических гарантий доказанности результатов. Александер и Рид противопоставляют этому свое понимание, требующее «кристаллизации культурного базиса» эпистемологии и социальных наук. Это достигается, по их мнению, с помощью социологии культуры и интерпретативной философии. Задачу социальных наук они видят в раскрытии значимости социального мира и перформансов стремления к истине, ограниченного эмпир-

рическими свидетельствами. Результаты социальных наук — продукты деятельности исследователя, а не открывшиеся ему онтологии, позволяющие ему изучать мнения, действия, отношения и структуры, — так формулируют они свою радикально конструктивистскую позицию. Успешные объяснения соединяют структуры значения исследователя с действующими акторами<sup>40</sup>. Данное высказывание раскрывает характерный для этих исследователей отказ от примордиальных, натуралистически-эссенциалистских представлений, направленных на познание мира, и безусловное доминирование конструктивистских парадигм. Оно утверждается без какой бы то ни было реакции на имеющуюся в настоящее время критику когнитивного антагонизма между конструктивизмом и натуралистическим эссенциализмом и господствующее сегодня убеждение о необходимости их совместной работы<sup>41</sup>. Движение от натуралистически-эссенциалистского подхода к конструктивистскому и далее к их совместным применениям сегодня обосновано<sup>42</sup>. Даже кажущиеся спонтанными социальные действия получают разную интерпретацию а разных парадигмах исследования: натуралистический эссенциализм направлен на познание объективной социальной реальности, поиск закономерностей, квалификацию типов социальных движений, зависящую от их сущности и целей; конструктивизм сделал семимильные шаги к попытке признать множество интерпретаций и путей преобразования. Третий подход устанавливает взаимоограничивающую связь натуралистического эссенциализма и конструктивизма.

Концепт перформанса возник на базе когнитивных представлений о связи идеологий и теорий, которые либо предшествовали идеологиям, либо следовали из них. Так, К. Маркс в своей теории классов и классовой борьбы, в которой и пролетариат, и буржуазия трактовались как не имеющие отечеств, как преследующие лишь защиту классовых интересов, вынес за скобки национальные противоречия и конфликты, обращение к которым подорвало бы центральную роль классового конфликта и стремление к социальной революции.

Как мы уже показали, Дж. Александер опубликовал немало трудов, где перформативная сторона власти и политики, не требующая другой политической культуры, кроме перформативной, стала предметом специального рассмотрения<sup>43</sup>. По его мнению, культура и политика, подобно черному и белому, символизируют полярность и стереотипизацию теорий: культура — внутреннее, индивидуальное, связанное с волей и энтузиазмом, власть — внешнее, объективное, калькулируемое и выбираемое. В действительности же культура и власть смешиваются друг с другом, ибо отделение власти от «значений», смыслов и производство последних в культуре затрудняет для

<sup>40</sup> Reed I., Alexander J. Social Science as Reading and Performance. A Cultural-Sociological Understanding of Epistemology // European Journal of Social Theory. 2009. № 12(1) P. 21–41.

<sup>41</sup> Федотова Н. Н. Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории. Автореф. дис. д. с. н. М.: МГИМО У (Мид России). 2013.

<sup>42</sup> См., например: Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. СПб.: Издательский дом : Мир. 2010.

<sup>43</sup> Alexander J. C. Performative Revolution in Egypt. An Essays in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic. 2011; Alexander J. C. Performance and Power. Cambridge, UK: Polity. 2011.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

политиков успешность выборов. Политики с трудом репрезентируют надежды, страхи и мечты людей, которые должны их избрать. Перформанс заполняет поле значений и смыслов и входит в состав как политических технологий, так и спонтанных акций. Произошедший отказ от связывания социальной реальности с метафизическими основами, ритуализирующими политику, привел к тому, что ничем незаполненное пространство между властью и политикой стало заполняться трагифарсами перформанса. Перформанс отделяет публику от знаний и размещается в пространстве между властью и культурой, считает Дж. Александер, выступает как многообразие смеси акций и разрывов, текстов, способных вдохновить публику. Политические оппоненты борются за отделение действий от знаний, делающих их искусственными<sup>44</sup>. Это отделение от знаний рождает власть культур, культурную прагматику символических действий, определяет место перформанса между ритуалом и стратегией, создает перформативный протест, перформативный терроризм, войну и перформанс в Афганистане и Ираке. Культур-социология Дж. Александера утверждает по существу замену рациональной политики, основанной на знании, движением различных социальных слоев под влиянием своей культуры, эмоций и символов. Культура, как он утверждает в ряде работ, представляет, генерирует активность, информация о которой отфильтровывается СМИ и в новом виде возвращается к участникам перформанса. В завершении своей работы о египетской весне, Александер говорил о том, что произошедший на площади Тахрир перформанс произвел очищение, после которого Египет должен двигаться вперед демократическим путем. Сегодня видно, насколько это получилось не так, насколько *постполитическое стремится к вытеснению политического*. Демократия в конструктивизме такого рода не является ни формой осуществления политики государством, ни властью народа как отражением его интересов государством и наличием его представительства в его органах, стремлением к гражданскому обществу, а выступает как признание правоты массовых движений, какими бы они ни были. Отрицается политическое во имя реанимации дополитического и постполитического. Перформанс в лучшем случае соединяет человеческие творческие возможности со сложившейся ситуацией, многообразием трактовок которой выступает в качестве достижимой на данное время объективностью. Он вносит человеческое измерение в познание, как и сознание масс в политику, никогда не являющуюся объективной и весьма перформативной сама по себе.

Идея перформанса противостоит как объективистским притязаниям на знание, так и проективной самонадеянности. Чтобы рассуждать о проекте, надо вспомнить: *во-первых*, что слово «проект» попало в философско-социологическую литературу преимущественно с 1980 года. Оно было приведено в речи Ю. Хабермаса во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Его речь, многократно перепечатанная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн — незавершенный проект». Приведу слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать

объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их *своевольной природы* (курсив мой. — В. Ф.), но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий...»<sup>45</sup>. Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более, чем способность применять теории на практике, чему должна соответствовать компетентность элит.

*Во-вторых*, слово «проект» в большей мере отбрасывает вторую сторону — «своевольную природу» исторического процесса, одним из проявлений которой является его естественно-исторический ход, а так же политический перформанс как попытка творческого акта человека или групп. В докладе М. Ремизова «Консерватизм и современность» на Семинаре «Интеллектуальные основы государственного управления» 23. 04. 2010, слово «проект» употребляется в жестком смысле: «современное общество обречено на *проектный* способ существования». Но модерн оказался в действительности незавершенным процессом, скорее, чем проектом, по логике которого *сегодня развивается весь мир*. И эта логика внесла в него многое, связанное с постмодернистской гибкостью и неопределенностью, необъективностью и непроектностью, синергию и анархию.

В число средств, отвечающих на падение нашей познавательной и практической самоуверенности, сегодня входит перформанс. В большой мере он выступает как инструмент апробирования имитационной модели гражданского общества в условиях его массового характера. Вопрос этот совершенно не изучен. Перформанс чаще всего способен предоставить возможности участия в политике непрофессионалам. Но это чревато тем, что не профессиональные, не доверяющие власти люди могут привести ситуацию к анархическому бунту, гражданской войне, погромам. Важно понимать под проектом не программу деятельности, а что, что под ним действительно понимает Ю. Хабермас: «...современные науки производят знания, по своей форме (а не по субъективному устремлению) являющиеся *технически применимым знанием, хотя в целом возможности технического применения этого знания проявляются лишь задним числом*»<sup>46</sup> (курсив мой. — В. Ф.). Но перформанс этому противостоит. Он увлекает людей самодеятельностью и значимостью их массовых спектаклей. Может быть он в ряде случаев — школа непосредственной (но не представительной), демократии, реакция на отсутствие демократии как формы правления, но в других — школа раскола общества, анархии, архаических форм политического, что означает переход к постполитическому.

Политическая культура стала предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Подобно тому, как культура представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура есть особый тип ориентации на политическое действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику. В ее толковании сошлись представления о динамике цен-

<sup>45</sup> Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992, № 4. С. 45.

<sup>46</sup> Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис. 2007. С. 79.

<sup>44</sup> Alexander J. C. Performance and Power. P. 4–5.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ностей и одновременно о когнитивных и парадигмальных изменениях.

Даже сегодня стоит вопрос о том, кто должен изучать и заниматься построением гражданского общества, социальные философы или политические философы. На мой взгляд, философ политики стремится построить гражданское общество всегда. Социальный философ рассматривает условие его построения при наличии разнообразия социальных сред с разными политическими культурами. Иными словами, «для понимания власти в государстве социальная наука должна обратиться к восприятию власти обществом»<sup>47</sup>, равно как для восприятия власти в обществе необходимо обратиться к власти в государстве.

Авторы статьи «Политическая культура» упоминают два события, раскрывающие ее современное понимание — «переход от формулы абсолютизма Людовика XIV «Государство — это я» к «We are the People» (Мы — народ)»<sup>48</sup>. На этом перекрестке «государство-общество» и существует политическая культура или, точнее, политические культуры. Отрыв государства от общества ведет к его самовластью, подрыву политической культуры общества. Отрыв общества и масс от политического, т. е. связанного с государством и требованиями к нему, ведет к анархии и архаике, к отказу от политического в пользу постполитического.

Образцом изучения политических культур, на мой взгляд, был ее анализ американскими учеными Г. Олмондом и С. Вербой. Социальным контекстом для них стали события, связанные с различиями и трудностями развития демократии в пяти странах — Германии, Италии, Мексике, США и Великобритании. Обсуждая типы политических культур, они ориентировались на структурно-функциональную концепцию Т. Парсонса, которая характеризовала западный мир как стабильный мир рациональности, связанный с институтами, выраженный в схеме рациональности AGIL (адаптация, достижение цели, социальная интеграция, создание культурного образца). Институты предполагали производство индивидов с определенным набором норм, ценностей и установок, которые Парсонс называл культурой. Эти индивиды, в свою очередь, сами поддерживали институты. Но данный путь был далек от возможности иметь дело с поведенческими характеристиками. Для работы с эмпирическими фактами Олмонд и Верба обратились к бихевиористским концепциям, с их концепциями норм, ценностей и установок, создав на основе двух указанных направлений свою парадигму изучения и формирования политической культуры. В конечном итоге, они дали «агрированный образец субъективных политических диспозиций ( предрасположенностей) населения (а на мой взгляд не только субъективных, но и заданных социальным местом разных слоев общества и соотношением этих слоев в разных обществах. — В. Ф.), таким образом инкорпорируя и операционализируя ... концепцию политической культуры»<sup>49</sup>, соединили натуралистически-эссенциалистские и конструктивистские подходы.

<sup>47</sup> Olick J., Omelchenko T. Political Culture// The International Encyclopedia of the Social Sciences. Detroit: Macmillan/ Thomson Gale. 2007. С. 300.

<sup>48</sup> Ibidem.

<sup>49</sup> Ibid. P. 301.

Были и другие концепции. Антропологи М. Мид и Р. Бенедикт основывались на подходе, соединяющем культуру и личность. Согласно ему, члены разных обществ вырабатывают разные типы личностей, которые ориентированы на разные типы политических программ и институтов. Из антропологических представлений об авторитете в семье у Т. Адорно выросла концепция авторитарной личности. Однако смена парадигм социального знания — переход к многочисленным конструктивистским парадигмам, в частности, символическим (Дж. Александер и др.), за отсутствие которых критикуют Г. Олмонда и С. Вербу сегодня, представляется неверным, т. к. в их концепции примордиализм, объективность политических культур соединена с проблемой их выращивания до демократических форм и, следовательно, конструирования демократической политической культуры при учете ее объективных предпосылок. Это сделано с большим реализмом, чем концепция перформанса, в которой любование символической формой затемняет оценку содержания. Есть континуум участия народа — от пассивного до активного, ученых — от натуралистического до конструктивистского, в обоих случаях связанный с различными формами легитимности.

История изучения политической культуры после Олмонда и Вербы предстает как когнитивная история смены парадигм социального знания, которая связана с переходом от примордиальных представлений к конструктивистским, от признания исходной реальности к формированию сколь угодно отличной от нее. Сегодня мы не можем ответить на вопрос, как происходит на самом деле, поскольку это вопрос потерял смысл. Это одна из причин перехода к науке, формирующейся под влиянием внешних целей, который сегодня приобретает актуальность.

Таким образом, глубокая связь политической культуры в теоретическом и практическом смысле с социальной философией подтверждается значением ценностных изменений и когнитивной перестройки концепций.

## Развитие идеи гражданского общества

Политическая культура современности связана с демократией. Согласно С. Хантингтону, *первая волна демократии* относится к США начала XIX в., она продолжалась до окончания Первой мировой войны, завершившись идеей Лиги наций В. Вильсона, консолидировавшей западные демократии. *Вторая волна* поднялась после поражения фашизма во Второй мировой войне. Она привела к появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. *Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией*. Хантингтон подчеркивал, что политическая стабильность возможна при наличии адекватной институционализации, способной обеспечить консолидацию. Однако в странах новой демократии трудно провести четкие разделительные линии между высоко организованными политическими структурами и дезорганизованной политикой, между участием и неучастием масс в политике<sup>50</sup>, добавим, между предполитическим, политическим и постполитическим поведением и соответствующим им формам политической культуры.

<sup>50</sup> Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, L.: Yale University Press. 1968. P. 78.



ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Политическая культура гражданского общества (либо необходимая для построения такового) была названа Г. Олмондом и С. Вербой гражданской культурой или гражданской политической культурой<sup>51</sup>. Термин «гражданский» во многом тождественен понятию гражданского общества. Сегодня функции гражданского общества и даже самое понимание его сути шире, чем представление об обществе, способном поставить под контроль государство. По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, самоорганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не позволять всему обществу подчиняться логике рыночной прибыли<sup>52</sup>.

Гражданское общество в России не может установиться без участия государства. А государство заинтересовано в нем тогда, когда с кем-то надо разделить ответственность. Примером этого может стать образование Общественной палаты сразу после событий в Беслане.

В одной из своих работ конца 1990-х годов Г. Олмонд описывал становление проекта гражданской культуры. Анализ этой работы был осуществлен в статье «Какая политическая культура нужна гражданскому обществу»<sup>53</sup>. Концепцию Олмонда и Вербы отличает склонность к пониманию демократии и как формы правления, и как участия народа в политической жизни, именно их концепция показывает отличие политической культуры от дополитической и постполитической.

Опыт изучения политической культуры гражданского общества (или необходимой для построения гражданского общества) должен быть основан на компаративистском анализе ее построения в разных странах, на знании истории и психологии народов, на понимании многообразия проектов демократии и адекватного выбора ее модели, на осведомленности о наличии и использовании теорий, которые были выработаны для этой цели. Уже в 60-е годы Олмонд и Верба писали, что сбалансированное неравенство существует в США и Англии, но отсутствует в Германии, Италии и Мексике тех лет. Под таким неравенством они понимали наличие в США групп разных политических культур (приходской, патриархальной и культуры участия) и задачи демократии обеспечить баланс их интересов. Демократию не как победу демократов, а как их способность

принять во внимания интересы и других социальных групп. Олмонд принял позицию Р. Патнэма, хотя тот использовал не концепцию баланса неравенств, а теорию равновесия, сопоставимую с экономической теорией рынка, в которой продавцы и покупатели достигают приемлемой цены, делающей рынок саморазвивающейся системой. Это близко к позже появившейся модели эффективной демократизации С. Хантингтона — его теории «третьей волны» в понимании гражданской культуры.

Согласно Олмонду, «теория гражданской культуры является теорией демократического равновесия, в которой демократическая стабильность уравновешивается демократическими процессами, т. е. градус политического конфликта не выходит за пределы заданного температурного режима»<sup>54</sup>. По его мнению, политическая культура поколенчески различна. Она может содержать ретроспективу, память о прошлом, либо быть обращена в перспективу. Но все-таки Олмонд считает, что основная тенденция в том, что возникают *многомерные пластичные политические культуры*. Заметим, что этого не происходит в России. Здесь, скорее, есть некоторый набор политических культур, каждая из которых одномерна и лишена пластичности и коммуникации с другими<sup>55</sup>.

Исследователи приходят к выводам, которые представляются закономерными. Умеренность и компромисс, необходимые демократии, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, эмоциональностью и прагматизмом, согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением: « Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. — В. Ф.) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... »<sup>56</sup> и , добавим, принятием во внимание наличия групп дополитических, политических и постполитических культур, их причудливым, намеренных или перформативных смещений.

Я разделяю эти выводы, признаю неизбежность присутствия дополитических и постполитических культур, но лишь при наличии политической культуры, способной к решению проблем построения демократии и гражданского общества.

<sup>51</sup> Almond C., Verba S. The Civic Culture. Political Attitude and Democracy in Five Nation. Newbury Park, L. 1989.

<sup>52</sup> Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // Философский журнал. М. ИФ РАН. 2013. С. 35–48. Он-лайн: [http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive\\_events/2012/Fedotova\\_30\\_10\\_2012.pdf](http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/Fedotova_30_10_2012.pdf)

<sup>53</sup> Там же.

<sup>54</sup> Almond S. The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // CSD Working Paper. Center for the Study of Democracy. California. 1996.

<sup>55</sup> Подробнее см.: Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // Философский журнал. М. ИФ РАН. 2013. С. 35–48. Он-лайн: [http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive\\_events/2012/Fedotova\\_30\\_10\\_2012.pdf](http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/Fedotova_30_10_2012.pdf)

<sup>56</sup> Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. P. 369–370.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

Россия, Москва.

Институт философии ФАНО.

Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Russia, Moscow.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Dr, Prof. Leading Staff Scientist.



## ОТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ К СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье раскрывается природа публичной философии, её роль как медиатора, посредствующего звена в современном обществе между академической, профессиональной философией и идеологическими позициями различных политических движений и партий. Подчеркивается рост значимости публичной философии в современной России для достижения общенационального согласия по вопросам государственного устройства, формирования приемлемой для всего общества идеологии и нахождения оптимального вектора дальнейшего развития России.

**Ключевые слова:** публика, общественность, академическая философия, назначение философии, практическая философия, публичная философия, политология, политическая партия, национальное согласие, идеология.

### From National Consensus to Modern Political Culture: A Factor of Public Philosophy

Public philosophy plays its part in society as a mediator between academic philosophy and ideological views of different political movements and parties, as is shown in the article. The importance of public philosophy in modern Russia for gaining national consensus concerning the key questions of Russia's development is emphasized. The author concludes that national consensus is sine qua non for creating a modern political culture in Russian society.

**Key words:** public, academic philosophy, the purpose of philosophy, practical philosophy, politology, political party, national consent, ideology

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН<sup>1</sup>, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это конечно не случайно и требует пристального рассмотрения. Почему, когда говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем были согласны в основном все участники дискуссий, то, прежде всего, имеется в виду политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академи-

ческая философия, кто к ней проявляет интерес, что в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от неё глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы сегодняшнего дня?

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. В недавнем прошлом он удовлетворялся публичными лекциями и изданием популярных книг и брошюр. В последнее время философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

Помимо философии появились и иные формы публичной активности социально-гуманитарных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

Современная публичная социология, как пишет известный американский социолог М. Буравой, носит органический характер. Она взаимодействует с конкретными организациями

<sup>1</sup> См. статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: Философский журнал, 2012, №2. Межуев В. М. Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5-16; Федорова М. М. Философия и политика. С. 17-26; Кара-Мурза А. А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27-44.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

## | От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю. Хабермаса, подчеркивает М. Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально<sup>2</sup>.

Публичная история — сравнительно новая отрасль знания, которая занят переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т. е. знания, предназначенного для понимания и дальнейшего употребления широкой аудиторией. Например, для оформления выставок, музеев и т. д. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 году направление «Public History» занимается обучением историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России также созданы в некоторых учебных заведениях учебные курсы по «public history». Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию: «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»<sup>3</sup>.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, теоретическую и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере проявления публичной политологии. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова, и в ней можно выявить конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной политологии. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о публичной политологии.

<sup>2</sup> См. подробнее Буравой М. За публичную социологию / Общественная роль социологии. Под ред. Романова П. и Ярской-Смирновой Е. — М., 2008. С. 18-21.

<sup>3</sup> Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого / Неприкосновенный запас, 2012, №3 (83). С. 242.

Несколько слов о работе У. Липмана «Публичная философия».

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что её роль с успехом может выполнять (и реально выполняет), с нашей точки зрения, публичная философия. Этот несколько неожиданный вывод требует, конечно, обстоятельной аргументации. Интерес вызывает, в этой связи, давняя работа американского политического и морального мыслителя У. Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х г. XX столетия. Особенных открытий мы в ней не найдем, но есть ряд важных положений, на которые следует обратить внимание, когда мы анализируем сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и пытаемся найти подходы к её решению. Прежде всего, что он имеет в виду под публичной философией, и какими функциями он её наделяет? В западных странах в последние столетия было широко распространено такое социальное явление, которое называет У. Липман публичной философией, и её наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII-XVIII веков были сторонниками определенной публичной философии — учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа, ... выше всего сообщества смертных»<sup>4</sup>. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие естественного закона и порядка. (cosmos). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII века обосновали свою государственно-властную конструкцию. «Публичная философия является оплотом институтов западного общества, и они, я полагаю, — пишет У. Липман, — не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»<sup>5</sup>. На основе публичной философии, были сформулированы основные принципы, регулирующие все сферы жизни западного общества, идет ли речь о всеобщих выборах, верховенстве большинства, свободе слова, лояльности, собственности и т. д.

Эти принципы выступают вместе с тем естественными законами рационального устройства человеческого общества и, если люди мыслят рационально, то они сочтут их самоочевидными. Но почему речь идет о публичной философии?

У. Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан — это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению позитивного результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было условием и формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х. Арндт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса, на котором они обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной пу-

<sup>4</sup> Липман У. Публичная философия. М., 2004. С. 90.

<sup>5</sup> Там же. С. 93.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

## | От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

бличной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и приводят к обязывающим решениям только в рамках принятой системы правовых норм и ценностей, т. е., при наличии объединяющего начала. У. Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. В 20-е и последующие годы прошлого столетия в Европе всё складывалось по-иному, её сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовой борьбы. О наличии некоего объединяющего философско-идеологического начала вряд ли приходится здесь говорить.

У. Липман в этом контексте как раз и пишет о разрушительной деятельности революционеров. Контрреволюционные движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона — это вопрос целесообразности практического разума.

У. Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами государства принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии по У. Липману состоит в том, что она играет роль, с нашей точки зрения, своеобразной общественной идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику как на активных граждан. Более того, «публичная философия в деле сохранения жизнеспособности общества играет, по мнению У. Липмана, роль нити, связующей воедино его отдельные части»<sup>6</sup>. И она довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что возникает разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединяющего всех консенсуса. С помощью самых различных, в том числе и репрессивных мер, все различные массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У. Липман конечно позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX века говорит о том, что рамки публичной философии оказались слишком тес-

ными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение. У. Липман уверен, что можно восстановить и сохранить целостность традиций цивилизованной жизни западного общества. Ход последующего развития европейского общества показал, что эта целостность удерживается с немалыми трудностями. Но здесь есть одна проблема, которая остается у него не поставленной.

Публичная философия в эпоху античности и даже классического капитализма раскрывает своё содержание далеко не в полной мере. Она ещё не отделилась и по предмету, и по субъекту от профессиональной философии. В жизни античного полиса это особенно наглядно видно. Сегодня естественно возникает вопрос. Если есть публичная философия, тогда кто же выступает её субъектом? Ведь она не сама по себе складывается, но она и не тождественна профессиональной философии. У. Липман заявляет, что публичная философия постоянно нуждается в оживлении и обновлении. Так кто должен этим заниматься: философ-профессионал или публичный философ? Вопрос не в том, может ли это делать с успехом один человек, предметы занятий тут достаточно разные, к примеру, наличие публичного социолога в разобранный выше примере не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что современный рост массовых политических движений делает абсолютно необходимой такую профессию как публичный философ. Можно сказать, что решением подобного рода задач ранее занимались профессиональные идеологи. Но сегодня понятие идеологии и, прежде всего, общенациональной идеологии приобретает новые смыслы. Идеология начинает все более пониматься и в России, и на Западе как многоплановое идейное образование, которое реально обеспечивает единство, интегративный характер современного государства. Для современной России это особенно актуально. И видимо вместо идеологического функционера на ведущие роли в обществе постепенно выдвигается новая фигура — публичный философ.

### К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. А. А. Гусейнов в статье «О назначении философии» подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой «переходник», позволяющий переводить тексты с одного языка на другой и может ли это делать один и тот же человек — особый вопрос»<sup>7</sup>.

Введение понятия *публичная философия* позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими

<sup>6</sup> Там же. С. 121.

<sup>7</sup> Гусейнов А. А. «О назначении философии» / Философия и история философии. К 90-летию акад. Т. И. Ойзермана. М.: 2005. С. 94.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

## | От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их проблемы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии — это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания, как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»<sup>8</sup>.

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный этико-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особой рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы заниматься десятилетиями созиданием своей системы. Основой такого рода философского утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013) точно отразило эту её особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

В. А. Подорога заметил в докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция, ... а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»<sup>9</sup>. Политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В. А. Подороги, А. А. Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, самим своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политтехнологам»<sup>10</sup>. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит, в конечном счете, обоснованию этико-политического проекта.

<sup>8</sup> Там же. С. 96.

<sup>9</sup> Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» / Философский журнал, 2009, №1 (2). С. 10.

<sup>10</sup> Гусейнов А. А. Выступление в дискуссии / Философский журнал, 2009, №1 (2). С. 17.

С появлением философии К. Маркса в обществе создается принципиально иная ситуация. К. Маркс впервые сформулировал идею практической реализации философского знания: «Философы различным образом пытались объяснить мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»<sup>11</sup>. По мере того, как учение К. Маркса получает все более широкое распространение, среди рабочего класса и образованных кругов общества, предпринимаются первые попытки его практического применения.

К. Маркс был профессиональным философом. Но вместе с тем он был и публичным философом. Он вел постоянный диалог-борьбу с самыми различными политическими течениями и движениями. Создал ли Маркс публичную философию? В известной мере, да — если говорить о ней, как об общественно-значимом идеологическом образовании. Складывается ситуация, аналогичная той, которую описывает У. Липман, но которая наполнена прямо противоположными смыслами в сравнении с его представлениями.

Не случайно постоянное различие в литературе между Марксом идеологом и Марксом философом. Это различие весьма своеобразно проявляет себя в истории философской мысли в советский период, когда возникает и получает широкое распространение марксистско-ленинская философия.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится императивной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» — философия публичная.

Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции сегодняшних политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею отношение к государству и власти (мировоззрение), чтобы убедиться в императивной необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

В философии и научной литературе выделяют следующие точки зрения, получившие широкое распространение в российском обществе: 1) либерально-западническая точка зрения или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России; 3) различные сепаратистские движения, направленные на превращение России, в лучшем случае, в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасение Отечества в возрожде-

<sup>11</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

нии советского строя и в возвращении на путь социализма 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому строю и образу жизни; 6) имперская позиция А. Проханова и созданного им Изборского клуба, предполагающая создание так называемой, пятой российской империи и необходимость исторического примирения белых и красных; 7) идеология российского (либерального) консерватизма правящей партии «Единая Россия»<sup>12</sup>.

Указанные точки зрения или абсолютно не совместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что её позиция единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перзевших в стране проблем. Об этом свидетельствуют вся их практика политической борьбы — от политических текстов до лозунгов и баннеров.

Можно сказать, что достижение согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но её выполнение окажется на деле созданием ещё одной уже самой современной философской системы, тем более, что её нельзя создать по заказу, даже по срочному, а тем более поручить выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов или, точнее говоря, она осознается как задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью. Именно по той причине, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая по своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс соединения марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается соединить либеральные и консервативные (импероподобные) идеи. Философия как духовный центр выступает в обществе как некое объединительное начало, стягивая вокруг все идущие в обществе дискуссии, и она способна в принципе, если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса в пределах как государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, идеология У. Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизацией. Следовательно, применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже вполне вероятно должна быть

как-то тесно связана с цивилизационной характеристикой российского общества, если конечно, мы признаем существование российской цивилизации как особой цивилизации.

## Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поиском оптимального вектора развития страны через постоянный дискурс с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом смысле можно говорить о необходимости диагностирования и лечения в сфере общественной коммуникации общественной патологии, которую Ю. Хабермас понимал как формы «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики и за её пределами.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ — это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисса в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на неё могут произвести сильное впечатление, могут поразить их воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких властителей дум нет или почти нет сегодня как среди философов, так и среди писателей, художественной интеллигенции. На это особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил внимание Н. С. Плотников<sup>13</sup>. Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ, и они как быстро надуваются, так и быстро исчезают и уходят в небытие. Другая причина — определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями дум. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспеваются и возводятся в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться всем политическим силам, рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

<sup>13</sup> «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллект — это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение». Плотников Н. С. Реконфигурация публичного пространства / Русский журнал. 27. 10. 2011. [http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija\\_publichnogo\\_prostranstva\\_2011-11-25.htm](http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm)

<sup>12</sup> Шевченко В. Н. Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами / Философские науки, 2013, №7. С. 5-22.



ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

## | От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

Хотя со времен античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы и в те времена сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный повседневный язык. И всё же здесь, скорее всего, должна идти речь о доминировании практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»<sup>14</sup>. Эта традиция, которая названа традицией «сверхдетерминацией политики философией»<sup>15</sup>, активно способствует тому, что превращает в конкретной реальности политическое, политическую сферу жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу, которая сегодня раскрывает в полной мере свою подлинную сущность.

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками, формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной» как говорят сегодня, на постоянное ведение дискурса между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискурс может и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает идти ни на какие-то публичные обсуждения и тем более компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная публичная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. И по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода сложное в своей сути идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной

идеологии первичной по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения национального согласия в стране. По выражению В. М. Межуева, необходимо стремится не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе<sup>16</sup>. Но я добавлю, что нужно знать свою специфику, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии. Что касается преподавания, то здесь всегда есть стремление создать некоторую единую систему философского знания. Иначе, как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в том числе и методические вопросы.

Но такое требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получать ответы на волнующие их вопросы. А им предлагают разные философские точки зрения и предлагают выбрать ту, которая им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит самим целям образования.

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Её назначение также состоит в том, что она обязана учащимся и всем читателям давать понятные ответы на реальные проблемы, которые стоят перед ними. Поэтому создание целостной системы философского знания есть помимо всего прочего и особое искусство, оно заключается в том, что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической профессиональной философией, какую философскую основу взять для ее грамотного и правильного создания.

Публичная философия и академическая философия, это как бы две стороны одной медали. Академическая философия — предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без её новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысловых ценностей, человечество рано или поздно обречено на вырождение.

<sup>16</sup> См.: Межуев В. М. История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб. 2011. -С. 385.

<sup>14</sup> Алексеева Т. А. Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин. / Философия политики и права: Сб. научных работ. Вып. 2. Под общей ред. Е. Н. Моцелкова. М.: 2011. С. 123.

<sup>15</sup> Федорова М. М. Цит. соч. С. 20.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

Россия, Тюмень.  
Тюменский государственный университет. Кафедра философии.  
Профессор, доктор философских наук.

Russia, Tyumen.  
Tyumen State University. Ph. D Professor. Chair of the Philosophy.

[mimus.lena@mail.ru](mailto:mimus.lena@mail.ru)



## ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА В ПРОЕКЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ИДЕАЛЬНОГО ТИПИЗИРОВАНИЯ

Статья посвящена типологическому анализу политико-правовой культуры как ценностно-смысловой системы. Автор выделяет три типа политико-правовой культуры — традиционный, утилитарный, креативный. В понимании источников и сущности государства и права политико-правовой традиционализм исходит из мировоззренческих принципов «космоцентризма» или «теоцентризма». Государство и право рассматриваются как внешние по отношению к человеку, высшие силы. Утилитаристское понимание источников и сущности государства и права базируется на принципах «социоцентризма» и «антропоцентризма», утверждающих идею народного суверенитета, определяющую народ как создателя и конечного обладателя всякой власти, а человека как творца закона. Креативная политико-правовая культура «снимающая» позиции теоцентризма и космоцентризма, социоцентризма и антропоцентризма утверждает мировоззренческий принцип диалогизма, согласно которому смыслообразующим ядром и конституирующим основанием политико-правовой сферы жизни общества является диалог — межчеловеческая коммуникация. Предложенная типологическая триада рассматривается как инструмент анализа политико-правовой сферы жизни общества.

**Ключевые слова:** политико-правовая культура, идеальное типизирование, общество, традиционализм, утилитаризм, креативизм, государство, власть, право, свобода, справедливость

## Political and Legal Culture of the Society in the Projection Methodology Ideal Typing

The article is devoted to the typological analysis of political and legal culture as a value-semantic system. The author distinguishes three types of political and legal culture — traditional, utilitarian, creative. In understanding the sources and nature of the State and law, legal-political traditionalism stems from the ideological principles of «kosmocentrism» or «theocentrism». State and law considered as external to the person, the higher powers. Utilitarianism understanding of the sources and the nature of the State and the law is based on the principles of «sociocentrism» and «anthropocentrism», claiming the idea of popular sovereignty that defines people as creator and owner of any power, and man as the creator of the law. Creative political and legal culture «taking off» position of theocentrism and kosmocentrism, sociocentrism and anthropocentrism claims ideological principle of dialogism, according to which the core and basis of the legal and political aspects of society is dialogue -interpersonal communication. The typological triad is seen as a tool to analyze the political and legal aspects of society.

**Key words:** political and legal culture, the ideal typing, society, traditionalism, utilitarianism, creativism, state, dominion, right, freedom, justice

Политическая культура и правовая культура общества — две не просто взаимосвязанные, но взаимозависимые, взаимопроницающие и взаимодействующие ценностно-смысловые системы. Вместе с тем, в современной отечественной науке сложилась традиция их изолированного друг от друга рассмотрения, связанная, прежде всего, с различной дисциплинарной принадлежностью понятий «политическая культура», «правовая культура»: первое изучается, как правило, политологией, второе — правоведением, юриспруденцией. В результате такого рода дисциплинарной специализации знания относительно как политической, так и правовой культуры приобретают односторонний, усеченный характер. Проблема усугубляется еще и тем, что в рамках указанных дисциплин сформировались принципиально различные подходы к исследованию.

В политологии главенствует цивилизационный подход, базирующийся на принципах культурного плюрализма, соответственно, недопустимости оценочных — позитивных или негативных — суждений относительно той или иной политической культуры.

В правоведении пролонгируется эволюционистский (формационный) подход, основу которого составляют принципы культурного монизма, допускающие оценочные суждения относительно правовой культуры общества. Например, классическим для правоведения является определение правовой культуры как «качества» правовой жизни, критерием которого выступает степень соответствия той или иной правовой культуры некоему культурному образцу, например европейской правовой культуре. Такого рода позиция, разделяющая культуру



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

туры на «отсталые и продвинутые», «зрелые и незрелые», «высокие и низкие» быть может, продуктивная в воспитательном и просветительском планах, контрпродуктивна в плане исследовательском — определение неевропейских, нелиберальных правовых культур как некоего нуждающегося в обработке материала, «культурного сырца» отнюдь не способствует пониманию этих культур, а, следовательно, моделированию путей их саморазвития.

Итак, в современной науке актуальной является идея междисциплинарного синтеза, направленного, во-первых, на конструирование сложного стереоскопического объекта исследования, каким является политико-правовая культура общества; во-вторых, на формирование методологического синтеза, соединяющего элементы цивилизационного и эволюционного подходов.

Как представляется, такой обобщающей, синтезирующей различные подходы и исследовательские процедуры методологией является методология идеального типизирования. Она дает возможность, с одной стороны, увидеть специфические особенности той или иной политико-правовой культуры, с другой стороны, не потерять из поля зрения то общее, что роднит эту культуру с другими — однотипными культурами, соответственно, иметь представление о возможных путях ее развития. Не случайно, создатель методологии идеального типизирования М. Вебер рассматривал идеально-типические понятия как фундамент методологии наук о культуре, как инструменты изучения конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, причинной обусловленности и значении<sup>1</sup>.

Для построения типологии политико-правовой культуры необходимо некоторое смысловое основание. Культура формируется в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Отношение к миру — своеобразная проекция тех критериев, которые применяются в межличностном общении. Можно выделить три основных модальности осмысления окружающего мира: «мир-условие», «мир-средство» и «мир — цель»; соответственно, три типа политико-правовой культуры — традиционный, утилитарный, креативный. Посредством отнесения к данным идеальным типам можно эксплицировать ценностно-смысловое содержание политико-правовой культуры, а также выявить механизмы ее динамики.

## Политико-правовая культура традиционного типа

Традиционная политико-правовая культура формируется на основании восприятия мира как условия — установленного вне участия человека всеобъемлющего порядка, который следует принимать, которому следует подчиняться. Традиционная культура, по сути своей, бессубъективна, это культура не автора, но авторитета. Человек традиционной культуры — индивид, экземпляр человеческого рода, ощущающий себя частью, слитой с целым — тем или иным социальным слоем, общностью. Государство и власть рассматриваются в такой перспективе как внешние по отношению к человеку, высшие силы. В понимании источников и сущности государственной власти политико-правовой традиционализм исходит из мировоззрен-

ческих принципов «космоцентризма» или «геоцентризма». Соответственно, он неразрывно связан, спаян с мифологией и религией.

Мифологическое истолкование государственной власти присуще политико-правовой культуре Древних восточных цивилизаций, в смысловом пространстве которой земной порядок — микрокосм — рассматривался как отражение космического порядка — макрокосма. Эти представления, в той или иной мере, отражены в Законах Хаммурапи, Законах Ману, Дасоизме, Зороастризме.

Религиозное видение государственной власти свойственно политико-правовой культуре западноевропейского Средневековья. Известную библейскую формулу — «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» — средневековые богословы превратили не только в непререкаемую догму феодального строя, но и в важнейшую составляющую массовой ментальности. Представления о божественной природе государства и власти присуще русской средневековой политико-правовой культуре, ключевой семантемой которой являлась доктрина религиозного провиденциализма, позиционирующая правителя как проводника божьей воли на земле. Таковы воззрения, например, старца псковского Елизарова монастыря Филофея, полагающего, что государственная власть установлена Богом, царь — наместник Бога на земле и его слуга: «сердце царево в руке божьей»<sup>2</sup>. Религиозная трактовка государственной власти находит воплощение в идее боговластия или теократии как идеальной системы правления, базирующейся на убеждении, что важные общественные дела решаются по божественным законам, откровениям.

В семантическом пространстве традиционализма отношение к политическому лидеру осмыслились как отношение безоговорочного повиновения и рабской покорности. Однако это не исключало возможности ревизии деятельности правителя на предмет ее соответствия должному — идеалу. В случае несоответствия должного и сущего отношения безоговорочного повиновения инверсионным образом сменялись отношениями неповиновения, бунтарского сопротивления. Таким способом стратегия конформизма — пассивно-приспособительного поведения подданных — могла на определенное время вытесняться стратегией радикализма — активно-протестного их поведения.

Важнейшей смысловой оппозицией традиционализма является оппозиция «этатизм — анархизм». Исходно традиционализм тяготеет к этатизму — абсолютизации государства, как воплощению божественной власти и порядка. Однако в традиционализме достаточно выражена и антигосударственная тенденция, связанная не столько с отрицанием государственной власти как таковой, сколько с отторжением «неправильной», «ненастоящей», «ложной», отождествляемой с демоническими силами, власти. Разъяснение причин столь неоднозначного понимания власти можно обнаружить, например, у И. Волоцкого, который утверждал, что власть от Бога, но носитель светской власти — царь, а он хотя и «божий слуга», но имеет природу человека и потому подвержен человеческим порокам. Следо-

<sup>1</sup> См.: Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980.

<sup>2</sup> Послания Филофея. Послание к великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде/ПЛДР, конец XV — начало XVI вв. М., 1984. С 441.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

## | Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

вательно, царская воля может быть ошибочной и потому царь может быть уже не божий человек, а Дьявол<sup>3</sup>.

Связи управляющих и управляемых в традиционной политико-правовой культуре вписываются в смысловую структуру патернализма, в рамках которой патриархальная семья осмысливалась как начальная ячейка государства и его идеальный образец. Б. Н. Миронов рассматривает патриархальную семью как «маленькое абсолютистское государство», взращивающее авторитарные личности<sup>4</sup>. Патернализм неотделим от авторитаризма, а последний являет собой противоположность демократии. В сущности, традиционная политико-правовая культура недемократична. Возможно, это положение кажется малоубедительным, т. к. считается, что демократические формы организации общества уходят корнями в прошлое — родовой строй. Однако родоплеменная демократия несет в себе огромный потенциал авторитаризма хотя бы потому, что в своей основе она имеет принцип подчинения авторитету традиции, следовательно, исключает саму возможность народовластия, т. е. согласования интересов, соперничества различных партий. Об этом пишет А. С. Ахиезер, анализируя такой институт древнерусской культуры как вече: «Вечевой идеал не следует рассматривать как синоним современных форм демократии с присущим ей плюрализмом и высокой ценностью личности... вечевой идеал постоянно и повседневно несет в себе авторитаризм... На вечевой сходке... участвовали лишь главы семей, домохозяев, первые лица локальных миров. Младшие члены семейств, работники, сброд (бездомные) в вече не участвовали. Вече было полем столкновения монологов, соборением авторитарных глав локальных миров низшего уровня»<sup>5</sup>.

Являясь теократичной, патерналистской, авторитарной, традиционная политико-правовая культура выдвигает в качестве идеала организации государственной власти единовластие, единодержавие, монархию. Именно монархия отвечает мифологической — космоцентрической и религиозной — теоцентрической картинам мира, где в центре Вселенной располагаются некое космическое первоначало, бог.

Право в традиционной политико-правовой культуре выводится из космического или божественного источника. Оно осмысливается как ниспосланный человеку свыше божественный или космический закон. Именно так обосновано право в древнейших памятниках политико-правовой мысли — Законах Хаммурапи, законах Ману, а также древнейшем русском законодательном сборнике — Русской Правде, где право получает статус высшей космической силы — Правды<sup>6</sup>. В семантическом контексте традиционализма право осмысливается скорее как нравственный, а не юридический феномен. Такая интерпретация права опирается на противопоставление аутентичного, заданного космосом или богом закона и закона неаутентичного, созданного человеком. Первый ассоциируется с правом

обычным, второй — с правом юридическим. Традиционализм отличается последовательным антиюридизмом в понимании права, а также антиправовым морализмом, в русле которого юридическое право рассматривается как «низший предел или определенный минимум нравственности»<sup>7</sup>.

Правовой нигилизм — свойство традиционной политико-правовой культуры. Как правило, он активизируется в результате столкновения с иной — нетрадиционной политико-правовой культурой. Отстаивая принцип антиправового морализма, традиционализм отвергает позитивный закон как явление неподлинное, искусственное. В российской традиционной политико-правовой культуре правовой нигилизм формируется вследствие неприятия европейских правовых норм. Например, И. В. Киреевский утверждал, что «римско-западная юриспруденция отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: *Форма — это самый закон*, и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась из целого и все вместе составляло не только разумное дело, но *самый написанный разум*, — право обычное, напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического. Закон в России не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами, не обсуживался глубокомысленно и красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании и не падал потом как снег на голову посреди всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь уже заведенный порядок отношений. Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, возшел в народные нравы и народный быт. Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях, где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять *мнение* всех или некоторых. Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма»<sup>8</sup>.

Традиционной политико-правовой культуре присуще неверие в юридический закон как действенное средство урегулирования общественных отношений. Нигилистическое отношение русского народа к праводействительности проявляется в его пословицах и поговорках: «Все бы законы потонули да и судей бы перетопили», «Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит», «Перед судом все равны: все без окупа виноваты»<sup>9</sup>.

Важнейшим смысловым элементом политико-правовой культуры традиционализма является представление о главенстве государства над позитивным законом, о зависимости тако-го рода закона от правителя. Таким образом осуществляется санкционирование неограниченной власти правителя, тирании.

<sup>3</sup> См.: Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества / ТОДРЛ, XII. М. — Л., 1956.

<sup>4</sup> Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 241.

<sup>5</sup> Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 88.

<sup>6</sup> См.: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. М., 1994. С. 328.

<sup>7</sup> Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 328.

<sup>8</sup> Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.

<sup>9</sup> См.: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля. — М., 1987.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

## | Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

Ценность свободы не является для традиционной политико-правовой культуры достаточно значимой, что продиктовано присущим этой культуре антииндивидуализмом, антилиберализмом, антидемократизмом. Традиционалистская максима «то, что не разрешено — запрещено» жестко очерчивает деятельность человека набором фиксированных поведенческих норм. Неотделимый от фатализма, провиденциализма традиционализм исключает саму вероятность актуализации ценности свободы. Эта ценность подменяется в традиционализме ценностью воли, т. е. полной независимости, связанной, как правило, со стихийным протестом против «неправильного правления», «ненастоящей власти». Представления о воле, таким образом, неотделимы от представлений об анархии и разбое.

Справедливость также понимается особым образом. В рамках традиционализма утверждается в качестве значимой ценности распределительная справедливость, т. е. справедливость с учетом достоинства лиц, с учетом их сословной принадлежности. Такое понимание справедливости обусловлено, прежде всего, той социальной структурой, которую образует традиционная политико-правовая культура. Традиционное общество — общество сословно-иерархическое, внутри которого человек осознает себя не личностью, а индивидом, привязанным к той или иной социальной ячейке. Поэтому для людей традиционного общества чужды идеалы изначального равенства и неотъемлемых прав человека. Не общечеловеческие, но корпоративные ценности и нормы составляют семантический каркас традиционализма. Примером такого понимания справедливости является русская средневековая политико-правовая культура, характерными элементами которой были «чинность» и «урядство»: т. е. необходимость знать свой «чин» и свое место в общем «ряду», т. е. социальном слое общества. Соответственно, традиционная политико-правовая культура конституирует закрытое общество, охраняющее свои стандарты и нормы от влияния других культур, противостоящее процессам модернизации.

## Политико-правовая культура утилитарного типа

Утилитарная политико-правовая культура формируется на основании восприятия мира как средства существования человека и общества. Критерием оценки всех явлений в рамках утилитаризма выступает их полезность, возможность быть средством жизнедеятельности человека и общества. В русле утилитарного, объектно-вещного восприятия реальности происходит преодоление свойственной традиционной культуре бессубъективности, кристаллизация субъект-объектного отношения человека к окружающему миру, осмысление отделенности своего Я от природного и социального мира, осознания индивидами и социальными группами своих интересов, необходимости их согласования. Прimitивный утилитаризм выдвигает принцип иерархии интересов, развитой — принцип их баланса.

В утилитаристской трактовке государство позиционируется как средство организации жизнедеятельности общества, как бюрократический механизм, создающий условия комфортного сосуществования людей. Главными задачами качественно устроенной и исправно функционирующей государственности

являются: защита собственности, содействие росту благосостояния людей, максимизация всеобщей пользы путем установления баланса индивидуальных и общественных интересов. Инструментально-функциональное понимание источников и сущности государственной власти и права базируется на принципах «социоцентризма» и «антропоцентризма», утверждающих идею народного суверенитета, определяющую народ как создателя и конечного обладателя всякой власти, а человека — как творца закона.

Утилитаристское понимание государства, власти, права находит обоснование в просветительской концепции общественного договора. Эта концепция, без преувеличения, может быть названа утилитаристской теорией государства и права. Ее разработчики: Т. Гоббс, Д. Локк, Ж. Ж. Руссо, А. Н. Радищев и др., объясняли происхождение общественного договора утилитарно — функционально-рассудочно. Они считали, что общественный договор обусловлен стремлением к «миру», «благополучию», «сохранению собственности», «защите интересов», «удобству», «безопасности», «спокойной и приятной жизни», «взаимной выгоде», «общей пользе».

Утверждение принципов социоцентризма и антропоцентризма в политико-правовой культуре утилитаризма влечет такое ее свойство как религиозный индифферентизм. Важнейший показатель становления утилитарной политико-правовой культуры общества — секуляризация государства и права, превращение религии в факультативную сферу жизни общества. Теоретическое обоснование сущности и источников государственной власти и права осуществляется уже не в рамках религиозных доктрин, но в рамках социальной науки и философии. Политология и юриспруденция как науки о политической и правовой сферах жизни общества возникают во многом благодаря становлению утилитарной политико-правовой культуры, которая нуждается в немифологических и нерелигиозных, но рационально-научных объяснительных конструкциях.

Однако будучи воплощением релятивизма, утилитаризм способен использовать ценностно-смысловые элементы традиционализма, в частности, главная утилитарная идея всеобщего благосостояния и счастья может отливаться в мифологические и религиозные формы, таким образом возникает псевдорелигия и псевдомифология. Можно предположить, что политический миф — продукт утилитарной политико-правовой культуры, поскольку, если традиционализм спаян с мифологией, включен в сложившиеся мифологические смысловые конструкции, то утилитаризм, обретая свободу от этих конструкций, сам становится полем мифотворчества. Однако утилитаристский политический миф лишь условно можно назвать мифом, поскольку он выступает не как цель — высшая ценность, но как средство. Зачастую являясь продуктом деятельности политических идеологов, он служит орудием в конкретной политической борьбе, средством манипуляции массовым сознанием.

Осуществляемая под давлением утилитарных интенций секуляризация политико-правовой культуры, влечет появление такого важнейшего феномена политико-правовой сферы жизни общества как политическая идеология. Разумеется, идеологические семантические конструкции присутствовали и в традиционной политико-правовой культуре, однако там они были синкретически слиты с религией и мифологией. Вы-



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

деление политической идеологии как средства идейного обеспечения групповых интересов, осуществляется изначально под влиянием утилитарных представлений. Вместе с тем, утилитаризм в идеологическом плане неоднороден, присущее ему внутреннее смысловое разнообразие (умеренный и развитой утилитаризм), а также свойственный ему релятивизм открывают возможности конструирования различного рода идеологических построений как собственно утилитаристского (либерализм, коммунизм, социализм, социал-демократизм), так и смешанного утилитарно-традиционалистского (консерватизм, фашизм, неофашизм) типа.

В русле развитого утилитаризма осуществляется десакрализация института политического лидерства, складывается восприятие политического лидера как менеджера — управленца, актуализируется представление об ответственности правителя перед народом. Важнейшей семантической составляющей утилитарной политико-правовой культуры является «дух бюрократизма» — стиль руководства, основу которого составляет безличное рациональное администрирование, подчиненное системе обязательных формальных правил и инструкций. Однако «дух бюрократизма» — атрибут развитого утилитаризма, ориентирующего на поиск наиболее эффективных способов социально-политической организации и управления; примитивный утилитаризм, ориентирующий на сиюминутную выгоду, порождает потребительское отношение к политико-правовым институтам, одним из следствий которого становится коррупционность госслужащих.

Утилитаризму в целом не свойственен пассивно-приспособительный соглашательский — конформистский — тип поведения в социальной жизни и политике. Ему присущ активизм и радикализм — нацеленность на реорганизацию политико-правовых институтов или политической системы в целом. Как представляется, сама мысль о возможности такой реорганизации возникает вследствие отношения к государству, власти, законам как творению человеческого, призванному служить благу народа. Однако умеренный и развитой утилитаризм продуцируют различные формы радикализма.

Нацеливающий не столько на производство благ, сколько на их перераспределение умеренный утилитаризм выдвигает стратегию коренного насильственного переворота, приводящего к революционному слоому существующих в обществе отношений собственности. Развитой утилитаризм в большей мере направлен на реформизм, ему присуща тактика преобразования политико-правовых институтов, без уничтожения существующей политической системы.

Аналогично традиционной, утилитарная политико-правовая культура включает в свое ценностно-смысловое пространство оппозицию «этатизм — анархизм». Однако если традиционализм в большей мере склоняется к этатизму, то утилитаризм, в его примитивных формах, тяготеет к анархизму, связанному с осмыслением государства как бесполезного или вредоносного явления. Идея немедленного и полного уничтожения государства и всех его институтов порождена примитивным утилитаризмом, который ориентирует не на созидание новых более эффективных социальных и политических технологий, в том числе и технологий власти, но на уничтожение существующих. Развитой утилитаризм не исключает возможности критики не-

соответствующей интересам граждан политики государства, но ориентирует на средства воздействия предусмотренные законом — пикеты, митинги, демонстрации.

Утилитаризм, подобно ржавчине, разъедает отношения патернализма. Активизация утилитарного принципа пользы, выдвигание на первый план индивидуального интереса влечет девальвацию ценности патриархальной семьи с присущей ей иерархической структурой. Отношения управляющих и управляемых в ценностно-смысловом пространстве развитого утилитаризма укладываются в смысловой паттерн либерализма. Вместе с тем утилитаристский либерализм — специфическая форма либерализма, обосновывающая себя посредством понятий «интерес», «польза». Основу утилитаристского либерализма, который в литературе иногда именуется либертариизмом<sup>10</sup>, составляет идея защиты интересов личности — частной собственности, свободы предпринимательства и т. д.

Помимо либерализма в рамках утилитаризма возможен и иной — коммунитаристский, нацеливающий на защиту общественного интереса, и, соответственно, позиционирующий управляющих как выразителей общественного интереса, смысловой паттерн отношений управляющих и управляемых.

Стрежневая политико-правовая ценность утилитаризма — ценность демократизма. Вместе с тем утилитарная демократия — демократия формальная. По определению И. А. Ильина, таковая основывается на молчаливом политическом догмате: все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть, ради собственных интересов, прикрываемых общесоюзной пользой<sup>11</sup>.

Утилитарная демократия вызывает к жизни такой ценностно-смысловой и социально-политический феномен как партизм. Развитие партизма связано, главным образом, с утилитарным осмыслением политико-правовой жизни общества как арены столкновения и согласования различных интересов. Соответственно, утилитарная политико-правовая культура утверждает в качестве идеала организации государственной власти народовластие, республику. Именно республика отвечает социцентрической, антропоцентрической картине мира.

Право в утилитарной политико-правовой культуре осмысляется как исторически изменчивый продукт рациональной мыслительной деятельности человека, общества. У истоков права, в утилитарном видении, стоит требование человеческой пользы — титул закона имеет лишь тот акт, который указывает человеку поведение, соответствующее его собственным интересам и служащее общему благу. Следовательно, утилитарная политико-правовая культура наряду с политическим либерализмом утверждает либерализм правовой. Идея правового либерализма в пространстве утилитарной культуры сопрягается с идеей первичности права относительно государства, т. е. идеей правового государства.

Одним из неотъемлемых свойств утилитаристской политико-правовой культуры является правовой идеализм, абсолюти-

<sup>10</sup> См.: Hospers, J. The Libertarian Manifesto / Justice. Alternative Political Perspectives. 3-d Ed. /Ed. by Sterba, J. Belmont etc. -Wadsworth Publishing Company, 1990.

<sup>11</sup> Ильин И. А. О формальной демократии. / Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. М., 1993.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

## | Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

зирующий юридический закон как единственно эффективный способ регуляции социальных отношений. Правовой идеализм складывается вследствие сомнения по поводу эффективности традиционных нравственных законов — обычного права. Утилитаризм характеризуется последовательным юридизмом в понимании права, последний может перерастать в панюридизм — представление о неадекватности моральных законов и необходимости тотального регулирования общественных отношений юридическими законами.

Политико-правовая культура утилитаризма является тем смысловым фундаментом, на основании которого конституируется ценность свободы. Вместе с тем, в контексте утилитарного мировосприятия свобода интерпретируется особым образом — как политико-правовая автономия гражданина. Иначе говоря, свобода постулируется отрицательно как «свобода от», что, тем не менее, не ведет к утверждению вседозволенности. Свобода в утилитаристском восприятии достигается посредством установления правового порядка, который ее гарантирует. Таким образом представления о свободе сопрягаются с представлением о праве по принципу: «Там, где нет законов, там нет и свободы». Свобода осмысливается не столько как полная независимость, сколько как мера независимости субъекта от внешнего воздействия, возможность поступать по принципу: «то, что не запрещено — разрешено».

Кардинально отличается от традиционалистского утилитаристское понимание справедливости. Политико-правовой утилитаризм отстаивает позицию эгалитаризма — уравнилельной справедливости, в рамках которой правовые нормы едины для разных социальных слоев. Справедливость осмысливается, в первую очередь, как законность, как равенство всех перед законом. Такое понимание справедливости обусловлено, прежде всего, той социальной структурой, которую образует утилитарная политико-правовая культура. Речь идет о гражданском обществе, не приемлющем сословную иерархию и базирующемся на идеалах изначального равенства граждан, т. е. обществе, в котором человек осознает себя, в первую очередь, гражданином, обладающим неотъемлемыми правами человека. Гражданское общество — общество открытое для инноваций, влияния других культур, включенное в процессы модернизации.

### Политико-правовая культура креативного типа

Креативный тип политико-правовой культуры формируется на основе восприятия мира как высшей ценности и цели существования человека. Мировоззренческую основу для такого рода отношения к миру задает концепция ноосферы, в рамках которой человеческий разум выступает как созидательная, изменяющая облик нашей планеты и ближайшего космоса сила, которая призвана реконструировать биосферу в интересах мыслящего большинства<sup>12</sup>. Критерием оценки политико-правовых явлений становится их соответствие поставленным творческим задачам. Носитель креативной культуры — личность, бытие которой осуществляется в пространстве между индивидуализмом и коллективизмом. Государство, право в креативном смысловом контексте предстают, во-первых, как порождение

творческой деятельности людей; во-вторых, как институты, охраняющие и создающие благоприятные условия для этой деятельности<sup>13</sup>. Креативная политико-правовая культура в понимании сущности и источников государственной власти и права, «снимающая» позиции теоцентризма и космоцентризма, социоцентризма и антропоцентризма утверждает мировоззренческий принцип диалогизма, согласно которому смыслообразующим ядром и конституирующим основанием политико-правовой сферы жизни общества является диалог — межличностная коммуникация. К. Ясперс называет такого рода коммуникацию «экзистенциальной коммуникацией». Экзистенциальная коммуникация, в его понимании, есть коммуникация целого организма и отдельного его члена, который отличается от всех остальных, но составляет с ними одно в объемлющем их порядке; она является внутренней, свободно избранной связью людей, в которой они открываются друг другу как самоценные и неповторимые личности<sup>14</sup>. Креативистское понимание государства и права значительно шире утилитаристского контрактивизма — источники и сущность государства и права обосновываются не утилитаристски — функционально и рассудочно, но креативистски — ценностно и разумно. Различие утилитаризма и креативизма можно определить посредством апелляции к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, который различает инструментальное ориентировано на успех действие и действие коммуникативное, направленное на взаимодействие индивидов, их консенсус. В его представлении коммуникативное действие служит взаимопониманию и солидарности<sup>15</sup>. В таком прочтении государство предстает как союз свободных людей, объединенных не столько соображениями индивидуальной и совместной пользы, сколько идеями сотрудничества, содействия, синергии. Таким образом, вектор понимания сущности и источников государства перемещается из модуса «обладания» в модус «бытия», соответственно, из области потребления в область созидания. Утилитаристское понимание государства как органа согласования интересов, вытесняется креативистским его толкованием как продукта и органа солидарности его граждан, как явления порожденного самоорганизацией общества. Если очистить понятие «солидаризм» от накопленных негативных коннотаций, то его можно использовать для определения политико-правовой стратегии креативизма, снимающей противостояние либертаризма и коммуитаризма, индивидуализма и коллективизма.

Креативная политико-правовая культура закладывает основания нового понимания политического лидерства — на смену утилитаристскому менеджеру и бюрократу приходит профессионал, создатель новых политико-правовых технологий, воспринимающий управление как специализированное административное искусство. Например, А. Тоффлер полагает, что мы являемся свидетелями краха бюрократии и наступления новой «кинетической», т. е. непрерывно развивающейся организационной системы — спецнократии. Ученый фиксирует такую особенность современной организации как переход от иерархического вертикального устройства к новой горизонтальной

<sup>12</sup> См.: Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1990

<sup>13</sup> См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

<sup>14</sup> Jaspers K. Vernunft und Existenz. Groningen, 1935.

<sup>15</sup> Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Ffm., 1981. Bd. 1.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

## | Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

коммуникационной системе — «ассоциации», которая предполагает скорее сотрудничество, нежели подчинение<sup>16</sup>.

В рамках креативизма формируется новое понимание либерализма — последний репрезентируется посредством обращения к идее презумпции свободы личности, которая рассматривается как стартовое условие ее саморазвития. Креативистский либерализм нацеливает на создание системы политико-правовых институтов, обеспечивающих оптимальные возможности самореализации личности.

В лоне креативизма рождается новое понимание демократизма — как творческой демократии. Понятие «творческая демократия» вводит И. А. Ильин, интерпретирующий его как «искусство свободы». Основными предпосылками творческой демократии по Ильину являются: наличие ценности свободы, высокого уровня правосознания, хозяйственной самостоятельности, определенного уровня образования и осведомленности, политического опыта, наконец, личностных качеств — преданности родине, неподкупности, ответственности, гражданского мужества<sup>17</sup>. Ю. Хабермас развивает идею делиберативной демократии (от *deliberation* — обсуждение), опирающуюся «на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы совместной жизни»<sup>18</sup>.

В ценностно-смысловом пространстве креативизма «снимается» оппозиция «конформизм — радикализм», формируется представление о развитии как самоорганизации. Самоорганизация понимаемая не как однократная акция, но как длительный процесс развития выступает как альтернатива скачкообразному сценарию радикализма и статике конформизма.

Аналогичным образом в креативизме «снимается» смысловая оппозиция «этатизм — анархизм», государство позиционируется как одновременно объект и субъект самоорганизации общества: с одной стороны, задача государства — выявление возможных сценариев развития общества; с другой стороны, его главное назначение — формирование условий для осуществления наиболее перспективного из них. Креативный стиль руководства заключается не в том, чтобы навязывать обществу некие заимствованные или искусственно сконструированные стратегии развития, но в том, чтобы нацеливать социум на наиболее эффективные стратегии, произрастающие из его глубин.

Аналогично государственной власти право в креативной политико-правовой культуре понимается как продукт диалогизма, как «символ солидарности» (Л. Дюги). Креативизм откачивается как от абсолютизации права (панюридизм), так и от его элиминации — замены права моралью (правовой нигилизм). В пространстве креативной культуры утверждается значимость, как нравственных законов — морали, так и юридических законов — права. Более того, креативизм устанавливает тесную взаимосвязь, взаимозависимость, взаимодействие морали и права. Это достигается в результате нового понимания права, как развивающегося, процессуального — «живого пра-

ва» (Е. Эрлих). Креативистское понимание права кристаллизуется в рамках современного правоведения, в частности, целому ряду направлений правовой мысли — социологической школе права, реалистической школе права, юридической синергетике, юридическому постмодернизму присуще стремление расширить творческую установку не только на правотворческую, но и на правоприменительную деятельность<sup>19</sup>.

В политико-правовой культуре креативизма переосмысливается ценность свободы — свобода позиционируется положительно как «свобода для», как стартовое условие творчества. Подобно утилитаризму креативизм предполагает установление правового порядка, гарантирующего свободу граждан. Однако на смену утилитаристскому пониманию свободы как отсутствия внешних ограничений, приходит креативистское понимание свободы как наличия внутренних потенциалов к творчеству, созиданию. При этом раскрепощение связывается, в том числе, и с преодолением догматизма в понимании права, как творческое отношение к праву, в рамках которого формируется понятие «креативное правосудие»<sup>20</sup>.

Справедливость, в креативистском видении, определяется не только посредством утверждения формального правового равенства, но и посредством утверждения некоторых содержательных требований, в частности требования равного уважения к достоинству любого человека. Таким образом, правовой эгалитаризм подкрепляется моральным эгалитаризмом, который интерпретируется как отношения взаимного признания. Хабермас следующим образом определяет это обстоятельство: «"Моральными" я хотел назвать все те интуиции, которые информируют нас о том, как мы должны себя вести наилучшим образом, чтобы благодаря щадящему поведению и предупредительности предотвратить крайнюю ранимость личности. С антропологической точки зрения мораль может быть понята как охранное учреждение, которое компенсирует встроенную в социокультурные жизненные формы ранимость»<sup>21</sup>.

Социальной объективацией креативизма является коммуникативное общество, членом которого является не просто гражданин, но «ассоциативный человек» (Тоффлер), нацеленный на создание различного рода творческих, профессиональных союзов. Такое общество рождается в результате перехода от утилитаристской — производительной парадигмы к креативистской — солидаристской, от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Основу коммуникативного общества составляет «гражданская креативность» — процесс творческого решения проблем, направленный на совершенствование жизни<sup>22</sup>. Коммуникативное креативное общество, по определению открытое саморазвивающееся общество.

\*\*\*

Итак, идеальная типологическая триада — традиционализм утилитаризм креативизм — может быть представлена

<sup>16</sup> Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

<sup>17</sup> Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии / Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. М., 1992.

<sup>18</sup> См.: Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 194.

<sup>19</sup> См. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки. Тюмень, 2012.

<sup>20</sup> Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. - Ростов на Дону, 2001.

<sup>21</sup> Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a/M., 1991. S. 260.

<sup>22</sup> Лэндри Ч. Креативный город. М., 2011.



ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

как методологическая конструкция, сопоставление которой с эмпирической реальностью открывает возможность выявления значения тех или иных явлений культуры, установления причинных связей между ними. Назначение названных идеальных типов заключается в том, чтобы внести порядок в хаос тех фактов, которые исследователь включает в круг своих интересов. Эти типы обладают ценностью наглядного изображения изучаемых явлений, связей и процессов. Вместе с тем, идеальные типы нельзя онтологизировать, в реальности в стерильном виде они практически не встречаются, любая исторически сложившаяся политико-правовая культура являет собой некий микст традиционализма, утилитаризма, креативизма. Однако можно говорить о некоторой иерархии этих идеальных типов политико-правовой культуры применительно к той или иной форме социально-экономического бытия. Ценностно-смысловые установки традиционализма занимают лидирующие позиции в политико-правовой сфере жизни традиционного аграрного общества. Утилитарные ценностно-смысловые интенции главенствуют в политико-правовой сфере общества индустриального. Наконец, креативные ценностно-смысловые мотивации первенствуют в политико-правовой сфере жизни общества постиндустриального.

Механизмы развития политико-правовой культуры общества достаточно сложны. С одной стороны, политико-правовая культура развивается вместе с обществом, в контексте социально-экономических изменений. С другой стороны, едва ли в развитии можно рассматривать исключительно как результат подталкивающего влияния социально-экономических процессов. Развитие политико-правовой культуры есть также разворачивание некоей внутренней логики ее бытия. Такого рода логика может быть эксплицирована посредством диалектической схемы: тезис — антитезис — синтез. Соответственно, утилитаризм являет собой ценностно-смысловую конструкцию контрарную традиционной, а креативизм рождается в результате преодоления противостояния традиционализма и утилитаризма.

Если говорить о политико-правовой культуре современной России, то она являет собой микст, в котором в равной степени представлены традиционные и утилитарные (по преимуществу умеренно-утилитарные) ценностно-смысловые установки, при этом креативные ценности и смыслы представлены незначительно. Таким образом, особенностью российской политико-правовой культуры, как и русской культуры в целом является ее «противоречивость», «антиномичность» (Бердяев). О противоречивом состоянии общественного сознания современных

россиян пишет Г. Л. Тульчинский, который утверждает, что российское общественное сознание «тяготеет к платонистскому универсализму с его раздвоением мира на мир реальный и трансцендентный...»<sup>23</sup>. В политико-правовой культуре современной России бытуют полярно противоположные ценностно-смысловые установки: радикализм и конформизм, демократизм и авторитаризм, патернализм и либертаризм, правовой нигилизм и правовой идеализм и т. д. Что собственно и создает эффект «застрявшей цивилизации» (Ахиезер). Суть этого «застревания» заключается в неспособности общества преодолеть сложившиеся противоречивые представления и выйти к новому уровню развития, к креативной культуре. Важнейшей причиной этой неспособности является специфика российской модернизации, которая носила «догоняющий» характер — утилитарная политико-правовая культура насаждалась в России «декретом сверху», в результате традиционная почвенная культурная среда сформировала стойкий антиутилитарный иммунитет, который не утратил своей силы и до настоящего времени. Конечно, жизнь берет свое, и утилитаризм чем дальше, тем больше прорастает и на российской почве, однако и традиционализм не сдает своих позиций. Существуют ли пути выхода из сложившейся ситуации? Очевидно, существуют, однако необходимо понимать, что невозможно навязать обществу некую «прогрессивную» политико-правовую культуру, необходимо создавать условия, которые будут способствовать саморазвитию политико-правовой культуры. Каковы эти условия? Вопреки общим представлениям, согласно которым главным условием развития политико-правовой культуры является насаждение принципа индивидуализма — хозяйственного, нравственного, социального, необходимо констатировать, что главным таким условием является культивирование принципа баланса интересов — частного, общественного, государственного. Утилитаризм как политико-правовая культура возможен там, где существует возможность и необходимость согласования интересов, следовательно, где национальный интерес определяет посредством принципа гармонии интересов — частного, общего, государственного. В России в прошлом и настоящем национальный интерес редуцировался либо к государственному интересу, либо к интересам тех или иных социальных страт, что, в конечном счете, и замораживало развитие политико-правовой культуры ее граждан.

<sup>23</sup> Тульчинский Г. Л. Культура в шопе. / Нева, 2007, № 2. С. 128–149. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x3156.htm>



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA,  
ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK*Россия, Санкт-Петербург.  
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.  
Магистрантка 2 курса по направлению: «Политические институты и инновации».  
Отделение прикладной политологии, факультет менеджмента.**Russia, St. Petersburg.  
National Research University — Higher School of Economics.  
Master's student, programme «Political Institutions and Innovation».  
Department of Political Science*[Sveta\\_sh@bk.ru](mailto:Sveta_sh@bk.ru)*Россия, Санкт-Петербург.  
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.  
Ст. научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ.  
Доцент кафедры прикладной политологии отделения прикладной политологии.**Russia, St. Petersburg.  
National Research University — Higher School of Economics.  
Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research.  
Assistant professor, Department of Political Science.*[ascherbak@hse.ru](mailto:ascherbak@hse.ru)

## ДОВЕРИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Исследование посвящено вопросу взаимосвязи между уровнем доверия в обществе и глобальной конкурентоспособностью. Для исследования использовались данные по 56 государствам, чьи экономики по версии The World Economic Forum к 2012 году либо уже перешли к инновационной экономике, (35 стран), либо находились на переходной стадии (21 страна). Исследовалась гипотеза о том, что именно в этих странах ощутима роль доверия, которое обеспечивает «разнообразие» культур, стилей жизни, людей с различным опытом, которые смешиваясь друг с другом «благоприятствуют новаторству, готовности идти на риск и созданию новых фирм» [Florida, 2005]. Для оценки уровня доверия в исследовании использовались два индекса — межличностного («наводящего мосты») и институционального доверия. Были построены и проанализированы восемь моделей множественной линейной регрессии с зависимой переменной «глобальная конкурентоспособность» и независимыми переменными «индексы доверия», «политический режим», «верховенство права». В качестве контрольной переменной использовался показатель объема ВВП на душу населения.

Результаты исследования демонстрируют, что влияние межличностного доверия («наводящего мосты») на глобальную конкурентоспособность наиболее ощутимо в странах с демократическим политическим режимом. Эффекты институционального доверия наиболее выпукло проявляются в странах, демонстрирующих верховенство права, даже в тех случаях, где режим не является демократическим (уверенность акторов в соблюдении правил, в том числе через принудительное осуществление договоренностей, прав собственности, развитие судебной

системы и пр.). Причем такие эффекты могут наблюдаться как в демократических, так и в авторитарных государствах.

**Ключевые слова:** доверие, глобальная конкурентоспособность, инновационная экономика, авторитарный режим, институты, сила слабых связей, экономика знаний

### Trust, Economical Development and Political Regime: Statistical Analysis of Connection

The paper focuses on the relationship between trust level and global competitiveness in the countries that have passed to the innovative economy. The author starts from the hypothesis that trust is the factor in the competitiveness increasing of the economies that have moved or are in the process of transition to the knowledge-based economy.

The theoretical part of the paper reflects the various approaches to evaluation of these factors. The authors provide rating, sources for statistical data search and evaluation analysis. The notion of trust is seen as interpersonal and institutional. Global competitiveness is considered as a complex indicator made of twelve items.

For the empirical part and study of the quality and intensity of the relationship 56 countries are selected according to the World Economic Forum data (2012). The selection principle is based on the country's



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

economic assessment. Then eight multiple linear regression models are built. The dependent variable is global competitiveness, and independent variables are trust indices, political regime, the rule of law (also introduced a control variable — GDP per capita).

In societies with high levels of interpersonal trust — «bridge building» that reduces transaction costs — innovations growth is faster. Additionally, openness of the economy in democracies stimulates the flow of ideas, talent and capital. The combination of all these factors and processes are affecting the growth of competitiveness.

The institutional trust also affects the global competitiveness of innovative economies, but in combination with others factors such as the rule of law. The rule of law ensures a stable position of business and investors,

encourages confidence in the existing institutions. In this case, the creation of new original products may not be the key priority, but there are necessary conditions for the scaling of existing technologies and products.

The authors point end up with some practical implications that could be useful for competitiveness growth in Russia. It is assumed that the role of the trust is really important on current development stage in Russia. Only the presence of trust could promote manufacturing growth and research co-operation development that open access to global markets.

**Key words:** *trust, global competitiveness, innovation economy, authoritarian regime, institutes, strength of weak ties, economy of knowledge*

## Введение

Социальное и экономическое развитие стран тесно взаимосвязано, а процесс глобализации все больше усиливает эту связь. При этом экономики находятся на разных этапах развития и опираются для повышения конкурентоспособности на различные факторы<sup>1</sup>: Например, развитость финансового сектора играет важную роль, пока экономика ориентирована на эффективность. На инновационной стадии компании все больше «конкурируют за счет новой и/или уникальной продукции, услуг, моделей или процессов»<sup>2</sup>. Здесь заметно возрастает значение доверия, которое обеспечивает «разнообразие» культур, стилей жизни, людей с различным опытом, которые смешиваясь друг с другом «благоприятствуют новаторству, готовности идти на риск и созданию новых фирм»<sup>3</sup>.

Исследование, представленное в статье, посвящено проблеме взаимосвязи между уровнем доверия и глобальной конкурентоспособностью. При этом под глобальной конкурентоспособностью понимается «набор институтов, политик и факторов»<sup>4</sup>, которые способны обеспечить устойчивый рост экономики на инновационно-ориентированном этапе ее развития. Для проведения эмпирического анализа использовались данные по 56 странам, которые по версии The World Economic Forum в 2012 году либо уже могли считаться инновационными экономиками (35 стран), либо находилась на переходной стадии (21 страна). Доверие рассматривается в двух формах как межличностное «наводящие мосты» и институциональное.

Статья состоит из четырех разделов, в которых последовательно представляются и анализируются эволюция теоретических подходов к изучению взаимосвязи уровня доверия и экономического развития; существующие зарубежные и

российские методики измерения уровня доверия; дизайн исследования с кратким описанием используемых показателей, в том числе индексов для измерения межличностного и институционального доверия; результаты апробации предложенного дизайна исследования на эмпирических данных: выводов и направлений дальнейшей работы.

## Доверие и экономическое развитие: эволюция теоретических подходов

Попытка связать уровень экономического развития общества с таким аспектом человеческого поведения как доверие, была сделана еще в работах А. Смита «Теория нравственных чувств» (1759 г.) и «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), где описывается не только теория обмена, но и мотивация, лежащая в его основе. «Если население какой-либо страны питает такое доверие к состоянию, честности и осторожности какого-нибудь банкира, что уверено в том, что он сможет в любой момент оплатить по требованию те его кредитные билеты, которые ему будут предъявлены, эти билеты приобретают такое же хождение, как и золотая и серебряная монета»<sup>5</sup>.

С начала XX века концепция влияния доверия на экономику начинает активно развиваться. В 1905 году выходит «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера. В этой работе, на примере протестантских сект в США объясняется, что религиозные ценности через установку «высокой планки ответственного поведения, далеко выходящую за рамки семьи», повышают уровень доверия внутри сообществ, тем самым расширяя радиус экономической кооперации»<sup>6</sup>.

В 1911 году выходит книга Й. Шумпетера «Теория экономического развития», в которой ключевым фактором экономического развития названо появление такого сообщества как предприниматели. Это «особый тип человека», обладающий такими качествами как «инициатива, авторитет, дар предвидения и т. п.», при этом мотивы предпринимателя основаны на рационализме совсем другого рода: «саморазвитие личности, успех, радость творчества, преодоление трудностей и т. п.»

<sup>1</sup> «Метод, который был бы оптимален для повышения конкурентоспособности в Камбодже, отличается от того, который будет лучшим для Франции». The Global Competitiveness Report 2012–2013 [Электронный ресурс]: World Economic Forum / URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2012-13.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf) (дата обращения: 07. 03. 2014). P. 8.

<sup>2</sup> Ibid. P. 23.

<sup>3</sup> Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». М.: Издательский дом «Классика — XXI», 2011. С. 254.

<sup>4</sup> The Global Competitiveness Report 2012–2013 [Электронный ресурс]: World Economic Forum / URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2012-13.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf) (дата обращения: 07. 03. 2014). P. 8.

<sup>5</sup> Smith, A. “An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations”. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 107.

<sup>6</sup> Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма». [Электронный ресурс] Библиотека Гумер / URL: [http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Veb\\_PrEt/](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Sociolog/Veb_PrEt/) (дата обращения: 05. 02. 2013) С. 57.



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

Именно появление данного типа людей связывается автором с таким понятием как «экономическое развитие». Оно представляет собой качественный переход экономики на новый уровень с появлением того, что не было известно до этого (новые комбинации производственных факторов), например, «приход железной дороги на смену почтовой карете»<sup>7</sup>.

На базе идей Й. Шумпетра через 25 лет после выхода его книги «Теория экономического развития» появляется теория нового институционализма, изучающая действия человека «в рамках ограничений, налагаемых реальными институтами». В статье Р. Коуза «Теория фирмы» (Nature of Firm, 1937 г.) впервые вводится термин «транзакционные издержки» и доказывается, что «фирма будет расширяться до тех пор, пока затраты на организацию одной дополнительной транзакции внутри фирмы не сравняются с затратами на осуществление той же транзакции через обмен на открытом рынке или затратами на организацию ее через другую фирму»<sup>8</sup>. Транзакционные издержки демонстрируют, что акторы, в том числе и государство, не обладают всей полной информацией для совершения экономических операций (обменов). Этот феномен подробно описан в работе Д. Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (Institutions, Institutional Change and Economic Performance, 1990 г.). Также в этой работе объясняется как такие «альтруистические аспекты человеческого поведения», как доверие или репутация могут сочетаться с «индивидуальной максимизацией личной выгоды» и «оказываются свойствами, наиболее эффективно ведущими к выживанию». Доверие рассматривается Д. Нортом как необходимый фактор, влияющий на повышение эффективности обменов между людьми и делающий возможным развитие экономики, для которой требуются такие институты как «развитый механизм контрактной дисциплины», «институт, предоставляющим индивидуам достаточную информацию для того, чтобы предотвращать нарушение условий контрактов»<sup>9</sup>.

Связь уровня доверия в обществе с возможностью эффективного функционирования демократических политических систем анализировали также Г. Алмонд и С. Верба в своей работе «Гражданская культура и стабильность демократии». Они считали, «что формальные структуры политической жизни» созданы для укрепления доверия. Если реакции политических структур на определенные типы поведения предсказуемы, то они «представляет собой не враждебную и внешнюю силу, а часть того же самого политического сообщества»<sup>10</sup>. Однако ассоциации, являющиеся основой демократии, являются также и основой фирм, обеспечивающих экономическое развитие. Этот новый феномен описывается в работе Р. Патнэма «Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии» (Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy, 1993 г.). На примере южной Италии, он отмечает, что наличие большого числа горизонтальных взаимосвязей внутри

региона (основанных на горизонтальном доверии) стимулирует экономический рост. Эта зависимость объясняется тем, что «бизнес-сети координируют свои действия с местными правительственными организациями в целях обеспечения занятости и процветания для всех и каждого» [Putnam, 1993]. Ключевым показателем горизонтального типа доверия по Р. Патнэму является численность членства в общественных организациях, под которыми он понимает иерархические бюрократизированные организации традиционного типа, например, Benevolent and Protective Order of Elks в США. Снижением количества участников в подобного рода ассоциациях Р. Патнэм объясняет упадок уровня доверия в США в своей работе «Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community» (2000г.).

Уже в 2005 г. в работе Р. Инглхарта и К. Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития» тезис об «упадке доверия» оспаривается. «Люди все чаще принимают участие в коллективных действиях объединений иного типа, где членство не регистрируется, поскольку речь идет о не имеющих четкой структуры, но разветвленных «сетевых» противозлитных общественных ассоциациях»<sup>11</sup>. Происходит вовсе не утрата доверия между членами общества, а изменяется формат доверия: от «скрепляющего» к «наводящему мосты». В инновационной экономике именно такой формат доверия положительно влияет на рост экономики. Этот тезис подтверждается исследованием Р. Кушинга,<sup>12</sup> в котором он использует методику измерения уровня доверия Р. Патнэма и два индекса: «Индекс инноваций» и «Индекс высоких технологий» для оценки ситуации в разных штатах США. Результат исследования демонстрирует негативную связь между ними, что во много объясняется сменой формата доверия при переходе к инновационной экономике.

Феномен преимущества «ослабленных связей»<sup>13</sup> над «скрепляющими» рассматривал в 1973 году М. Грановеттер в статье «Сила слабых связей», описывая процесс эффективного поиска работы через включение в различные типы сообществ. В этом случае «слабые связи» становились источником разнообразной информации, создавая ситуацию, при которой «распространяемый ресурс попадает к большему количеству людей и проходит более длинную социальную дистанцию»<sup>14</sup>. Р. Флорида считает эффективным применением феномена «силы слабых связей» и к решению таких проблем как «запуск новых видов продукции или организации предприятий»<sup>15</sup>.

Таким образом, феномен доверия не только изменялся на каждом этапе экономического развития, но и оказал на него все большее влияние, что представлено на рисунке 2 в эволюции теоретических подходов к данной взаимосвязи.

<sup>11</sup> Инглхарт Р., Вельцель К. «Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития». М.: Новое издательство, 2011. С. 177.

<sup>12</sup> Неопубликованное исследование Р. Кушинга приводится в работе Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», 2005 г.

<sup>13</sup> В данном исследовании доверие «наводящие мосты» и ослабленные связи употребляются как равнозначные понятия.

<sup>14</sup> Грановеттер М. «Сила слабых связей»/ Экономическая социология. 2009. Т. 10 №4. С. 37.

<sup>15</sup> Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». М.: Издательский дом «Классика — XXI», 2011. С. 304.

<sup>7</sup> Шумпетр Й. «Теория экономического развития». М.: Прогресс, 1982. С. 160.

<sup>8</sup> Coase R. "The Nature of the Firm" / *Economica*, April 1937. P. 386.

<sup>9</sup> Норт Д. «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 73.

<sup>10</sup> Алмонд Г., Верба С. «Гражданская культура и стабильность демократии» / «Полис» («Политические исследования»). 1992. №4. С. 12.



## Методики измерения уровня доверия

Сегодня в мире существует множество методик измерения институционального и межличностного доверия.

Самой известной из первой группы методик является индекс Edelman Trust Barometer<sup>16</sup>, который составляется крупной аудиторской компанией Edelman Berland<sup>17</sup> и охватывает 26 стран мира. В 2012 году индекс был построен на основании 20-минутных онлайн-интервью 25 тысяч человек, отобранных только по возрасту (старше 18 лет), и 5,6 тысяч человек, отобранных по таким критериям как уровень образования; доход; наличие заинтересованности в проблематике государственной политики, бизнеса и СМИ.

Строятся различные индексы, отображающие оценку гражданами текущей ситуации в экономике: индексы потребительских настроений (Consumer Sentiment Index, США; GfK Consumer Confidence, Великобритания, Германия; Consumer Confidence Index, Япония), индексы делового доверия (EMU Consumer Confidence, Евросоюз), индексы экономических ожиданий (Expectation Index, США), индекс доверия инвесторам (ежемесячный индекс Альфа-банка, РФ).

Еще одним способом измерения институционального доверия является оценка эффективности работы институтов через такие показатели как «отношение экономических субъектов к деньгам (особенно как к средству хранения богатства), уровень налоговой дисциплины, объем вывоза капитала»<sup>18</sup>. Эти характеристики представляются вполне валидными за исключением уровня налоговой дисциплины, не отражающего акт деятельности человека, связанной со свободой выбора. Налоги — это обязанность, закрепленная законодательно, поэтому вне зависимости от уровня доверия к власти, граждане вынуждены их платить. Доверие к институтам отражают только те показатели, которые демонстрируют добровольные поступки людей, не закрепленные формальными или неформальными правилами поведения.

Показателем институционального доверия могут служить и данные, касающиеся восприятия коррупции. В исследовании «Коррупция и доверие. Теоретические соображения на примере Мексики»<sup>19</sup> приводится следующая статистическая взаимосвязь: 10-% снижение индекса институционального доверия совпадает с 6-% увеличением индекса восприятия коррупции. В российском исследовании «Инновационная активность фирм, деловой климат и коррупция в странах с переходной экономикой: эмпирический анализ» отмечается «существование логической связи между контролем над коррупцией и институциональной средой, обеспечивающей «институциональное доверие» в обществе»<sup>20</sup>.

<sup>16</sup> Trust Barometer. Edelman Berland / URL: <http://trust.edelman.com/> (дата обращения: 27. 02. 2014)

<sup>17</sup> Edelman Berland — крупная аудиторская компания со штатом сотрудников 4500 человек, занимается исследованиями в сфере IT и био-технологий, рекламы и связей с общественностью.

<sup>18</sup> Вахина М. А. «Доверие к государству как фактор повышения его эффективности» / Журнал институциональных исследований. 2011. Том. 3. №. 3. [Электронный ресурс] / URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/25/1267243482/JIS-3.3-5.pdf> (05. 05. 2013) С. 64.

<sup>19</sup> Moris D. S., Klesner J. L. "Corruption and Trust: Theoretical Considerations and Evidence From Mexico" / Comparative Political Studies 2010. №43. 1272–1273pp.

<sup>20</sup> Долгопятова Т. Г. Баранов А. Ю. «Инновационная активность фирм, деловой климат и коррупция в странах с переходной экономикой:

Вторая группа методик, относящихся к оценке межличностного доверия, гораздо менее многогранна. Практически во всех международных исследованиях для оценки данного типа доверия используется метод опросов по следующим пунктам: «Можно ли доверять большинству людей?» и «Вы будете осторожны при общении с другими?». При помощи данного метода измеряется уровень доверия в The Global Barometer Surveys (GBS), World Value Survey, Latinobar metro Corporation, Asian Barometer Survey (ABS), Европейский банк реконструкции и развития (исследование «Жизнь в переходный период»)»<sup>21</sup>.

Встречаются исследования, использующие для этих целей вторичные статистические данные, например, такие как процент явки на выборы или процент добровольных доноров крови<sup>22</sup>. Считается что эти показатели «отражают желание делать что-либо для благополучия своих сограждан без каких-либо прямых экономических или денежных стимулов»<sup>23</sup>. Однако такой показатель как явка на выборы смешивает понятия институционального и межличностного доверия из-за того, что в случае явно недемократических режимов, явка на выборы с малой вероятностью будет являться показателем межличностного доверия «наводящего мосты». Скорее она будет демонстрировать доверие/недоверие к такому политическому институту как выборы.

Еще одним способом измерения межличностного доверия является показатель, отображающий число общественных организаций на душу населения. Именно его использует Н. Петро в своей статье «Новгородская область: российская история успеха»<sup>24</sup>. Однако этот показатель, основанный на теории гражданской вовлеченности Р. Патнэма, считается наименее удачным из-за возникающей концептуальной натяжки. «Даже взятый из «правильной» теоретической модели эмпирический показатель» не может быть адекватно использован для оценки «неконкурентной политической среды» и не может служить критерием демократической «гражданственности»<sup>25</sup>.

Для измерения межличностного доверия могут быть использованы показатели «Всемирного индекса благотворительности», составляемого Charities Aid Foundation (CAF) по 153 странам с помощью опросов 1000 респондентов в каждой»<sup>26</sup>. Анкета включает в себя три вопроса: «Жертвовали ли Вы деньги организации?»; «Работали ли Вы в организации в качестве

эмпирический анализ» / Доклад в рамках сессии «Эффекты развития науки и инноваций» XIV Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества», 2–5 апреля 2013 г., Москва

<sup>21</sup> Андреевкова А. В. Отчет по результатам фокус-группы: «Установки и ожидания россиян». [Электронный ресурс] / URL: <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/surveys/aspr.pdf>.

<sup>22</sup> Гуриев С., Цывинский О. «Ratio economica: Как измерить доверие». [Электронный ресурс] «Ведомости» / URL: <http://www.econ.yale.edu/faculty1/tsyvinski/arts/11.25.2008%20Ratio%20Economica%20-%20Kak%20Izmerit%20Doverie.pdf> (дата обращения: 12. 03. 14).

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Petro N. "Novgorod Region: A Russian Success Story". / Post-Soviet Affairs. 2001. Vol. 15.

<sup>25</sup> Гельман В. Я. ««Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики». [Электронный ресурс]: Европейский университет / URL: <http://old.eu.spb.ru/socio/files/concept31.pdf>.

<sup>26</sup> В странах с высокой численностью населения в абсолютной величине количество респондентов увеличивается до 2000.



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

волонтера?»; «Оказывали ли Вы помощь нуждающемуся в ней человеку, который Вам незнаком?». Однако использование совокупных данных всего индекса по трем вопросам не является валидным для оценки такого типа связей как «наводящие мысли». Только последний вопрос демонстрирует величину «радиуса доверия», в то время как первые два вопроса скорее отображают институциональное доверие к благотворительным организациям.

Таким образом, для построения индексов доверия будут использованы только те показатели, которые предполагает исследовательский дизайн.

## Дизайн исследования

Методологическая модель исследования включает в себя следующие показатели: глобальная конкурентоспособность, политический режим, индексы институционального и межличностного доверия, верховенство права.

### Глобальная конкурентоспособность

Наиболее известные оценки глобальной конкурентоспособности формируются двумя международными организациями — Institute of Management Development (Лозанна, Швейцария) и исследовательский отдел The World Economic Forum (Женева, Швейцария). Хотя с 1989 по 1996 годы эти два центра сотрудничали, сегодня выпускаются альтернативные отчеты (при этом ранжирование стран в данных рейтингах во много схоже, за исключением определения первых трех мест).

Для исследования были использованы данные отчета Всемирного экономического форума (The World Economic Forum) за 2012–2013 годы<sup>27</sup>. При подсчете во внимание принимаются 12 составляющих конкурентоспособности: институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологическая готовность, размер рынка, уровень развития бизнеса, инновации. Эти характеристики имеют очевидное, хотя и разное, значение для всех экономик. «По мере развития экономики заработные платы растут, и для поддержания высокого уровня доходов необходимо повышать производительность труда»<sup>28</sup>. В этой связи индекс глобальной конкурентоспособности разделяет экономики на три типа в зависимости от размера ВВП на душу населения (причем для экономик с существенной зависимостью от минеральных ресурсов этот критерий не является единственным): факторно-ориентированные (меньше 2000 долл. США), ориентированные на эффективность (3000–8999 долл. США), инновационно-ориентированные экономики (свыше 17000 долл. США).

Сохранение конкурентоспособности каждой из этих экономик зависит от всех 12 составляющих, однако, например, на факторно-ориентированной стадии ключевую роль играют базовые факторы, и страны в основном «конкурируют за счет

обеспеченности ресурсами». Основой конкурентоспособности являются такие составляющие как институты (правовая и административная инфраструктура), инфраструктуры (транспортно-логистический комплекс, энергетические системы, телекоммуникации и пр.), макроэкономическая стабильность, здравоохранение и начальное образование. Развивая эти составляющие, страны увеличивают производительность труда, повышают заработные платы, постепенно переходят на другой этап развития, где экономический рост во многом зависит от эффективности.

Для повышения конкурентоспособности на новом этапе большую роль будут играть такие факторы, как качество высшего образования и профессиональной подготовки, эффективность рынка товаров и услуг, хорошо функционирующего рынка труда, развитости финансового рынка, способности использовать существующие технологии и размеры внутреннего и внешнего рынка<sup>29</sup>.

В инновационной экономике конкурентоспособность поддерживается в основном за счет новой и/или уникальной продукции, услуг, моделей или процессов. Эксперты считают, что именно инновационная экономика (или экономика знаний) более уязвима к такому фактору как транзакционные издержки. Действительно, здесь осуществляется переход к более сложным технологиями и продуктам, стремительно сокращаются циклы их разработки (от лаборатории к рынку), что требует согласования интересов большой сети организаций — от поставщиков оборудования и услуг до университетов, и школ, где будут идти соответствующие образовательные программы.

### Политический режим. Индексы демократии

Существуют два направления в измерении политических режимов. Используются либо количественные показатели, основанные на данных международной статистики (социально-экономические показатели, электоральные показатели и т. п.), либо экспертные оценки честности выборов, свободы СМИ, доступности информации, свободы собраний и митингов и т. п.<sup>30</sup> Специально подчеркну, что вне зависимости от используемых методик, любые рейтинги очень условны, а их целью является не оценка политического режима в отдельно взятой стране, а сравнительный анализ различных государств друг с другом в статическом или динамическом разрезе.

Несмотря на огромное многообразие индексов демократии, различия между ними минимальны, что продемонстрировано в Таблице 1, где даны оценки стран с различным политическим режимом (Россия, США, Китай, Мексика, Швеция) по методике разных индексов (Freedom House, Wall Street Journal, Polity IV, The Economist). Таблица 1. Сравнение данных индексов

<sup>29</sup> The Global Competitiveness Report 2012–2013 [Электронный ресурс]: World Economic Forum / URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2012-13.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf) (дата обращения: 07. 03. 2014). P. 8.

<sup>30</sup> Экспертные оценки применяются для того, чтобы охватить как можно большее количество стран, даже тех по которым не имеется статистической информации или она вызывает сомнения в ее достоверности.

<sup>27</sup> Соответствующие методики появились еще в 2005 г.

<sup>28</sup> The Global Competitiveness Report 2012–2013 [Электронный ресурс]: World Economic Forum / URL: [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_GlobalCompetitivenessReport\\_2012-13.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf) (дата обращения: 07. 03. 2014). P. 22.



Т а б л и ц а 1.

	Freedom House	Wall Street Journal	Polity IV	The Economist
Россия	несвободная	«большой частью несвободная»	закрытый апосгасу*	авторитарный режим
США	свободная	«большой частью свободная»	полная демократия	полная демократия
Китай	несвободная	«большой частью несвободная»	авторитаризм	авторитарный режим
Мексика	частично свободная	«средне свободная»	демократия	«демократия с дефектом»
Швеция	свободная	«большой частью свободная»	полная демократия	полная демократия

Источник: автор по материалам Freedom House, Wall Street Journal, Polity IV, The Economist

\* Апосгасу — тип режима, переходный между авторитарным и демократическим режимом, выделяемый PolityIV. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.systemicpeace.org/GlobalReport2011.pdf>

демократии (Freedom House, Wall Street Journal, Polity IV, The Economist) по 5 странам, 2012 год

В расчетах далее использовались данные Freedom House.

#### Верховенство права

Показатель верховенства права введен в эмпирическую модель для проверки гипотезы, о том, что стабильность институтов и верховенство право вне зависимости от политического режима в сочетании с различными типами доверия влияют на глобальную конкурентоспособность. Это предположение связано с тем, что верховенство права существует не только в демократических системах, но и в авторитарных, где защита частной собственности и стабильность институтов за счет политического руководства, что порождает доверие к существующим на территории институтам<sup>31</sup>. Стабильные институциональные рамки обеспечивают предсказуемое поведение акторов и способствуют росту глобальной конкурентоспособности.

Для оценки этого показателя в работе используются статистические данные Worldwide Governance Indicators, которые отражают степень уверенности акторов в соблюдении правил, в том числе принудительного осуществления договоренностей, прав собственности, справедливости судебной системы, безопасность лиц и товаров, защиту интеллектуальной собственности, проблемы законодательства для иностранных инвесторов и пр.

#### Индексы доверия

Для оценки межличностного доверия и институционального доверия составлены два индекса методом шкалирования по показателям.

Индекс межличностного доверия «наводящего мосты» включает в себя три показателя, сложенных с равными весами:

- результаты опроса World Values Survey 5 волны по вопросу: «Большинству людей можно доверять?»;
- доля добровольных безвозмездных пожертвований в общем количестве пожертвований по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ);

- данные «Всемирного индекса благотворительности», составляемого Charities Aid Foundation (CAF) по вопросу: «Оказывали ли Вы помощь нуждающемуся в ней человеку, который Вам незнаком?»

Индекс институционального доверия включает в себя три показателя, сложенных с равными весами:

- объем инвестиций в основной капитал в процентах от ВВП, отражающий затраты бизнеса, которые обеспечивают будущее производство;
- показатель «Doing Business» Всемирного банка;
- данные Индекса восприятия коррупции, составляемого Transparency International.

Таким образом, методика проведения исследования включала три ключевых блока:

- определения выборки стран, перешедших на инновационную стадию развития экономики;
- построение индексов межличностного и институционального доверия;
- построение восьми регрессионных моделей, в которых зависимой переменной является глобальная конкурентоспособность, а независимыми: политический режим, индексы институционального и межличностного доверия, верховенство права<sup>32</sup>, ВВП на душу населения (контрольная переменная).

## Результаты исследования

Основная гипотеза исследования предполагает, что доверие является фактором повышения конкурентоспособности только тех экономик, которые перешли либо находятся в процессе перехода на инновационную стадию развития. В 2012 году, стран, перешедших на инновационную стадию, насчитывалось 35; находящихся на переходной стадии — 21. То есть выборка стран для проведения эмпирического исследования составила 56 случаев.<sup>33</sup>

Для этих стран был построен индекс межличностного доверия «наводящего мосты», состоящий из трех показателей, сложенных в равных долях. Значение индекса может изменять-

<sup>31</sup> Rajah J. «Authoritarian Rule of Law». Cambridge Studies in Law and Society. 2012. Helmke G., Rosenbluth F. «Regimes and the Rule of Law: Judicial Independence in Comparative Perspective». [Электронный ресурс]: Annual Review of Political Science / URL: <http://www.annualreviews.org/doi/full/10.1146/annurev.polisci.12.040907.121521> (дата обращения: 13. 03. 2014).

<sup>32</sup> Для оценки этого показателя используются статистические данные Worldwide Governance Indicators, которые отражают степень уверенности акторов в соблюдении существующих правил. .

<sup>33</sup> В приложении №1 представлено ранжирование 56 стран с инновационной экономикой по трем типам политических режимов (индекс Freedom House)



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

Т а б л и ц а 2. Факторы, влияющие на глобальную конкурентоспособность (8 моделей множественной линейной регрессии)

	1	2	3	4	5	6	7	8
Индекс межличностного доверия	0,760**	–	0,195	–	0,470**	–	0,109	–
Индекс институционального доверия	–	0,008**	–	0,604**	–	0,656**	–	0,515*
Политический режим	,252*	0,819	–	–	0,107	–0,016	–	–
Верховенство права (ВП)	–	–	0,585**	0,280*	–	–	0,466**	0,219*
ВВП на душу населения	–	–	–	–	0,419**	0,282**	0,340**	0,235**
R-квадрат	0,424	0,667	0,545	0,692	0,542	0,721	0,623	0,728
Adjusted R-квадрат	0,402	0,654	0,528	0,680	0,515	0,705	0,602	0,712
N	56	56	56	56	56	56	56	56

\*\* — значимость на уровне 0,01; \* — значимость на уровне 0,05 (зависимая переменная — «глобальная конкурентоспособность стран, перешедших к инновационной экономике»)

ся от 0 (минимум) до 3 (максимум). В первую тройку стран по индексу межличностного доверия вошли такие страны как Норвегия — 2,45; Швейцария — 2,39; Швеция — 2,37. Наименьшее количество баллов набрали Сейшелы — 0,01; Казахстан — 0,28; Оман — 0,5.

Индекс институционального доверия состоит из трех показателей, сложенных в равных долях. Он также меняется от 0 до 3. По индексу институционального доверия лидируют такие страны как Австралия — 2,44; Сингапур — 2,43 и Новая Зеландия — 2,30. Минимальное количество баллов по уровню институционального доверия набралось у Аргентины — 0,47; Бразилии — 0,54; Греции и России — 0,57.

После сбора данных по всем переменным были построены восемь моделей множественной линейной регрессии с зависимой переменной — глобальная конкурентоспособность стран, перешедших к инновационной экономике. В моделях 1 и 2 в качестве зависимых переменных использовались по очереди индекс межличностного и институционального доверия в сочетании с переменной, характеризующей политический режим. В моделях 3 и 4 использовалась зависимая переменная «а верховенство права». В моделях с пятой по восьмую используется аналогичный вариант комбинации переменных при добавлении контрольного показателя ВВП на душу населения.

Значимость демонстрируют только три модели — №1, №4, №8. В первой случае на глобальную конкурентоспособность влияет межличностное доверие («наводящее мосты») в сочетании с характеристикой политического режима (R-квадрате 0,448, коэффициент значимости на уровне 0,01).

В модели №4 на глобальную конкурентоспособность стран с инновационной экономикой влияет индекс институционального доверия в сочетании с «верховенством права» (R-квадрате 0,680, коэффициент значимости у обоих показателей находится на уровне 0,01). В модели № 8, которая также является значимой, добавляется контрольная переменная — ВВП на душу населения (R-квадрат — 0,712, а значимость показателя — 0,05).

Исследование демонстрирует, что в странах, ориентированных на инновационное развитие институциональное и меж-

личностное доверие оказывают влияние на их глобальную конкурентоспособность. При этом сила и характер этого влияния зависят от сочетания различных групп факторов.

В случае межличностного доверия результаты статистического анализа демонстрируют явную положительную корреляцию с уровнем глобальной конкурентоспособности, которая усиливается для стран с демократическим политическим режимом. Действительно, в обществах с высоким уровнем межличностного доверия снижаются транзакционные издержки, и инновации развиваются быстрее. Дополнительно в условиях демократии обеспечивается открытость экономики, стимулируется приток идей, талантов и капитала. Комбинирование всех этих факторов и процессов сказывается на росте конкурентоспособности самым лучшим образом. Одна из последних концепций экономического развития постиндустриального общества объясняет этот феномен, прибегая к модели «тропического леса», где есть место «сорнякам» и «полезным растениям», где существует великое биоразнообразие и связи между паттернами, возможно появление инноваторов и рост самих инноваций»<sup>34</sup>.

Что же касается институционального доверия, то оно также влияет на глобальную конкурентоспособность инновационных экономик, но уже в сочетании с таким фактором как верховенство права, которое позволяет обеспечить стабильное положение бизнеса и инвесторов, порождает доверие к существующим на территории институтам. В этом случае создание новых оригинальных разработок, возможно и не является ключевым приоритетом, однако создаются необходимые условия для масштабирования уже существующих технологий и продуктов.

Полученные выводы не являются безусловными и во многом ограничены имеющимися данными, исследовательским дизайном и рядом других факторов, тем не менее, они не только демонстрируют эмпирическое подтверждение теорий, но и

<sup>34</sup> Hwang V., Horowitz G. "The Rainforest. The Secret to Building the Next Silicon Valley". Regenwald. 2012.



ШМЕЛЕВА Светлана Андреевна / Svetlana SHMELEVA, ЩЕРБАК Андрей Николаевич / Andrey SHCHERBAK

| Доверие, экономическое развитие, политический режим: статистический анализ взаимосвязей |

практическую важность исследования доверия для понимания функционирования инновационной экономики.

Перспективы дальнейших исследований видятся в первую очередь в увеличении числа случаев и включении в выборку стран, находящихся на стадии развития экономики, ориентированной на эффективность, что поможет доказать/опровергнуть тот факт, что доверие оказывает влияние только на

экономики, ориентированные на инновации. Еще одно направление развитие исследования — построение временных рядов,<sup>35</sup> уточнение исходных данных и гипотез, введение дополнительных независимых переменных.

<sup>35</sup> Что позволит значительно увеличить число случаев и проверить динамику взаимосвязи переменных.

### Приложение №1

#### Ранжирования стран, ориентированных на инновации по типам политических режимов

«Свободные» (44)		«Частично свободные» (7)	«Несвободные» (5)
Австралия	Мальта	Ливан	Бахрейн
Австрия	Нидерланды	Мексика	Казахстан
Аргентина	Новая Зеландия	Турция	ОАЭ
Барбадос	Норвегия	Сингапур	Оман
Бельгия	Польша	Гонконг	Россия
Бразилия	Португалия	Малайзия	
Великобритания	Пуэрто-Рико	Сейшельские острова	
Венгрия	Словакия		
Германия	Словения		
Греция	США		
Дания	Тайвань		
Израиль	Тринидад		
Ирландия	Уругвай		
Исландия	Финляндия		
Испания	Франция		
Италия	Хорватия		
Канада	Чехия		
Кипр	Чили		
Корея	Швейцария		
Латвия	Швеция		
Литва	Эстония		
Люксембург	Япония		

Источник: автор по материалам Country report: Freedom in the World 2012 и The Global Competitiveness Report 2012–2013



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

Россия, Петрозаводск.

Петрозаводский государственный университет.  
Кафедра философии, доктор философских наук, профессор.

Russia, Petrozavodsk.

Petrozavodsk State University, chair of philosophy, Ph. D., professor.

[klyukina-la77@yandex.ru](mailto:klyukina-la77@yandex.ru)

## КОНСТИТУИРОВАНИЕ МИФОЛОГЕМЫ ИМПЕРИИ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ (XV–XVI ВВ.)

Конституирование идеи империи в русском культурном сознании связано с оформлением концепции «Третьего Рима» в русских средневековых текстах XV–XVI вв. В статье рассматриваются две точки зрения на этот процесс. С позиции историографической традиции (Н. В. Сеницына), концепция «Третьего Рима» является русским вариантом идеи *translatio imperii*, сформулированной с целью обоснования автокефалии Русской православной церкви и нового политического статуса Русского государства в качестве царства и царского титула правителя. С позиции семиотического подхода (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) концепция «Третьего Рима» интерпретируется как органический синтез мифологического и исторического сознания, задуманная с целью сохранения двойственной ориентации русской культуры как на построение государственности, так и на развитие духовности.

Подходы к данной проблеме являются взаимодополнительными. Исследование культурной памяти позволяет понять развитие смыслового содержания концепции «Третьего Рима», изучение исторического контекста позволяет выяснить способы реализации данной идеи. Чтобы отделить первоначальный смысл концепции «Третьего Рима» от ее культурной обработки, идеал от его реализации, автор обращается к неклассическому варианту феноменологии М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, согласно которому тексты культуры можно рассматривать в качестве «текстов сознания». В контексте данного подхода мифологема империи понимается как феномен сознания, в том числе русского сознания, обозначающий такую интенцию сознания как сакрализация национально-государственного бытия. Идея империи понимается «превращенной» формой мифологемы империи. Идея империи интерпретируется как вторичная структура сознания, которая не сводима к сознанию и может рассматриваться как ментальная конструкция, посредством которой происходит выборка и структурирование интенциональной наличности. Мифологеме империи и идею империи можно рассматривать в качестве двух различных вариантов «кода» развития отечественной культуры. Речь идет о выборе принципиальной ориентации культуры: либо на творчество, либо на тотальность. Эти установки тесно связаны с такими установками сознания, как настроенность либо на сознательно-понимательный опыт, либо на предельную семиотизацию социальной действительности. Существование самого этого вопроса принципиально важно для русского культурного мышления, поскольку само бытие России в мире понимается отечественным сознанием как бытие в становлении, в процессе чего

допускается свободная творческая интерпретация неких первичных текстов и эстетических форм.

**Ключевые слова:** «Третий Рим», идея симфонии «священства» и «царства», эсхатология, трансценденция, мифологема империи, идея империи, символ, знак, код культуры

### Institutionalization of the Mythologema of Empire in Russian Cultural Consciousness

Institutionalization of the idea of empire in Russian cultural consciousness is connected to the establishment of the concept of the “Third Rome” in Russian medieval texts of the XV–XVI centuries. The article examines two standpoints of the process. From the standpoint of the historiographic tradition (N. V. Sinitina), the concept of the “Third Rome” represents the Russian version of the idea *translatio imperii*, formulated with the aim to justify the autocephaly of the Russian Orthodox Church and the new political status of the Russian state as a tzardom and the tzar title of its ruler. From the standpoint of the semiotic approach (Y. M. Lotman, B. A. Uspensky), the concept of the “Third Rome” is interpreted as an organic synthesis of mythological and historical consciousness, conceived with the aim to preserve the ambivalent orientation of Russian culture both to the building of statehood and the development of spirituality.

Both approaches to the given problem are complementary. The research of the cultural memory provides insight into the development of the semantic content of the concept of the “Third Rome”, while the study of the historical context allows to clarify the ways used to implement this idea. To separate the original meaning of the concept of the “Third Rome” from its cultural processing, the ideal from its implementation, the author refers to the non-classical variant of phenomenology developed by M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky, according to which texts of culture can be regarded as “texts of consciousness”. In the context of the given approach, the mythologema of empire is thought of as a phenomenon of consciousness, with Russian consciousness included, designating such an intention of consciousness as sacralization of national statehood. The idea of empire is understood as a converted form of the mythologema of empire. The idea of empire is interpreted as a secondary structure of consciousness, which does not reduce to consciousness and can be considered as a mental structure by means of which the sampling and structuring of intentional availability. The



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологема империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

mythologema of empire and the idea of empire can be considered as two different options of the “code” of the development of national culture. This refers to the choice of fundamental orientation of culture: either to creative work or totality. These attitudes are closely connected with such attitudes of consciousness as inclination for either conscious comprehension experience or maximum semiotization of social reality. The existence of this issue itself is of crucial importance for the Russian cultural thinking, as the being of

Russia in the world is perceived by national consciousness as a being in the process of formation which admits free creative interpretation of certain primary texts and aesthetic forms.

**Key words:** “The Third Rome”, idea of the symphony of “priesthood” and “tzardom”, eschatology, transcendency, mythologema of empire, idea of empire, symbol, sign, code of culture

Идея империи в русской культуре напоминает птицу феникс, сгорающую и вновь возрождающуюся из пепла. Это позволяет относиться к прошлому русской культуры не только как к предпосылке настоящего, но и как к неотъемлемой его составной части. Чтобы оценить потенциал постимперской отечественной культуры, имеет смысл обратиться к вопросу формирования идеи империи в русском культурном сознании. Идея империи была сформулирована представителями русского духовенства в виде концепции «Третьего Рима» на рубеже XV — XVI веков. Формирование концепции «Третьего Рима» стало итоговым именованьем возникшего в XVI веке социального феномена, каковым являлось Российское царство. Согласно данной концепции, центр мира из Рима по причине повреждения христианской веры переместился в Константинополь, а из Константинополя по той же самой причине переместился в Москву, где «благодать Святого Духа воссия вовеки». Становясь последним Римом, Москва по этой логике превращалась в мировую державу, т. е. империю.

Чтобы обосновать историческую связь с христианской цивилизацией, русские церковные мыслители переосмыслили и осуществили перенос идеи эсхатологии и трансценденции в русскую культуру. Прежде всего, необходимо отметить, что возникновение концепции «Третий Рим» непосредственно связано с эсхатологическими переживаниями второй половины XV в., так как в 1492 году предполагался конец света. Формулировка христианской идеи конца света была связана с различными интерпретациями 2 и 7 глав книги пророка Даниила, где говорится о сне царя Навуходоносора и описывается видение четырех зверей самому пророку. Четыре зверя понимались символами четырех земных царств, после которых наступит царство Божие. Особую значимость приписывали последнему, четвертому царству, так как с ним связывался конец истории. Поэтому именно с этим царством стремились себя отождествить различные политические образования. На основе этих толкований в средние века формируется теория мировых монархий (translatio imperii). Данная теория объясняла мировой исторический процесс как смену великих мировых монархий: Вавилонской (или Ассирийско-Вавилонской), Персидской (или Мидо-Персидской), Эллинской или Греческой, Римской. Рим понимался как последнее четвертое царство.

Существовало две версии судьбы четвертого царства, которые условно можно назвать «последние времена» и «последнее царство». Согласно первому варианту, Рим есть воплощение зла, поэтому он погибнет в день страшного суда. Второй вариант основывался на идее разграничения материальной и духовной субстанций. Понятие «Великий Рим» означало империю, в пределах которой произошло Воплощение Слова, и протекала

земная жизнь Христа. Земное воплощение Христа освящало как императора, при котором Он родился, так и саму империю, в которой это случилось. Поэтому продолжительность империи совпадает с продолжительностью существования мира, а конец приравнивается к концу существования космоса. В IX–XI вв. в Священной Римской империи развивалась концепция translatio imperii, согласно которой Римская империя перешла от греков к франкам (германцам). Теория переноса основывалась на тезисе о том, что понятие «Великий Рим» не совпадает с границами конкретного политического образования, но выражает духовную сущность, которая в разные исторические периоды связана с действительностью разных государств, которые выполняют особую миссию «слуги Христова строения»<sup>1</sup>. Эти две интерпретации были известны в России через переводные сочинения, фрагменты которых входили в тексты древнерусской эсхатологической литературы.

В 1492 году пророчества о конце света не подтвердились, поэтому глава Русской церкви митрополит Зосима Брадатый составляет календарные таблицы на первые 20 лет начинающегося седьмого тысячелетия от сотворения мира, получившие название «Изложение пасхалии»<sup>2</sup>. В предисловии к Изложению Иван III был назван новым царем Константином, а Москва — новым Константинополем. «И ныне же, в последняя сиа лета, якоже и в первая, прослави Бог ... иже в православии просиявшего благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина, новому граду Константин <ову>у — Москве...»<sup>3</sup>. В Изложении особо подчеркивается тот факт, что христианская церковь после вознесения Христа на небо была создана апостолами в Иерусалиме, далее в тексте говорится о Константинополе как о «Новом Иерусалиме». Хотя в предисловии присутствовала фраза «и будут пръвии последние и последние пръвии»<sup>4</sup>, которую по-разному истолковывают историки, самой идеи переноса империи в тексте не было, так как за Первым и Вторым Римом не отрицалось значение христианской империи. Москва была названа Новым Константинополем, а Константинополь в культурном сознании данной эпохи понимался как Новый или Второй Рим. Поэтому связь Москвы с Римом могла лишь домысливаться.

Вместе с тем, проведенный Б. А. Успенским семиотический анализ текста показывает, что в данной концепции содержа-

<sup>1</sup> Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV — XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 16–21.

<sup>2</sup> [Исследование по источниковедению истории СССР XIII — XVIII вв. М., 1986. С. 45.

<sup>3</sup> Там же. С. 60.

<sup>4</sup> Там же. С. 59.



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

лась возможность восприятия Москвы не только «Новым Константинополем», но и «Новым Римом». Выражение «новый Иерусалим» восходит к Апокалипсису (Откр. III, 12, XXI, 2). В то же время, как показывает Б. А. Успенский, это выражение непосредственно ассоциируется с пасхальным песнопением («Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия...»<sup>5</sup>) и имеет сакральный смысл: оно объединяет апокалиптическую идею Второго Пришествия с пасхальной идеей Воскресения и обновления. «Новый Иерусалим» понимается в Апокалипсисе как «невеста Агнца» (Откр. XXI, 9), которая противопоставляется Вавилонской блуднице: «новый Иерусалим» как святой град, олицетворяющий верную церковь Христову, альтернативен древнему Вавилону как олицетворению церкви неверной. Так, например, в новозаветном тексте языческий Рим именуется Вавилоном (I Петр. V, 13)<sup>6</sup>. Все это вписывается в эсхатологическую концепцию, развивающую тему «последнего царства», на основании чего, с точки зрения Успенского, можно считать митрополита Зосиму автором идеи «Третьего Рима».

Однако, как отмечает Н. В. Синицына, Владимир был назван вторым Константином, а Иван IV новым Константином не потому, что теряет значение Константин Великий, но потому, что русские князья осуществляют ту же функцию православного царя, что и византийский василевс в духовной, церковной сфере, а не в политической. Таким образом, автор сочинения, отождествляя монархов и, соответственно, столицы, использовал аналогию, но не теорию *translatio imperii*. Поэтому связывать концепцию Изложения с идеей «Третьего Рима» можно лишь условно, поскольку эта идея присутствует здесь лишь имплицитно. Основные положения концепции митрополита Зосимы относятся к конфессиональной сфере, «имперской идеи» в этой концепции нет<sup>7</sup>. Вместе с тем, важным является отмеченный Успенским факт, что в русской культурной традиции Москва сначала понимается как «Новый Иерусалим», а затем уже — на этом фоне и в этом контексте — и как Новый Рим<sup>8</sup>.

В конце XV в. идея эсхатологии перестает быть актуальной. Падение Византийской империи и окончательное свержение в Московской Руси татарского ига в 1480 году позволяет русскому сознанию переосмыслить свои отношения с Византией и с другими христианскими державами. С падением Византии великий князь московский оказывается единственным независимым православным правителем. Согласно концепции «симфонии», являвшейся основным идеологическим принципом и нравственным идеалом Византии, отношения между церковью и империей рассматривались как органическое единство, как Царство Божье на земле, существующее в двух аспектах, которые в византийской политической и теологической мысли были нераздельны<sup>9</sup>. Византийская политическая идеология основывалась на идее «византийской ойкумены», наднациональной общности христианских государств. Византийский импе-

ратор считался главой ойкумены и отцом «семьи государей и народов». Правители сопредельных православных государств именовались как императорские «сыновья», «братья», «друзья» и т. д., занимая соответствующее место на иерархической лестнице<sup>10</sup>. Таким образом, предполагалось, что в православном мире есть только один монарх. После падения Византии русский князь оказывался единственным, кто мог претендовать теперь на место византийского императора. Чтобы формально закрепить за Россией статус преемницы Византии, Иван III в 1472 году вступил в брак с византийской принцессой Софией Палеолог и превратил герб византийских цесарей — двуглавого орла — в русский государственный герб.

С начала XVI века в русской политической идеологии формируется идея кровной связи русских князей с римскими императорами. Так, в «Послании Спиридона-Саввы» и «Сказании о князьях владимирских»<sup>11</sup> говорится о связи Рюрика с потомством брата Августа Римского Прусом. Август рассматривается наследником Филиппа Македонского, а через него и представителем древнего рода, царствовавшего в Египте. В этих текстах представлен генеалогический тип соединения событий русской истории с мировой. В качестве свидетельства родства русских князей с византийскими и древнеримскими правителями указывается тот факт, что Владимир Мономах получил в дар от византийского императора святыни и царские исигнии Восточной Римской империи, а также реликвии, принадлежавшие древнеримскому императору, «крабицу сердоликовую, из нее же Август кесарь веселяшеся», и принадлежавшее ему «ожерелье» — «оплечье»<sup>12</sup>. Обращение к римской парадигме было неслучайно. Во-первых, перед Россией всегда актуальной была задача построения равноправных отношений с Западом. Для общеевропейской политической мысли тех времен характерна была тенденция выводить из Рима предков и правителей. Во-вторых, у России были и свои специфические мотивы. Присоединение к константинопольскому звену древнеримского и еще более древних звеньев означало более глубокое укоренение в истории собственной государственности с целью провозгласить для нее корни более древние, чем Византийское царство, чтобы избежать его участи. В дальнейшем преемственная связь российских монархов с Августом подчеркивается при венчании Петра II (первого русского императора, венчающегося на царство): «изыде великих государей царей российских корень, и самодержавствоваху в Велицей России, от превысочайшаго перваго великаго князя Рурика, еже от Августа кесаря и обладающего всею вселенною...»<sup>13</sup>.

Статус князя московского начинает осмысливаться по аналогии со статусом византийского императора. Это проявляется в наименовании его «царем». Слово «царь» этимологически связано с «цесарь» и, следовательно, равнозначно императору. Так на Руси называли византийского императора<sup>14</sup>. «Существенно при этом, что ориентация на Византию предполагает

<sup>5</sup> Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 100.

<sup>6</sup> Там же. С. 101.

<sup>7</sup> Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 121–123]

<sup>8</sup> Там же. С. 112.

<sup>9</sup> Там же. С. 61.

<sup>10</sup> Там же. С. 62.

<sup>11</sup> Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. -Л., 1955. С. 91.

<sup>12</sup> Там же. С. 164–165.

<sup>13</sup> Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого / Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–249. С. 236.

<sup>14</sup> Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 97.



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

церковное понимание прерогатив царской власти<sup>15</sup>. Однако учитывая новую историческую роль Москвы, ориентация на идею империи была более предпочтительной. При таком понимании замена выражения «Новый Иерусалим» на «Новый Рим» оказывалась чрезвычайно значимой.

Дальнейшее развитие концепция «Москва — Третий Рим» получает затем в так называемом «Послании на звездочетцев» (или «Послании о планитах и о зодях...») старца Филофея, инока Псковского Елеазарова монастыря, написанном около 1523 года и адресованном дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину, эмиссару московского великого князя в Пскове. На основе этого сочинения в первой половине XVI в. составляются поучения, обращенные к государям — Василию III или Ивану IV [13, С. 436–456; 16, С. 336–357], в которых говорится о роли Русского государства во всемирно-историческом процессе. Эти поучения также приписываются Филофею. В 1541–1542 гг. «Послание на звездочетцев» включается в Великие Минеи Чети митрополита Макария и приобретает официальный статус.

«Послание на звездочетцев» было написано Филофеем по просьбе Мисюря Мунехина в ответ на астрологическое послание Николая Булева последнему. Николай Булев сделал перевод на русский язык текста из латинского Альманаха И. Штефлера и Я. Пфлауме. В послании предсказывались стихийные бедствия, которые интерпретировались как возмездие тем странам и народам, которые притесняли христианские народы. В Альманахе высказывалась идея воссоединения церквей и присоединения России к антитурецкой коалиции.

Филофей написал опровержение предсказаний Булева, а также изложил свою точку зрения на мировые события, которую уже можно рассматривать в качестве концепции «Третьего Рима». Филофей считает, что все в мире происходит по божественному промыслу<sup>16</sup>. Пророчества, а не астрологические предсказания исполняются в истории. В духе теодицеи, разработанной в патристике, он утверждает: если бы Бог сотворил злые дни и часы, то в этом случае Бог оказался бы причиной зла, а не люди. «Аще бы злыя дни и часы сотворил Бог, почто грешных мучити ему, Бог имат винен быти, яко зла человека народил»<sup>17</sup>. Далее Филофей говорит о гибели всех христианских царств по причине повреждения веры. Согласно Филофею, гибель первого Рима связана с принятием опресночного служения и Апполинариевой ереси во времена императора Карла Великого и папы Формоса. Причиной «разорения» Греческого царства Филофей считает предательство веры на Флорентийском соборе.

Однако Филофей убежден в существовании «Ромейского царства» и воплощении его в «царстве нашего государя»: «Да веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего го-

сударя, по пророчским книгам то есть Ромейское царство<sup>18</sup>. Два убо Рима падоша, третии стоит, а четвертому не быти»<sup>19</sup>. «Ромейское царство» — это подлинное христианское царство, так как именно там произошло рождение Христа. «Ромейское царство неразрушимо, яко Господь в римскую власть написася»<sup>20</sup>. Понятие Рима приобретает, таким образом, идеальный смысл — Рим там, где Господь и божественная благодать.

Понятие «Ромейское царство» Филофей обозначает христианское царство как целостность и единство материальной и духовной сущностей, что позволяло аргументировать претензии Московского государства не только в конфессиональной, но и в политической сфере. Согласно Филофею, Рим утратил духовную сущность, а Византия материальную, только Московское царство сохраняет и верность первоначальному христианству, и политическую независимость. Анализируя построения Филофея, Н. В. Сеницына делает вывод, что Филофей создал православный вариант теории *translatio imperii*, изменив вектор движения и направив его на северо-восток<sup>21</sup>.

Вместе с тем, понятие «Ромейское царство» Филофеем отождествляется не только с понятием «царства нашего государя», но и с понятием «Третьего Рима». Третий Рим мыслится при этом как последнее земное царство, завершающее человеческую историю. Послание Филофея окрашено эсхатологическими и мессианскими настроениями: особая миссия Москвы как Третьего (и Последнего!) Рима излагается в контексте апокалиптических пророчеств. Образ жены из Апокалипсиса, преследуемой змием, испускающим воду, чтобы потопить ее, толкуется здесь как истинная христианская вера, которая спасается от неверия. «По великому же Богослову: «Жена облычена в солнце, и луна под ногама ея, и чадо въ руку ея, и абие изыде змий от бездны, имеа глав 7 и сем венец на главах ему, и хотяше чадо жены пожрети. И даны быша жене криле великаго орла,

<sup>18</sup> Послание старца Филофея в полном объеме было издано в 1861 году в «Православном собеседнике» (см. Православный собеседник, 1861, №5, С. 78–96). Как указывает Н. В. Сеницына, оно содержит существенную ошибку. Публикация была осуществлена по поздним рукописям, в которых уже была произведена важная текстологическая замена в ключевом фрагменте, лишившая концепцию существенного звена, а именно переименования «царства нашего государя» в «Ромейское царство»: «вся христианская царства преидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчским книгам, то есть Российское царство; Два убо Рима падоша, третии стоит, а четвертому не быти». Между тем в первоначальном тексте стояло слово «Ромейское», а не «Российское» (см. Приложение №1. Около 1523–1524 г. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» / Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV — XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 345.). Эта ошибка публикаторов сказалась на всей историографии, т. к. она значительно обедняла концепцию, лишала ее целостности и законченности, поскольку понятие «Ромейское царство» является в ней одним из ключевых и использовано трижды. Эта ошибка изымала из концепции такое существенное звено, как наименование Русского царства Ромейским, что приближало идею к теории *translatio imperii*. См.: Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV — XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 14–15.

<sup>19</sup> Там же. С. 345.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же. С. 327.



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

да бежит въ пустыню, змий же изо усть своих испусти воду, яко реку, да ю в реце потопит». Воду же глаголют неверие, видиши, ли, избранниче божий, яко вся христианская царства потопишася от неверных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит»<sup>22</sup>. Интерпретация Рима в таком контексте превращается в «своеобразную теорию официозного хилиазма»<sup>23</sup>. Филофей выстраивает оптимистичный вариант эсхатологии. Царство «Третьего Рима» мыслится как безвременное, где христианская Церковь обретет вечный покой. В этой связи в конце послания он говорит об особой миссии «царствующего».

При этом Рим олицетворяет для Филофея мир. Так в «Послании на звездочетцев» Филофей замечает: «Многажды и апостоль Павел поминает Рима в посланиях, в толкованиях глаголет: “Рим — весь мир”»<sup>24</sup>. Б. А. Успенский считает, что Филофей цитирует здесь какое-то толкование на послания апостола Павла, поскольку в посланиях такой фразы не находится. Конец Рима — это то же, что конец мира. Отождествление слов Рим и мир поддерживается их формальным сходством, связанным с одинаковым составом букв: читая Рим справа налево, мы получаем мир, и, наоборот, — перед нами как бы одно слово, которое предстает в разном обличье. Формальное сходство подкрепляет и усиливает отождествление другого рода, несущего в себе сакральный смысл и придающего земному государству онтологический статус<sup>25</sup>. Становясь Римом, Московское государство приобретает метафизические координаты в культурно-смысловом пространстве мира. Посредством этой краткой формулы Филофей связывает идеи «последнего царства» и «последнего времени». Филофей выбирает те Евангельские тексты, где повествуется о сокровенности и сокрытости сроков продолжительности «последнего времени», где содержится мысль о длительности «последнего времени», обусловленной божественным долготерпением. Мысль Филофея можно пояснить идеей «светлого образа эсхатологизма» С. Н. Булгакова, который он противопоставляет «темному»: «Последний имеет место тогда, когда он возникает вследствие исторического испуга и некоторой религиозной паники; таковы, например, русские раскольники-самосжигатели, которые хотели истребить себя, чтобы спастись от воцарившегося антихриста. Но эсхатологизму может (и должен) быть свойствен светлый образ устремленности ко Христу Грядущему. По мере того, как мы движемся в истории, мы идем к Нему навстречу, и лучи, идущие от Его грядущего пришествия в мир, становятся ощутимы. Может быть, впереди предстоит еще новая эпоха в жизни Церкви, осиянная этими лучами»<sup>26</sup>.

Восприятие Филофеем Москвы как Третьего Рима отражает историческую модель восприятия времени. Историческое сознание организует события прошлого в причинно-следственный ряд. Этот тип сознания предполагает линейное и необратимое время. Для этого сознания характерна идея эволюции, в

процессе которой постоянно возникает принципиально новое состояние, а не повторяется старое. Каждое новое состояние предполагается связанным при этом причинно-следственными отношениями с каким-то предшествующим состоянием. В контексте средневековой теологической традиции принято все события соотносить с онтологически значимым событием прошлого, под которым понималось либо творение мира Богом, либо рождение Иисуса Христа. Поэтому вариант понимания истории Филофеем можно назвать историософским.

С другой стороны, восприятие Москвы именно как Третьего и Последнего Рима характеризует мифологическую значимость этого события, поскольку Рим понимается в качестве «Ромейского царства», конец которого означает конец света. Русская же Церковь понимается в таком контексте как наследница первоначальной христианской Церкви. Временные границы существования Третьего Рима зависят от божественного терпения. Божественное терпение зависит от духовного и нравственного преображения христиан. Пример этого преображения должен подать «царствующий», в чем и заключается его особая миссия.

В послании Филофея одни и те же события получают как мифологическое, так и историческое обоснование. Создавая русский вариант теории переноса империи, Филофей руководствовался идеалом симфонии «священства» и «царства». Идеал симфонии между «священством» и «царством» являлся идеалом для представителей духовенства того времени и считался в качестве презумпции при построении идеологических концепций. Впервые на это внимание обратил В. В. Зеньковский. Характеризуя роль «церковной мысли» в создании идеологии государственной власти допетровской эпохи он писал: «Теократическая тема христианства развивается в России не в смысле примата духовной власти над светской, как это случилось на Западе, а в сторону усвоения государственной власти священной миссии (курсив наш — Л. К.). Это не было движение в сторону цезарепапизма — Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения. Точкой приложения Промысла Божия в истории является государственная власть — в этом вся «тайна» власти, ее связь с мистической сферой. Но потому церковное сознание, развивая теократическую идею христианства, и стремится найти пути к освящению власти. Власть должна принять в себя церковные задачи»<sup>27</sup>. Зеньковский более тонко и глубоко уловил особенность русского культурного сознания, чем историк В. О. Ключевский, который упрекал русскую Церковь за то, что она передала государственной власти основные свои функции, тогда как только выполнение этих функций могло оправдать ее автономию<sup>28</sup>. С точки зрения русской церковной мысли, власть должна быть божественной, а не наоборот, религия — государственной.

Об этом свидетельствует и концепция царского титула, оформленная в послании Филофея. В составе царского титула указываются определения «во всей поднебесной единый и единственный христианский царь» и «брододержатель святых

<sup>22</sup> Там же. С. 452.<sup>23</sup> Флоровский Г. Пути русского богословия. 2-е изд. Р., 1981, — С. 11.<sup>24</sup> Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1984, — С. 452.<sup>25</sup> Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 105.<sup>26</sup> Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991. С. 375.<sup>27</sup> Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1, — С. 46.<sup>28</sup> Ключевский В. О. Соч. в 8-ми томах. М., 1959. Т. VII. С. 37–39.

КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

Божиих престолов святой вселенской апостольской Церкви»<sup>29</sup>. В греческой традиции титул «брододержатель» относился к патриархам, а не к императору<sup>30</sup>. Однако патриаршество в России было учреждено только в 1589 году. Поэтому это определение никаким образом не могло быть приписано московскому князю [14]. Таким образом, Филофей сознательно обращается к мифу, чтобы провести в жизнь идею святой государственности.

Концепция «Третьего Рима» не может рассматриваться только как пример *translatio imperii*. Идея *translatio imperii* предполагает чисто историческое объяснение происходящих событий, не связанных с мифологией. В России же исторический процесс оказывается связанным с мифологией, что придает событиям особую значимость. Так, например, дискутируя с представителем папского престола А. Поссевино, Иван Грозный, чтобы обосновать равноправие русской православной церкви по отношению к католической, обратился к Римской традиции: «Мы уже с самого основания христианской Церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Павла Андрей пришел в наши земли, (затем) отправился в Рим, а впоследствии, когда Владимир обратился к вере, религия была распространена еще шире. Поэтому мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии»<sup>31</sup>.

Сама идея симфонии «священства» и «царства» объясняется особой «формой» декларации трансцендентности, свойственной русскому сознанию. Вопрос о совпадении трансцендентного бытия с имманентным познанием решается следующим образом. Анализ древнерусских текстов показывает, что русское сознание признает действительно имеющим место только имманентный синтез времени (Москва становится Третьим Римом), оставив открытым вопрос о времени бытия (Москва — Последний Рим, так как терпение Бога бесконечно). Для западной метафизики такой вариант не подходит, так как требует пересмотра не только ее категориальных схем, основанных на пространственной метрике бытия, но оставляет за границами философского анализа бытие как таковое. «Третий Рим» тогда является «следом» (Ж. Деррида), т. е. лингвистическим знаком, который значим не сам по себе, а только относительно другого знака, который он обозначает и замечает, являясь его субститутом.

В древнерусском средневековом сознании «Третий Рим» — это не только Москва. В указанных выше источниках нет формулы «Москва — Третий Рим», она появилась в «Повести о начале Москвы» в XVII в. В повести можно встретить формулу «Москва — Третий Рим», закрепленную в историографии: «По истине же сей град именуется третий Рим»<sup>32</sup>. Но одновременно «Третий Рим» соотносится с царством: «Сице же и нашему

сему третьему Риму, Московскому государству...»<sup>33</sup>. В ситуации смутного времени и иностранной интервенции идея Третьего Рима стала использоваться с целью сплочения нации и возрождения духа патриотизма.

«Третий Рим» понимался не как государственно-политическое образование, но как духовное христианское царство. «Священство» и «царство» в данной идее образуют органичное единство и гармонию. Сама идея «Москва — Третий Рим» по самой своей сути была двойственной. Данная двойственность, с точки зрения Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, предполагала два варианта культурной ориентации, и, следовательно, два возможных варианта исторического развития Российского государства. «С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от «нечистых» земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т. е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность — в Византии видели мировую империю, наследницу римской государственной мощи»<sup>34</sup>. Поэтому идеал будущего развития Российского государства мог быть выражен, а затем и реализован в понятиях той или иной символики. Обе эти идеи находят воплощение в осмыслении Москвы как Третьего Рима и ведут между собой своеобразный «диалог» на протяжении всей истории Российской империи.

Существенным при этом оказывается то обстоятельство, что «Третий Рим» русским сознанием воспринимался как нечто «священное», как область формирования высшего смысла и новой духовности народа, что в свою очередь отождествлялось с понятием власти. «Третий Рим» понимался русским сознанием как абсолютная реальность, приобщиться к которой можно было в особых состояниях сознания. Это приводило к тому, что формирование культа и становление власти в отечественной культуре начинают обозначаться одной языковой структурой. «Священство» и «царство» в данной идее образуют органичное единство и гармонию. «Рим» воспринимался в качестве символа, имманентного самому сознанию, поскольку не имел какого-то отличного от себя означаемого. Понимание русского символа «Рим» предполагало обращение к мифологическому мышлению<sup>35</sup>.

Мифологическое сознание не способно закрепить неустойчивые и подвижные чувственные явления, введя их в среду мышления, а потому прилагает к пространственно-временному бытию специфическое противопоставление «священного» и «профанного»<sup>36</sup>. Понятие «священного» в данном случае совпадало с понятием «христианской империи». В этой связи

<sup>29</sup> Приложение №1. Около 1523–1524 г. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дяку М. Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» / Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 345.

<sup>30</sup> Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 238.

<sup>31</sup> Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 79.

<sup>32</sup> Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 174.

<sup>33</sup> Там же. С. 175.

<sup>34</sup> Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого / Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 238.

<sup>35</sup> См.: Ключкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований культуры : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук : специальность: 24. 00. 01 / Ключкина Л. А.; С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2010. 41 с.

<sup>36</sup> Кассирер Э. Философия символических форм. М. СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 2.



КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA

| Конституирование мифологеми империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |

представляется необходимым и обоснованным говорить о «Третьем Риме» как о мифологеме. «Под мифологемой империи понимается один из феноменов сознания, в том числе русского сознания, обозначающий такую интенцию сознания как сакрализация национально-государственного бытия»<sup>37</sup>. Мифологема империи, таким образом, сформировалась на рубеже XV — XVI вв. как символ национального сознания. Именно как символ, за которым скрывались не репрезентации предметов и событий, а сознательные посылки и результаты сознания. Мифологема империи не была рассчитана на интеллектуальное осмысление, но, прежде всего, на экзистенциальные переживания своей судьбы русским народом, связанные со стремлением всегда иметь место в мировой истории, т. е. иметь право на бытие при любых исторических обстоятельствах.

Процесс усвоения мифологеми империи русским культурным самосознанием происходил в результате создания новой семиотической системы внутри языческой культуры. Попав на русскую почву, мифологема империи укоренилась в ней и стала архетипом русского самосознания. Этому способствовало, с одной стороны, схожесть ее основных элементов с элементами языческого мировоззрения русского народа, для которого характерно понимание мира как борьбы носителей добра и зла, т. е. через конкретное выражение полюсов дуальной оппозиции: «Правда — Кривда»<sup>38</sup>. Мифологема империи выступала в качестве медиатора по отношению к бинарной оппозиции «Правда — Кривда» и снимала данные фундаментальные противоречия посредством идеи симфонии «священства» и «царства», что оказалось приемлемым для отечественного сознания.

В ментальности русского народа уже была намечена тенденция снятия бинарных оппозиций, что нашло выражение в русской религиозной живописи XIV — XVI вв. Основной идее западной богословской традиции, смысл которой заключается в представлении об иерархической последовательности сущего, начинающейся с нематериального духа (Бога) и нисходящей к недуховной материи, русские иконописцы противопоставили идею одухотворения жизни. Эта идея выражена в русском иконописании посредством изображения движения духа в неподвижности плоти, когда «самое естество человеческого приведено к молчанию, где оно живет уже не собственно, а надчеловеческою (курсив — Е. Трубецкого) жизнью»<sup>39</sup>. Такой способ философствования Е. Трубецкой назвал «умозрением в красках»<sup>40</sup>, когда изображение иконы и ее восприятие рассматривается как единый процесс. Когда мыслительный акт понимается как спонтанный процесс изменения предмета, по отношению к которому субъект мыслится в качестве имманентно включенного. Данный способ философствования можно назвать творческим или конструктивным мышлением.

Характерной чертой этого способа мышления является способность трансформировать исходные высказывания некоторым однозначно непредсказуемым образом. Поэтому мифотворчество и символизм были более предпочтительными способами метаописания для отечественного сознания, которое интенционально было настроено на двойственность. Оперирование мифологемой империи как символом создавало с одной стороны, возможность построения самостоятельного способа идентификации, т. е. автокоммуникации, с другой стороны, амбивалентность данного символа позволяла осуществлять коммуникацию с различными культурами. Мифологема империи в отечественном сознании осмыслялась эстетически: и как код, и как сообщение, что позволяло ему переключаться из одной системы коммуникации в другую, сохраняя связь с обеими.

В дальнейшей культурно-исторической практике концепция «Третьего Рима» интерпретировалась в соответствии с двумя целями — укрепления российской государственности и православной религии. Подвергнувшись культурной обработке, мифологема империи превращается во вторичную структуру сознания — в идею империи. Идея империи может пониматься как «ментальная конструкция, посредством которой осуществлялась выборка и структурирование интенциональной наличности»<sup>41</sup>. В русской культуре XV — XVI вв. сохранялись механизмы, позволяющие отделить первоначальный символ от его идеологической обработки. В религиозной русской культуре существовали феномены, имеющие символическое значение, которые не могли использоваться только как языковые объекты. Символика имела сакральный смысл и не относилась к кругу общеизвестных знаний: «Символизм как важный способ выражения высоких истин издревле употреблялся Церковью, которая стремилась запечатлеть иным способом, более глубоким, чем буквенный, духовные предметы веры, охраняя истину от профанов или недостаточно подготовленных к познанию ее, привлекая и направляя, однако, к ней внимание посредством использования символов»<sup>42</sup>. Культурное преобладание символизма сознания над психизмом языка свидетельствовало об ориентации русского общества на опыт понимания, связанный со способностью выявлять меру и степень содержания своего «я» в «другом». Поэтому в культуре XV — XVI вв. «Третий Рим» функционировал как символ, поскольку он являлся языковой структурой, напрямую отсылающей к такой универсалии культуры как христианская империя. Дальнейшая трансформация идеи империи в семиосфере русской культуры XVII — XX вв. была связана с потребностью власти онтологически обосновать конструирование новых социальных образований, примером чего являлось провозглашение российского государства империей Петром I в 1721 году и образование СССР в начале XX века<sup>43</sup>.

<sup>37</sup> Ключкина Л. А. Идея империи как способ формирования культурной идентичности России / Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 7(36). Т. 2. С. 85.

<sup>38</sup> Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977, С. 12.

<sup>39</sup> Трубецкой Е. Умозрение в красках / Философия русского религиозного искусства XVI — XX вв.: Антология. М. 1993. Вып. I. С. 195–219. С. 205.

<sup>40</sup> Там же. С. 195–219.

<sup>41</sup> Ключкина Л. А. Идея империи как способ формирования культурной идентичности России / Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 7(36). Т. 2. С. 85]

<sup>42</sup> Арсеньев В. О церковном иконописании / Философия русского религиозного искусства XVI — XX вв.: Антология. М. —1993. Вып. I. С. 140–144. С. 140.

<sup>43</sup> См.: Ключкина Л. А. Формирование и функционирование имперского сознания в русской культуре: опыт феноменологического прочтения / Л. А. Ключкина; Федер. агентство по образованию Рос. Федерации,



*КЛЮКИНА Людмила Александровна / Lyudmila KLYUKINA***| Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) |**

Исторически так сложилось, что русская культура всегда ориентирована на «чужое». Освоение «чужого» через противопоставление и обособление становится кодом русской культуры. Специфика русской культуры заключается в том, что она говорит о «своем» на языке «чужого», поэтому она создает что-то новое, что не является слепым копированием или подражанием. Усвоенные тексты «чужой» культуры переживаются русским сознанием по-своему, в результате чего приобретают новое значение, образуют новый контекст, на фоне которого конституируются новые смыслы. Проблема заключается в самом способе коммуникации, нацеленной либо на передачу значений, либо на конструирование ситуации понимания

смыслов. Согласно такой логике, мифологеме империи и идею империи можно рассматривать в качестве двух различных вариантов «кода» развития отечественной культуры. Речь идет о выборе принципиальной ориентации культуры: либо на творчество, либо на тотальность. Эти установки тесно связаны с такими установками сознания, как настроенность либо на сознательно-понимательный опыт, либо на предельную семиотизацию социальной действительности. Существование самого этого вопроса принципиально важно для русского культурного мышления. Поскольку положение России в мире мыслится как пограничное, между Западом и Востоком, то само бытие России в мире понимается отечественным сознанием как бытие в становлении, в процессе чего допускается свободная творческая интерпретация неких первичных текстов и эстетических форм.

Филос. фак., С. -Петерб. гос. ун-т, С. -Петерб. филос. о-во. Санкт-Петербург, 2009.



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV,  
ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKHРоссия, Воронеж.  
Воронежский государственный университет инженерных технологий.  
Доцент, кандидат философских наук.Russia, Voronezh.  
Voronezh State University of engineering technologies.  
Associate Professor, PhD in Philosophy[sta-sulimov@yandex.ru](mailto:sta-sulimov@yandex.ru)Россия, Воронеж.  
Воронежский государственный университет инженерных технологий.  
Доцент, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии.Russia, Voronezh.  
Voronezh State University of engineering technologies.  
Associate Professor, PhD in Philosophy, Head of the philosophy Department[igrchernigovskix@rambler.ru](mailto:igrchernigovskix@rambler.ru)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АЦТЕКОВ И МАЙЯ ДО ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Статья посвящена сравнительному рассмотрению политических моделей ацтеков и майя. Авторы указывают, что если политическая модель ацтеков в момент знакомства с европейцами еще находилась в процессе становления, то дошедшие до нас письменные и иные источники отражают политический режим майя периода упадка. Прослеживается взаимосвязь представления человека о мировом целом, его роли в этом универсуме и политической модели. В культуре ацтеков основной мировоззренческий сюжет связан с необходимостью жертвенной крови для существования Солнца. Основным источником получения пленников-жертв является война, что обусловило специфику ацтекского общества. В статье рассматриваются механизмы социальной мобильности в ацтекском обществе, и строится прогноз вероятного развития его структуры, если бы не началось испанское вторжение. Политическая модель майя на протяжении всей своей истории обусловлена верностью династическому принципу престолонаследования. Монарх города-государства майя в первую очередь почитался как потомок основателей своего города. Заменить одну династию на другую майя не считали возможным. Исходя из этого, авторы подробно разъясняют, как и почему единственной формой политической интеграции городов майя была конфедерация.

**Ключевые слова:** аристократия, государство ацтеков, государство майя, идеология, картина мира, «Лига Майяпана», меритократия, политическая модель, политический режим

## Political Models of the Aztecs and Mayas before the Spanish Conquest

Article is devoted to a comparative review of policy models of the Aztecs and the Mayas. The authors note that, if the political model of the Aztecs in the time of acquaintance with the Europeans was still in the process of formation, the extant written and other sources reflect the political regime of the Mayas' decline. Interrelation is observed human representations about the world, his role in the universe, and the political model. In the culture of the Aztecs the main world view subject is connected with the necessity of sacrificial blood for the existence of the Sun. Wars were the main source of prisoners-victims that determined the specificity of the Aztec society. The article considers the mechanisms of social mobility in the Aztec society, and forecasts of the probable development of its structure, if the Spanish invasion did not started. The Mayas' political model throughout its history determined the loyalty the dynastic principle of succession. A monarch of the Maya state in the first place was venerated as a descendant of the founders of his city. It was not possible for the Maya to replace a dynasty. On this basis, the authors explain how and why the only form of political integration Mayan cities was the confederation.

**Key words:** aristocracy, the Aztecs' state, the Maya' state, ideology, «League of Mayapan», world view, meritocracy, political model, political regime

В последние полтора века исследователи всесторонне рассмотрели политические режимы, характерные для Старого Света и в Европе, и в Леванте, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Ещё Г. Гегель разграничивал способы правления

по их отношению к свободе граждан. В начале XX в. О. Шпенглер мастерски классифицировал национальные самосознания Западной Европы, античности и исламского Востока. Но при таком внимании к культурам Евразии современные авторы



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

и их предшественники почему-то оставляют в стороне достаточно развитые традиционные режимы «чёрной» Африки и доколумбовой Америки. О дагомейской теократии и ганских султанах упоминали разве что Дж. Дж. Фрэйзер и некоторые советские исследователи. Месоамерика же как будто демонстративно остается без рассмотрения. В данной работе мы предпримем попытку сравнить политические режимы ацтеков и майя. Империя инков в доколумбовом Перу представляет собой очень интересный объект для изучения, но она относится к другому, не месоамериканскому культурно-историческому типу, поэтому в данное исследование не входит.

К тому времени как на берега Мексики впервые ступили испанцы, ацтеки представляли собой молодой народ, ещё даже не завершивший своего культурного становления, но при том очень активный, деятельный и творческий. Считается, что в 1068 г. ацтеки покидают свою легендарную прародину Астлан (отсюда и название «ацтек»). В 1168 г. они появляются в районе озер Анауака. Здесь они выбирают несколько островков в двух-трех километрах от берега озера Тескоко, где в 1325 г. основывают город Теночтитлан («город Теноча»). В это время в долине Мехико вели борьбу за лидерство несколько городов-государств, среди которых выделялись более могущественные Аскапоцалько и Кульхуакан. Ацтеки вмешались в эту борьбу, выступая в роли наемников у наиболее сильных и удачливых хозяев. В 1427 г. ацтеки организовали «тройственную лигу» — союз городов-государств Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана (Такубы) — и приступили к последовательному завоеванию сопредельных областей. К моменту прихода испанцев в начале XVI в. так называемая Ацтекская империя охватывал огромную территорию — около 200 тыс. кв. км. — с населением 5–6 млн. человек.

Политический механизм, сложившийся в этой империи, был отражением представления человека о мировом целом и его роли в этом целом. Месоамериканская картина мира содержала в себе представление о циклическом разрушении мира и замене его на новый. По убеждению месоамериканских народов уже четыре мира прожили свой жизненный цикл и были уничтожены стихийными бедствиями (ураганом, наводнением, огнём и нападением гигантских ягуаров), а в наши (и те) дни проживает свою жизнь пятый мир. Майя и тольтеки пытались высчитать дату его гибели (чем положили начало теории конца света в 2012 г.), ацтеки же пошли ещё дальше. По мнению ацтекских мудрецов и правителей, возможно, и вождя Теноча, источник всякой жизни — солнце, и пока оно светит, мир не может погибнуть. А источником солнечной энергии, согласно верованиям ацтеков, является человеческая кровь. До тех пор, пока солнце будет щедро напоено кровью в виде жертвоприношений, мир не погибнет. Поэтому свою задачу «теночки» видели в ежедневном поддержании жизни солнца и, тем самым, спасении мира. На этом постулате держалась государственная идеология ацтеков. Их государство с необходимостью должно было стать милитаристским, так как в жертву приносили обычных пленников, а для этого требовалось постоянно воевать.

Ацтекское государство, вопреки стереотипному мнению, вовсе не было аристократическим. Племенная или родовая знать если и была у ацтеков когда-нибудь, в изученные периоды их истории никакой роли уже не играла. Носителем и отпра-

вителем власти на протяжении XIV, XV и начале XVI вв. оставался назначенный чиновник. Поскольку центром ацтекского общества был город, то чиновник именовался «квартальный» («кальпишке»). В его обязанности входил в основном сбор дани, но так же и поддержание порядка на вверенном участке, нередко чиновник имел и судебные полномочия. «Кальпишке» же ведали и государственным строительством, особенно таких стратегически важных объектов как пирамиды или дороги. При этом чиновник не получал жалования, а все вверенные ему ресурсы считались его личной собственностью. Однако вся эта личная собственность должна была употребляться для выполнения полученных из центра заданий. Если допустить, что «кальпишке» занялся нецелевым расходованием средств, то завершать строительство или починку объекта ему пришлось бы из собственного кармана. Местные племенные вожди были обязаны выполнять распоряжения назначенного чиновника неукоснительно, а поскольку ацтеки побеждали соседей на поле боя и облагали их регулярной данью, то «кальпишке» несколько раз в год навещался даже в самые отдаленные города и местечки долины Анауак и прилегающих территорий.

Однако нельзя сказать, что ацтеки жили при чиновно-бюрократическом режиме, наподобие средневекового Китая. Важное отличие от культур Старого Света заключалось хотя бы в выборности монарха, который всё-таки не был назначенным на всю жизнь чиновником. Подробно исследовавший этот вопрос немецко-американский ученый Виктор фон Хаген даёт институту монархии у ацтеков объёмную, но очень внятную характеристику: «Правитель ацтеков носил титул «Тот, Кто Говорит» (производное от *тлатоа*, «говорить»); его выбирали. (...) Каждая семья была членом земельной общины; группа семей образовывала клан, двадцать каких составляли племя теночков. Каждый клан возглавлялся собственным советом и выборным вождем; из них старейший, мудрейший либо опытейший, отбирался для представительства в межклановом совете — связующем звене между кланами и общеплеменным правительством. Это последнее сужалось до четырех персон, бывших советниками главы государства и выборщиками «короля» (вроде выборщиков, следуя подходящей аналогии, в Священной Римской империи), поскольку «короли» становились таковыми не в силу первородства, но избирались из братьев предыдущего правителя или, если таковых не было, из его племянников<sup>1</sup>. То есть совет из четырех «тлатоани» выбирал монарха, так называемого, «уэй-тлатоани», по остроумному замечанию В. фон Хагена, «главного спикера». Правитель был окружен пышным церемониалом, даже вожди, которых он принимал, были обязаны приходить в бедной одежде и без обуви. Богатый двор и немислимая роскошь создавали «уэй-тлатоани» репутацию почти что божества. Но при этом монарх точно знал, что его власть получена от подданных и дана не ради самой себя, а исключительно для действий на благо государства.

Как мы отметили выше, главной целью ацтеков было поддержание жизни на земле при помощи регулярных человеческих жертвоприношений солнцу. Поэтому в их обществе сложились две элиты, военная и духовная, каждая из которых была жестко

<sup>1</sup> Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. С. 75.



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

структурирована. Исследовавший этот вопрос Ж. Сустель пишет: «Стоявший на вершине общественной иерархии руководящий класс делился, в свою очередь, на несколько категорий, различающихся либо по своим функциям, либо по своей важности и окружавшим их почестям. Верховный жрец был равен военачальнику, но и тот, и другой смотрели свысока на бедного квартального жреца или мелкого чиновника, занимавшегося сбором дани в поселке»<sup>2</sup>. При этом светская власть находилась в руках военных и высшего чиновничества, состоявшего из отставных ветеранов. Эта категория управленцев именовалась «текутли» («господа») и ошибочно приравнивалась конкистадорами к дворянами. Дело в том, что занять такую должность в государстве ацтеков можно было только выборным путем или по назначению. Наследственной знати ацтекам не знали, и в их обществе была высокая социальная мобильность. Дети простолудинов точно так же ходили в школу, как и дети «господ». После школы всех их ждала военная служба, бывшая одним из самых действенных социальных лифтов. Проявленные отвага, исполнительность и смекалка вводили юношу в число офицеров (именуемых «куачики»), что открывало путь на самый верх, в ряды «текутли» или даже на трон. Если ветеран не хотел оставаться в армии, то его ждала чиновная должность, эквивалентная его воинскому званию. Можно предположить, что ацтеки имели некий аналог «табели о рангах». «Текутли» получал почтительное окончание к имени «-цин» и, скорее всего, уже не мог быть лишён высокого статуса, хотя его и могли перевести из одной местности в другую или перебрасывать из ведомства в ведомство. А вот дети «текутли» именовались «пилли» («сынки») и никакими привилегиями не пользовались, что к началу XVI в. вызвало серьёзные протесты чиновных и военных верхушек. Таким образом, каждый юноша, даже из самой бедной семьи, теоретически мог забраться на самый верх общественной пирамиды.

Но поскольку ацтеки воевали не ради войн, а ради жертвоприношений, то второй элитной общественной группой было жречество, посредники между солнцем и его верными слугами. Формально стать жрецом, то есть поступить в особую, религиозную школу мог любой мальчик, независимо от своего происхождения. Однако профессиональное жречество предполагало целибат, а для гарантии «послушников» подвергали кастрации (по крайней мере, об этом свидетельствуют Берналь Диас и Бернардино де Саагун). Жреческое образование было наполнено аскезой, доходившей до самоистязания, и поэтому находилось мало желающих получить его. Тем более что отставной воин вполне мог занять место среди клира, не подвергаясь столь мучительному воспитанию. Жречество, разумеется, делилось на множество степеней, но два высших жреца, настоятели столичных храмов войны и грозы (божеств Уицилопочтли и Тлалока) входили в совет «тлатоани», и даже монарх навещал их лично. Поскольку цели и задачи ацтекского государства были религиозными, то клир не мог не играть в нём важнейшей роли. Чиновничество выступало лишь помощниками жрецов в их главном деле, равно как воины доставляли для солнца «жертвенных кандидатов», но провести конечный ритуал, в представлении

ацтеков спасти мир, могли только жрецы. В силу целибата эта общественная группа не могла быть наследственной, что исключало окончательное превращение ацтекской монархии в теократию, равно как бесправие «сынков» не позволяло ацтекам вырастить военную аристократию.

Военные победы позволяли «теночкам» навязывать свою волю соседним городам и племенам, но воля эта заключалась лишь во взимании регулярной дани. Ацтекское солнце хотело крови и получало её в избытке. Пользуясь случаем, монарх выжимал из побеждённых соседей ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, а для поддержания собственного авторитета оставлял гарнизоны в наиболее беспокойных местах. Но при этом ацтеки даже не пытались интегрировать побеждённых в своё государство. Когда некоторые исследователи пишут об «империи ацтеков», то важно понимать, что это метафора. На самом деле это был скорее союз трёх городов, Теночтитлана, Тлакопана и Тескоко, а остальные города долины Анауак и более дальние находились по отношению к ним в вассальной зависимости. Заинтересованные в постоянном притоке жертвенной крови, «теночки» нередко приказывали вассалам выступить против них без оружия или провоцировали военные столкновения из-за мелочей. Так, «уэй-тлатоани» Ашайякатль выступил против своего зятя, соседнего вождя за то, что тот якобы грубо обращался с женой. Побеждая, ацтеки вовсе не сжигали городов и не устраивали грабежей. Их интересовала только дань, которая будет взиматься с данной территории. Ненависти к вражеским правителям они не питали, так как это вообще не характерно для тех краев. Считается, что единственным, кто пытался ликвидировать вражескую династию, был правитель города Аскапоцалько Тесосомок, но его город был разгромлен и захвачен ацтеками в 1440-е гг. Но, оставляя побеждённых владык править, «теночки» всегда увозили в Теночтитлан изображения их богов, считая, что тем самым пленяют вражеского покровителя. Их войны были войнами их богов и велись исключительно в религиозных интересах. Возможно, именно поэтому у них не сложилась феодальная аристократия: победители не захватывали землю ни в личную, ни в общинную собственность, война велась в первую очередь за жертвенную кровь, а во вторую — за материальную дань. Конечно, на подвластной ацтекам территории царил единый закон, а власть Теночтитлана никем не оспаривалась, но это не было самоцелью.

Такие условия очень благоприятны для торговли, и в них неминуемо расцвело купеческое сословие, именуемое «почтека». Ацтекские купцы совершали дальние путешествия до самого Юкатана, что им позволяли делать прокладываемые и ремонтируемые властями дороги и мосты. При случае «почтека» шпионили на соседних землях, а если их ловили местные контрразведчики, то охотно оказывали сопротивление, что можно было считать поводом для объявления войны. Согласно одной из легенд, ацтекский торговый караван однажды провёл год в осаде, но всё-таки отбил от возмущенных шпионажем хозяев территории. Купцы передавали свои состояния по наследству, что позволяло их семьям крепнуть в экономическом отношении. Они не могли претендовать ни на какую власть и даже на уважение в военизированном обществе, но деньги решают многое. К началу XVI в. отпрыски многих богатых купеческих семейств учились в военизированных школах и начинали ар-

<sup>2</sup> Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Ж. Сустель. М.: Молодая гвардия, 2007. с. 69.



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

мейскую карьеру. Мы привыкли воспринимать ацтеков в статике, считая естественным окончанием их культуры испанское завоевание. Но в том-то и дело, что это неестественное окончание! Если на миг познакомить историю с сослагательным наклонением, то легко представить столкновение между усилившимся, проникнувшим в чиновные ряды купечеством и всё-таки добившейся наследственных привилегий военщиной. В этом столкновении победила бы та сторона, которую поддерживали бы жрецы. В случае победы военных Теночтитлан стал бы похож на Рим эпохи «солдатских императоров». Если бы победили купцы, то ацтеки стали бы венецианцами или карфагенянами Нового Света. Из-за внезапного и успешного вмешательства европейцев вектор развития ацтекской культуры оказался прерван, а для современного исследователя «теночки» навеки застыли в процессе становления. Мы никогда не узнаем, превратился бы Теночтитлан в Вавилон Нового Света или остался бы средоточием военной машины. В случае победы купеческой олигархии к чему бы он был ближе — к средневековой Венеции или к древнему Карфагену? Это вопросы без ответов.

Впрочем, прогнозировать возможное будущее ацтекского общества всё-таки возможно, если обратиться к их восточным соседям, юкатанским майя. Ареал майянской культуры — южные штаты современной Мексики (Чьяпас, Табаско, Юкатан, Капмече, Кинтана-Роо), а также Белиз, Гондурас, Гватемала и северный Сальвадор. История майя невероятно длинна: её архаический период датируется 1600–1500 г. до н. э. В силу крайнего восточного положения эти места редко подвергались иноземным вторжениям, хотя нельзя сказать, что майя жили в изоляции: в 900-е гг. н. э. они вели войну с продвигавшимися на восток тольтеками, в XV–XVI вв. торговали с усиливавшимися ацтеками, по ряду сообщений совершали морские вояжи к берегам Кубы и Ямайки. Но при этом в силу географического фактора майя смогли на протяжении столь огромного промежутка времени (VI до н. э. (возникновение первых городов на Юкатане) — XVII в. н. э. (захват испанцами последнего независимого майянского города)) сохранить непрерывность своего культурного развития, невзирая на ряд спадов и длительную стагнацию. Можно сказать, что к 1697 г., когда испанские колониальные войска заняли Тайясаль, последний независимый майянский город, культура майя прошла свой исторический путь от зарождения через расцвет к упадку и распаду, после чего сохранялась ещё едва ли не тысячу лет только потому, что некому было положить конец «больному человеку Месоамерики». В силу того, что все уцелевшие майянские надписи и книги, благодаря открытию Ю. В. Кнорозова, в наши дни уже расшифрованы, мы можем рассматривать политическую культуру майя вполне обоснованно.

Если ацтекский режим в силу его молодости и претензий на «спасение мира» в определенной мере является меритократией, то майя воплотили в своём обществе династический принцип правления, доведя его почти до самоотрицания. Их религиозные верования не требовали от «паствы» никакой вселенской миссии, а божества строили отношения с просителями по известной любым язычникам формуле «do ut des». Поэтому в майянских городах-государствах не сложилось военной аристократии: в силу крайнего восточного положения воевать было не с кем. Зато инженерный талант позволил индейцам

проложить сквозь леса дороги и строить лодки-каное, на которых велась бойкая торговля по карибскому побережью вплоть до Панамы. Следовательно, процветало купечество. По логике исторического развития, города-государства должны были бы объединиться в какое-то политическое или хотя бы экономическое сообщество; этого требовали коммерческие интересы самих городов-государств. Но этого не произошло. Точно так же как ни в одном из майянских «княжеств» не установилась республиканская или хотя бы олигархическая форма правления. Географически и в некотором роде культурно различаются юкатанские майя и майя-киче, живущие в долине реки Усумасинта, но даже такие близкие друг к другу города как Четумаль и Чичен-Ица не пытались интегрироваться.

Культурная картина мира майя содержала в себе яркие представления о реинкарнации, но совсем не такие, что содержатся в индуизме или буддизме. По мнению древних майя, человек не перерождался после смерти как личность, но многие его индивидуальные черты возрождались в его потомках. Особенно после проведения некоторых ритуалов, ради которых, собственно, и были построены легендарные пирамиды. В основании этих грандиозных сооружений всегда похоронен либо основатель династии, заложившей данный город, либо какой-то известный его сановник, ставший ещё при жизни примером для подражания. Правителем города мог быть только потомок основателя династии, и никакие заслуги не могли вознести человека на вершины власти, если только он не приходил родней местным венценосцам. «Князь» майя назывался «халач-уаник», то есть «настоящий человек», и он располагал абсолютной властью, передававшейся по наследству детям или братьям. Конкистадоры утверждали, что «настоящий человек» считался подданными божеством, но это не так. Майянские города располагали развитым жречеством, и глава клира («ах кин») в каждом городе являлся первым советником правителя. Любопытно, но жреческие должности также передавались по наследству, что исключало в рядах майянского духовенства celibat. Создается впечатление, что абсолютно всё, что только можно было, майя стремились завещать детям и младшим братьям (от земельного надела до государственной должности), и поэтому социальная мобильность их общества была крайне низкой. Земледельцы-общинники, состоявшие в торговых и административных отношениях с городами, при желании могли перебраться в город, но не имели ни малейших шансов занять «выбиться в люди». Из наследственного характера майянских городских монархий следовала особенность военного противостояния между ними: вражеский город нельзя было завоевать, но можно было обезглавить и тем самым уничтожить. Подробно исследовавшая историю майя Г. Г. Ершова так описывает механизм ликвидации майянского города-государства: «Как бы то ни было, тактический расчёт захватчиков строился на уничтожении правящей элиты майя, связанной кровным родством с захороненными в пределах акрополей родовыми предками. Без такой связи между живыми и мертвыми город утрачивал значение символа власти. Вместе с тем, никакой чужак не мог претендовать на власть в городе, восходя на пирамиду, в которой находилось погребение не его предка»<sup>3</sup>. То

<sup>3</sup> Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика / Г. Г. Ершова. М.: Алетея, 2002. С. 112.



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

есть можно было уничтожить враждебный город, но нельзя было его захватить. Вернее, устроить штурм и разграбление труда бы не составило, но победитель не имел сакрального права присоединить побеждённого врага к своей территории. И в тот момент, когда история поставила перед майя задачу политической и экономической интеграции, во время тольтекского нашествия (900–1100 гг.), они смогли решить эту проблему лишь отчасти, самым ненадёжным способом: через отношения вассалитета. Сложилось некое подобие конфедерации, получившее название «Лига Майяпана». «Единственной известной столицей объединённых майя был Майяпан. Свидетельства его существования подлинны — они в записанной иероглифической истории, в долгой традиции и в доказательствах археологических раскопок. Основанный Кукульканом в 987 году нашей эры, после того как майяговорящие ицы захватили Чичен-Ицу и окружающие местности, Майяпан дал своё имя, которое означает «Знамя майя», лиге городов-государств, в которой он, согласно традиции, объединился с Чичен-Ицей и Ушмалем»<sup>4</sup>. Лига, представлявшая собой «тройственный союз» самых могущественных городов, была направлена против тольтекских захватчиков. После распада тольтекской империи в XIII в. Лига, руководимая майяпанской династией Кокомов, попыталась распространить своё влияние на весь Юкатан. Тем более что она уже располагала не только ополчением общинников, но и полупрофессиональными отрядами хольканов. Однако у такого политического образования должно было сложиться одно-единственное правительство, которое при майянской привязанности к династическому принципу просто не могло возникнуть. Вассальные династии Ушмали и Чичен-Ицы выполняли распоряжения центра, но при этом вовсе не собирались отказываться от своей власти на местах. И сам майянский менталитет не допускал их ниспровержения. В результате в 1440-е г. произошла кровавая междоусобица между майяпанскими Кокомами и влиятельной ушмальской династией Тутуль-Шиус, возглавляемой «халач-уаником» Ах Шупаном. Майяпан был взят штурмом и разрушен, а почти все Кокомы перебиты (вероятно, для гарантии его дальнейшего упадка). Уцелевшие представители династии бежали на юг, где обрели немалую власть среди майя-киче. Однако на этой Лига распалась, ведь Тутуль-Шиус не могли ничего больше сделать, кроме как ликвидировать власть и в других городах, чего им, разумеется, никто не позволил. Такова единственная попытка интеграции майя в единое государство. Можно сказать, что мятежный вассал уничтожил сюзерена, но не смог занять его место.

Возникает закономерный вопрос: каким образом «халач-уаник» управлял сельской округой своего города, если майя не признавала никакого правителя, кроме наследственного? Ответ показался бы нашим современникам диким в своей простоте: власть на местах находилась в руках *наследственного* чиновничества. Полновластным правителем в каждой сельской области был, так называемый, батаб («тот, кто с топором»). В его руках находилась высшая военная, административная и судебная власть, подчиненные считали его едва ли не божеством. По воспоминаниям конкистадоров, даже начальник уже захваченной ими области обставлялся

торжественным церемониалом и прибывал подписывать капитуляцию не иначе как на носилках, окруженный толпой лакеев. При этом батаб был и правительственным функционером, надзирающим за сбором дани и стратегическим строительством. В случае его профнепригодности должность могла перейти только к его сыну, брату или племяннику. Разумеется, в такой развращающей, располагающей к коррупции обстановке батабы рисковать собой не любили. Возможно, что в годы тольтекского нашествия они и возглавляли крестьянские ополчения, но уже к XV в. фактическое военное командование находилось в руках *накома*, предводителя, избираемого на три года и не имеющего никаких полномочий, кроме как в военное время. Появившиеся в годы войны с тольтеками полурегулярные отряды наемников-хольканов составляли элиту воинских формирований, хотя большая часть воинов всё равно состояла из призванных на время кампании крестьян. «Войска набирались по селениям и городам. Каждый крепкий мужчина, могущий обращаться с луком стрелами и копьем, считался годным»<sup>5</sup>. Но будет ли введено военное положение и когда это сделать решал городской магистрат, именуемый «ах хольпоп», нечто среднее между военным комиссаром и комендантом. Таким образом, наком в мирное время не имел никаких полномочий, не занимал никакой должности и если даже, допустим, привлек бы на свою сторону малочисленных хольканов, то вряд ли у него удался бы переворот: власть батаба была наследственной, а наком в силу генетического принципа оставался никем, человеком для разовых кровавых поручений. Любопытно, но случайно попавший в плен к майя испанец Гонсало Герреро смог пройти путь от невольника до *накома* и даже принял участие в боях со своими бывшими соотечественниками. Думается, что никакой военной талант не помог бы ему стать батабом. Поэтому, наверное, майянский владыка и позволил европейцу командовать воинами: шансов захватить власть у него не было.

Итак, мы рассмотрели политические модели доколумбовых ацтеков и майя. Две непохожие друг на друга, взаимоисключающие концепции управления обществом и государством. Подогреваемая имперской и апокалиптической идеологией меритократия ацтеков даже в наши дни видится пределом эффективности. Действительно, постоянные победоносные военные кампании, бурно развивающаяся торговля, эффективное сельское хозяйство в практически безводных краях, грандиозное строительство иллюстрируют качество ацтекского управления. Выборность любого должностного лица и отсутствие наследственных привилегий спасали государство от засилья титулованных бездарей. При высокой социальной мобильности держава ацтеков не знала праздных классов. Но, как мы уже говорили выше, ацтекская культура была уничтожена внешним вторжением в момент своей исторической «весны». Если представить, какой она могла бы стать через сто лет после Конкисты, если бы таковой не произошло, то несомненно одно: человеческий фактор взял бы верх над любой идеологией или религией. Либо торговая олигархия, либо военная диктатура, либо, в самом невероятном случае, появление воинской ари-

<sup>4</sup> Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. с. 233.

<sup>5</sup> Хаген, В. фон. Ацтеки, майя, инки / В. фон Хаген. М.: Вече, 2004. с. 237.



СУЛИМОВ Станислав Игоревич / Stanislav SULIMOV, ЧЕРНИГОВСКИХ Игорь Васильевич / Igor CHERNIGOVSKIKH

| Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания |

стократии положили бы конец свободному перемещению по должностям талантливых выходцев из престолярства.

Иначе, более привычно для жителей Старого Света выглядит политическая модель майя. Династический принцип престолонаследия знаком средневековым европейским королевствам и восточным деспотиям, но майя довели его до абсурда. Даже в средневековом Китае кандидату в чиновники необходимо было хотя бы сдать экзамен по литературе и истории! Майя же предпочитали династии чиновников, от представителей которых не требовалось никаких знаний или навыков, никакой компетентности. Майянские правители также получали носившую сакральный характер власть по наследству, что ис-

ключало какие-либо усилия с их стороны. Однако тот факт, что майянское общество просуществовало столь долго, означает, что параллельно с вельможными бездельниками действовала и реальная элита, купеческая и военная, представители которой прикладывали усилия к каждому своему делу и отвечали за его успех головой. Но при этом они де юре не могли занимать никаких должностей. Остаётся предположить, что почти каждый «халач уаник» или батаб соизмерял свои запросы с реальностью и точно знал, где заканчивается его «генетическое право» и начинаются «право меча» и «власть денег». Удивительно, но месоамериканские политические модели показывают нам наше возможное будущее, хотя и в крайне утрированной форме.



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTIIY

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTIIY

Россия, Апатиты.  
Кольский филиал Петрозаводского государственного университета,  
старший преподаватель.

Russia, Apatity.  
Kola branch of Petrozavodsk State University.  
Senior lecturer

[felysite@yandex.ru](mailto:felysite@yandex.ru)



## ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНЧЕСТВА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья основана на материалах эмпирического социологического исследования студенчества Мурманской обл. и её тематика вписывается в проблемное поле формирования политической культуры современной молодежи. Предметом изучения стали вопросы политической культуры студентов, а цель состоит в том, чтобы представить региональные (Мурманская область) и субкультурные (представители студенческой общности малого города) её особенности. Политическая культура рассматривается в соответствии с классической трактовкой Г. Алмонда, как отдельная подсистема политической системы общества, связанная с субъективными ориентациями граждан. Особое внимание уделяется таким её элементам, как политическая активность, партийная идентификация, политическая толерантность.

**Ключевые слова:** политика, политическая культура, политическое поведение, политическая активность, политическая система, политическая толерантность, партия, партийная идентификация, демократия, политическое сознание

### The Student Body Political Culture (according to a study of the Murmansk region)

Article is based on empirical sociological research of the Murmansk region student body. Its theme fits into the problem field of formation of modern youth political culture. Subject of study are issues of students political culture. The aim is to present regional (Murmansk region) and subcultural (representatives of student community in a small town) features of its. Political culture is considered in accordance with the classical interpretation of G. Almond, as a separate subsystem of the political system of society associated with subjective orientations citizens. Particular attention is paid to its elements as a political activity, party identification, political tolerance.

**Key words:** policy, political culture, political behavior, political activity, political system, political tolerance, party, party identification, democracy, political consciousness

Изучение политической культуры российского общества представляется актуальным ввиду продолжающихся процессов политической модернизации российской политической системы. Демократия предполагает не только формальные правила поведения людей (закреплённые в конституционных и иных документах), которые в большей степени предполагают принуждение личности, но и добровольное следование этим правилам в силу признания их, т. е. предполагает не только институциональные трансформации, но и изменения на уровне культуры. Демократизация политических процессов ставит вопросы степени и форм политической активности граждан в целом и отдельных социальных групп в частности. По-сути это вопросы включенности граждан в политический процесс, их политических ценностей, политических представлений, что в целом описывается концептом политической культуры.

На социокультурные аспекты перехода к демократии исследователи обратили внимание относительно недавно — в 50–60-е гг. XX в. Именно в это время начинает артикулироваться идея о том, что институциональные трансформации без учета

социокультурных факторов делают переход к демократии проблематичным. Анализ роли социокультурных факторов в стабильном функционировании демократии, корреляции между политикой и культурой сделались предметом отдельных исследований с приходом в мировую науку таких признанных ныне ученых, как Алмонд Г., Верба С., Инглхарт Р., Пауэлл Г., Пай Л. и др. Их разработки прочно закрепили в арсенале политической науки понятие “политическая культура”, означающее чаще всего преобладающие в общественном сознании политические ориентации, позиции, навыки и ценности. Исследование российского общества на предмет обозначенного круга вопросов ведется, начиная с 1990-х годов, когда процессы демократизации заявляют о себе. И результаты этих исследований показывают, что в российском обществе вот уже на протяжении всего этого длительного времени преобладает подданныческий тип политической культуры (если пользоваться типологией политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы).

Цель статьи состоит в том, чтобы показать региональные (Мурманская обл.) и субкультурные (представители студенче-



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTYI

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

ской общности малого города) черты политической культуры современного российского общества.

Теоретико-методологическая основа работы. Социокультурный анализ политики опирается на положения теории культуры, которые сформировались вокруг идей исследователей эволюционистского направления второй половины XIX в. О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, а впоследствии нашли своё воплощение в теориях видных классиков М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина. Интерпретативный подход (или субъективистский, антипозитивистский,) — это традиция «понимающей социологии» М. Вебера, символического интеракционизма Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Блумера, феноменологии — А. Шютца, П. Бергера и Н. Лукмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля.

Традиция «понимающей социологии» принципиально отличается от позитивизма. Здесь индивидуальное поведение рассматривается как производное субъективных факторов, т. е. интересов, потребностей, мотивов, целей, которые определяет для себя сам индивид. При таком подходе исследовательский интерес составляет деятельность индивидов и её мотивационные основания. Представители интерпретативной парадигмы хоть и признают, что общество состоит из определенных структур, тем не менее, рассматривают их как производное социальных действий индивидов. Для исследователей этого направления важно изучить типичное поведение индивида, в процессе которого создается социальная и в том числе политическая реальность. Интерес здесь представляют не столько закономерности развития общества и его структур, сколько способы, с помощью которых люди познают и конструируют политическую реальность. А отсюда и ключевые проблемы этого направления — это проблема коммуникации, проблема обмена смыслами и значениями в политической сфере, проблема понимания, проблема идентификации и самоидентификации в политическом поле.

Таким образом, проблематика, связанная с политической культурой в обществе — это вопрос о межгрупповых отношениях. Опираясь на теории конфликтологической парадигмы, основу которой сформировали, прежде всего, Р. Дарендорф и Л. Козер, политику можно представить как конфликт, борьбу, в которой те, кто обладает властью, обеспечивают себе контроль над обществом и получение благ. Конфликтные дефиниции политики акцентируют внимание на противоречиях, которые лежат в основе политики, определяют ее динамику. С точки зрения таких противоречий политика рассматривается как деятельность по насильственному и мирному разрешению конфликтов. Своё развитие конфликтная трактовка политики получила в «теории политического» у видного немецкого политолога Карла Шмитта. В своей публикации «Понятие политического» автор задается вопросом о том, что такое политика. При этом его задача — определить методологический критерий политического, позволяющий четко отделять политическое от неполитического. В качестве критерия для определения природы политики К. Шмитт предлагает дихотомию «друг-враг». Эта дихотомия отличает плоскость политических взаимодействий от взаимодействий, например, в сфере морали, эстетики и экономики, является критерием политики и имеет смысл только применительно к обозначенной сфере. Главная идея, которую можно извлечь из теории К. Шмитта, сводится к тому, что по-

литика по природе своей задает не просто наличие «врага», но и отношения конфликта и соперничества, процесс борьбы с «Другие».

Интерпретативный подход концентрируется на процессах политической коммуникации индивидов в контексте «я-другой». Интерес представляют вопросы о том, как происходят процессы социальной категоризации «мы-они» и что лежит в их основе, какими характеристиками маркируется группа «своих» и группа «других». Интерпретативная парадигма и её идеи адекватны для описания политической культуры в процессе межличностного взаимодействия. Вопросы, которые интересуют исследователя в рамках этой парадигмы, связаны с тем, каким образом различия, которые существуют между людьми (или группами, к которым они принадлежат) фиксируются, осознаются, становятся социально значимыми, субъективно истолковываются, расшифровываются, интерпретируются, переживаются и оцениваются в их повседневной жизни. Иначе говоря, конструируются самими субъектами.

Теоретические модели интерпретативной парадигмы обнаруживают прикладное значение. Речь идет о социальных технологиях, с помощью которых становится возможным управление процессами идентификации индивидов и нежелательными проявлениями в виде конфликтных форм взаимодействия. В условиях «плюрализации жизненных миров» контакты с альтернативной реальностью, общение с «политическим Другим» могут подрывать первоначальную субъективную реальность, способствовать развенчанию негативных гетеростереотипов, представлений об этом самом «политическом Другом».

Теоретико-методологическая база изучения политической культуры в мировой политической науке была заложена представителями Чикагской школы, активные исследования которой пришлось на середину 20 века, которые, в свою очередь, положили начало институционализации исследований культуры в политической сфере. Заслуга в этом отношении принадлежит, бесспорно, прежде всего, американскому исследователю Габриэлю Алмонду, который, описывая структуру политической системы, первым выделил внутри нее в качестве самостоятельного элемента политическую культуру. Попытки описать структуру политической системы осуществлялись и до Алмонда и активную работу в этом отношении проделали представители различных школ структур-функционализма. Однако значительную роль культуры в функционировании политической системы отметил первым именно Г. Алмонд, тем самым он заложил теоретические и эмпирические основы изучения этого феномена. До сих пор определение политической культуры, данное Г. Алмондом, признается классическим и звучит следующим образом — это совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы, это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение. В 1963 году выходит совместная работа Г. Алмонда и С. Вербы, основанная на результатах эмпирического исследования политической культуры. Эта работа в свою очередь может рассматриваться, как образец эмпирического исследования политической культуры. Среди продолжающихся исследований политической культуры следует отметить работы У. Розенбаума. Его заслуга состоит в том, что он предлагает детальную структуру политической культу-



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTII

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

ры, которая была использована нами при описании политической культуры в рамках нашего исследования. Таким образом, теоретико-методологическую основу исследования политической культуры студенческой общности Кольского края составили положения концепции Г. Алмонда и С. Вербы.

Эмпирическая база работы. В основу работы легли материалы исследования на тему «Ценности и установки политической толерантности в политической субкультуре студентов Мурманской обл.», проведенного автором в период с 2011 по 2012 гг. В процессе анкетирования по месту проведения академических занятий, были опрошены студенты Кольского филиала Петрозаводского государственного университета очного отделения г. Апатиты. Специфика места исследования определяется тем, что город Апатиты — это малый город, обладающий своей культурно-демографической спецификой, поскольку он может быть описан как академический, университетский, и как следствие с высоким процентом учащейся молодежи. Среди контингента опрошенных представлены обучающиеся как на факультетах общественно-гуманитарного, так и естественно-научного профиля с 3 по 5 курс, т. е. старшекурсники, что было обусловлено сравнительными задачами исследования. Кроме того, ранние исследования показали, что политическая практика характеризует именно старшекурсников, нежели представителей младших курсов обучения. Основу исследования составила случайная выборка (бесповторный отбор), где объем выборочной совокупности составил 421 человек. Основной сбор полевой информации осуществлялся в декабре 2011 г., что было обусловлено стратегией исследования. Статистический анализ полученных первичных эмпирических данных осуществлялся в программной среде SPSS Base 14. 0.

Кроме того, в работе используются данные следующих эмпирических исследований:

- исследование «Установки толерантности в политической субкультуре студентов Мурманской обл.», проведенное автором в 2008–2009 гг. (анкетный опрос студентов г. Апатиты Мурманской обл. КФ ПетрГУ очного отделения по стратифицированной выборке (пропорциональный отбор), объем которой составил 449 человек);
- исследование «Политическая активность студентов (на примере студентов КФ ПетрГУ г. Апатиты Мурманской обл.)», проведенное Мальцевой А. П. в период с 2011 по 2012 гг. (пилотажное исследование, анкетный опрос студентов очного отделения 3–5 курса, обучающихся на разных специальностях КФ ПетрГУ; объем выборочной совокупности составил 100 человек).

Исследования были посвящены частным аспектам политической культуры студентов, однако ряд тематических исследовательских блоков позволил сделать обобщающие выводы по некоторым элементам политической культуры студентов Мурманской обл.

Опираясь на теоретические исследования политической культуры, условно можно выделить 2 уровня её реализации: уровень сознания и уровень поведения. Первый уровень представлен разнообразными политическими представлениями, мифами, стереотипами, политическими ценностями и убеждениями, политическими оценками и т. п., которые бытуют в рамках конкретной политической системы. Второй уровень

представлен разнообразными формами политического поведения граждан, которые можно условно дифференцировать в 2 группы: политический абсентеизм и политическая активность. Последняя, в свою очередь, представлена разнообразными формами электоральной активности, протестной активности, вовлеченностью в деятельность общественно-политических объединений и т. д. В рамках работы мы уделим внимание трем элементам политической культуры студентов Мурманской обл., таким как политическая активность, партийные предпочтения и партийная самоидентификация, политическая толерантность. Не претендуя в данной работе на аналитику, представим лишь описательный анализ по обозначенным группам элементов политической культуры.

Политическая активность. Лестер Милбрас на основе эмпирических исследований предлагает классификацию типов политической активности, где различает зрительскую активность, активность переходного типа и гладиаторскую активность. Первый вариант — это вариант наблюдателя политических процессов, минимальная степень вовлеченности. Второй вариант предполагает влияние граждан на политический процесс через участие в общественно-политических объединениях, политических собраниях и др. Гладиаторская активность предполагает активное соискание власти гражданином. Исследование 2011 года показало, что в большинстве случаев студенты демонстрируют аполитичность или в лучшем случае зрительскую активность. Показатели политической активности студентов, которые использовались в исследовании, представлены в таблице № 1.

Описывая формы политического поведения студентов, исследование показало, что в большинстве случаев речь идет о политическом абсентеизме — большинство студентов оказываются не вовлеченными ни в какие формы политической активности. Регулярное участие в политической жизни общества принимает не более 1,5 % представителей студенческой общности, а эпизодическая вовлеченность характеризует не более 20%. Исключение здесь составляет только электоральная активность — в выборах разных уровней принимает участие практически половина представителей студенческой общности (результаты представлены в таблице 1).

Интересным оказывается факт, что показатели политической активности студенчества достаточно статичны. Исследования, проведенные нами ранее, показывают сохраняющуюся тенденцию. Кроме того, подобная характеристика не является уникальной чертой студенчества Мурманской области, поскольку вполне согласуется с общероссийскими данными по молодежи<sup>1</sup>. Исследования ведущих российских центров изучения общественного мнения также фиксируют преобладание аполитичности и слабой политической заинтересованности среди молодых граждан России. Установку на гладиаторский тип активности демонстрирует всего 11,6 % студентов, когда говорят, что хотели бы заниматься политической деятельностью. Мотивацией здесь служит интерес к этому виду деятельности (2,2%), а так же желание принести пользу обществу и стране («это может принести пользу в будущем моей стране»;

<sup>1</sup> См. например, Вишневыский Ю. Р., Трынов Д. В., Шапко В. Т. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования / Соисс, 2009, №4. С. 108–117.



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTII

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

Т а б л и ц а 1. Степень политического участия студентов Мурманской области, в %. (N=421)

Формы политической вовлеченности	Регулярно участвую	Эпизодически участвую	Не участвую	Нет ответа	Итого
1. В деятельности политической партии	0,5	2,9	92,2	4,5	100
2. В предвыборной борьбе на стороне какого-то кандидата или партии	1,4	10,5	83,1	5,0	100
3. В коллективных акциях протеста (пикетах, митингах, забастовках и др.)	0,7	6,7	87,4	5,2	100
4. В сборе подписей под обращениями в органы власти и организации	1,2	12,6	80,8	5,5	100
5. В собраниях, организуемых политическими партиями или иными общественно-политическими объединениями	0,2	7,4	87,6	4,8	100
6. В собраниях, встречах, пресс-конференциях, организуемых представителями политической элиты (мэром, губернатором, депутатами Областной Думы, Городского Совета и др.)	0,5	18,5	76,5	4,5	100
7. В выборах разных уровней (федеральных, региональных, муниципальных)	37,3	32,3	27,1	3,3	100

«хочу внести свою лепту в деятельность (функционирование) государства», «нужно менять нашу жизнь к лучшему и поднимать авторитет нашей страны», «я знаю, как вернуть былое величие страны», «хочу изменить жизнь народа» — 4,7%). Однако большинство студентов (62,6%) не хотели бы включаться в политические отношения и в качестве главной причины здесь можно обозначить отсутствие интереса к политике — до четверти от всех опрошенных (25,8%) указывают именно на эту причину. Часть студентов считают политику сферой повышенной сложности и ответственности — 6,9% («не разбираюсь в экономике, политике», «очень сложно», «это сложная деятельность, требующая много сил, времени, знаний и опыта», «не хочу брать на себя ношу»).

Негативная установка на политику и политическую деятельность обусловлена представлениями в среде студентов о сфере политики как о сфере нечестной игры, обмана и грязи («слишком грязное это дело», «врать так не умею», «врать всему народу России считаю ниже меня», «не люблю болтать, а люблю действовать»). Такие же установки демонстрирует и часть студентов относительно института выборов, объясняя уклонение от участия в голосовании отсутствием доверия этому демократическому институту: «всё давно уже подсчитано», «от наших голосов ничего не зависит», «всё будет так, как пожелает политическая элита», «считаю, что всё решено без меня»; отсутствием достойных кандидатов на тот или иной пост («нет того, за кого можно голосовать, т. е. нет надежды и уверенности в людях», «нет достойного кандидата», «не разделяю взгляды кандидатов», «безальтернативность выборов в России»).

При этом следует отметить, что абсолютное большинство студентов следит за новостями политики, из которых 18,5% делают это регулярно, а 67,3% — время от времени. Политически ориентированные передачи смотрят регулярно 10,5% студентов и 53,5% делают это иногда. На открытый вопрос о том, что какие темы интересуют студентов в СМИ, политические радиопередачи составили 14,3% в общем списке тем, политически ориентированные статьи в прессе — 24,8% и политически ориентированные передачи ТВ — 45,3%. Полученные эмпирические данные, таким образом, свидетельствуют о том, что

студенты в большинстве своем демонстрируют зрительский тип политической активности и примерно четверть — полную аполитичность.

Партийные предпочтения и партийная самоидентификация. Политические партии и многопартийность — это те политические инструменты, которые, наряду с некоторыми другими, позволяют индивидам, рядовым гражданам выходить на уровень властных отношений, участвовать в системе политических взаимодействий в качестве субъекта политики. Тем самым политическую партию следует рассматривать, как институт политического соучастия граждан. Однако существующие исследования выявляют слабую вовлеченность россиян в деятельность каких бы то ни было общественно-политических объединений, включая и политические партии. В нашем исследовании по студенчеству мы уделяли внимание таким аспектам, как знание политических партий РФ, партийные предпочтения и тип партийной поддержки. Анализ ответов на открытый вопрос о политических партиях, действующих в политическом пространстве России, показал хорошую осведомленность студентов. Верхние позиции рейтинга знания политических партий занимают Единая Россия 98,3%, ЛДПР 97,6%, КПРФ 94,7%, Справедливая Россия 90,1%, Яблоко 84,3%. Замыкают рейтинг партии Правое дело 48,6% и Патриоты России 44,0%. При этом абсолютное большинство (до 60 %) не поддерживает ни одну из семи представленных в исследовании политических партий либо настроено безразлично. Среди партий наибольшей поддержкой студентов пользуется лишь партия ЛДПР — её электоральная поддержка составляет 41 %. (см. таблицу 2)

В исследовании вопрос о партийных предпочтениях детализировался вопросом о типе поддержки политических партий их сторонниками. При конструировании инструмента мы опирались на типологию Д. Истона, который выделял идеологическую и персональную легитимность. Иначе говоря, это вопрос о субъективных причинах поддержки политических партий сторонниками. Идеологическая легитимность с точки зрения Д. Истона основывается на вере в основополагающие ценности общества и политического порядка, а персональная легитимность характеризуется доверием граждан к лицам, исполняющим властные функции. Если обращаться к типу поддерж-



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTYI

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

Т а б л и ц а 2. Партийные предпочтения студентов Мурманской области, в %. (N=421)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Правое Дело	Яблоко	Патриоты России	Справедливая Россия
поддерживаю	20,7	25,4	41,0	3,1	12,0	4,6	27,3
не поддерживаю	56,4	34,3	28,3	25,3	27,0	22,3	25,8
безразличен	15,5	31,4	24,3	37,2	48,6	39,8	36,6
не знаком с такой партией	0,5	0,7	0,2	25,5	4,5	23,3	1,7
затрудняюсь ответить	6,9	8,2	6,2	8,8	7,9	10,1	8,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ки политических партий среди студентов, то преобладающей оказывается идеологическая легитимность (в анкете это такие эмпирические индикаторы, как приверженность принципам, ценностям, идеям, программе, деятельности партии) нежели персональная легитимность, связанная с доверием и симпатией к партийным лидерам. Из общего ряда здесь выделяются партии ЛДПР и Единая Россия, показатели персональной легитимности которых выше в сравнении с остальными партиями (см. таблицу 3).

действия с конкретным реальным «политическим другим» (в исследовании — политическими партиями РФ), для чего была создана модельная ситуация. Политическая толерантность понималась как уважение политического оппонента, признание права на существование для различных политических сил, взглядов. При этом теоретическую основу интерпретации составила либеральная парадигма толерантности (Дж. Локк, И. Кант, Дж. Ст. Милль), которая в качестве границ толерантного поведения устанавливает нормы права. Теоретико-методологическую ос-

Т а б л и ц а 3 — Типы легитимности политических партий РФ в среде студенчества Мурманской области, в %. (N=421)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Правое Дело	Яблоко	Патриоты России	Справедливая Россия
персональная легитимность	5,7	0,5	13,5	0,2	1,2	0,5	4,3
идеологическая легитимность	10	19,2	20,7	1,9	8,6	2,4	17,8
другое	2,9	1,9	2,1	0	0,7	0,5	0,2
затрудняюсь ответить	1,7	3,1	3,6	1	1	1,2	4,5
нет ответа	0,7	1,2	1,2	0,5	0,7	1	1
вопрос неприменим	79,1	74,1	58,9	96,4	87,9	94,5	72,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Резюмируя, хочется отметить, что партийные предпочтения были слабо выражены среди студентов в условиях, когда партийная система была образована семью партиями (на момент исследования официальный статус политической партии имели Единая Россия, ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия, Яблоко, Правое дело и Патриоты России). Вопрос о том, как отразились законодательные изменения 2012 г. и значительное увеличение количества политических партий на российской многопартийности и партийных предпочтениях граждан, остается открытым. По состоянию на 27 февраля 2014 г. количество партий по данным МИНЮСТА РФ составило 76. Такая ситуация очень напоминает многопартийность 90-х гг., когда избыток политических партий приводил к дезориентации российских граждан, нежели к реальному политическому плюрализму и политической конкуренции. Рядовому гражданину было очень трудно разобраться в таком количестве партий, многие из них существовали скорее формально, нежели реально.

Политическая толерантность. В исследовании определялась политическая толерантность студентов, при этом рамки эмпирического исследования были ограничены одним видом политической толерантности — партийной толерантностью. Исследование позволило выявить значение принципов политической толерантности для студентов, а также проверить, насколько респонденты привержены этим принципам в условиях взаимо-

нову исследования ценностей и установок составили идеи теории социальной установки, связанной с именами У. И. Томаса, Ф. Значецкого, Р. Лайкерта, Л. Терстоуна, В. Парка, Г. Олпорта, Р. Лапьера, В. А. Ядова и ряда других авторов. Замысел исследования состоял в том, чтобы сбор первичной информации пришелся на промежуток между двумя выборами федерального значения: парламентских (декабрь 2011) и президентских (март 2012). Обозначенный временной промежуток описывается, как активная избирательная борьба разных политических сил, конкуренция за внимание и поддержку избирателей и, как следствие, повышенное внимание общественности к вопросам политической жизни, связанное с необходимостью для электората политического выбора. Это те условия, когда интенсивнее всего актуализируется так называемый «политический другой». Интерес представлял вопрос о том, насколько актуализируются ценности и установки политической толерантности в обществе в условиях политической конкуренции. Политика — это сфера сама по себе сфера повышенной конкуренции, поскольку она связана с борьбой за политическую власть и влияние. Избирательный процесс еще более актуализирует эту конкуренцию и политического другого, поскольку само пространство выборов и означает эту конкуренцию между «политическими врагами» (если пользоваться терминологией К. Шмитта). Специально в целях исследования были сконструированы и проверены на валидность шкалы, по-



ВИЦЕНТИЙ Ирина Викторовна/ Irina VICENTII

| Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области |

звояющие измерить выраженность ценностей и установок политической толерантности у студентов. Основу их составила методика Р. Лайкерта (шкала суммарных оценок), достоинством которой среди прочих является то, что она позволяет выявить степень значимости для респондента того или иного предмета или явления.

Частотный анализ ответов респондентов отдельно по каждому суждению показал, что в большинстве своем студенты придерживаются ценностей политической толерантности, среди которых ценность многопартийной системы, конкуренции политических партий, принципа парламентаризма и политического плюрализма. Методика также позволила получить общий индекс политической толерантности для каждого из опрошенных и посчитать средний балл по группе. Соотношение групп студентов с точки зрения выраженности у них ценностей политической толерантности имеет следующий вид: доля студентов, для которых ценности политической толерантности имеют малое значение составила 2,7%, среднее значение — 26,9% и высокое значение — 70,4%. Отсюда видно, что для преобладающего большинства опрошенных ценности политической толерантности имеют важное значение.

В исследовании предполагалось замерять установки на толерантность у студентов в отношении российских политических партий. Использовался позиционный подход, поэтому в качестве объекта установки выступили политические партии, имеющие такой статус формально, т. е. официально зарегистрированные на момент социологического опроса.

Индекс политической толерантности студентов для всей выборочной совокупности составил 37,6 баллов. Так как значение индекса по шкале могло варьироваться в пределах от 18 (min) до 72 (max) баллов, где интервал от 18 до 36 баллов характеризовал низкий уровень партийной толерантности, от 37 до 54 — средний и от 55 до 72 — высокий, то получается, что можно говорить о среднем уровне толерантности у студентов отношении российских политических партий. Анализ выявил, что соотношение подгрупп студентов, демонстрирующих низкий, средний и высокий уровни толерантности, составляет соответственно 43,1 %, 51,9 % и 5 %. Как видно, доля студентов, демонстрирующих установки толерантности к политическим партиям крайне мала в сравнении с остальными подгруппами. Одновременно относительно многочисленна подгруппа студентов, настроенных интолерантно в отношении российских политических партий.

Результаты исследования оказались интересными, поскольку, с одной стороны принципы политической толерантности имеют значение для абсолютного большинства опрошенных, но одновременно они не актуализируются в условиях взаимодействия с конкретным политическим другим — на уровне установки политической толерантности студенты в большинстве своем интолерантны в отношении конкретных политических партий РФ.

Подводя итог полученным результатам по некоторым аспектам политической культуры студенчества Мурманской

области, хочется отметить, что они вполне согласуются с общероссийскими исследованиями. Политическую культуру студентов Кольского Севера описывает зрительский тип, где речь идет скорее о позиции наблюдателя политических событий, нежели активном политическом участнике. Политическая вовлеченность студентов увеличивается лишь в периоды выборов и носит эпизодический характер.

Хочется отметить, что сегодня существенно возрастает роль культурной политики в рамках государственной социальной и молодежной политики, в частности, связанной с профилактикой ксенофобии, экстремизма, насилия и ненависти в обществе. С молодежью должна вестись усиленная работа по профилактике экстремизма, поскольку специфика обозначенной социальной общности задается её возрастными особенностями. Молодёжь является той социальной и культурной общностью, которая, в силу своего возраста, отличается крайним максимализмом и радикализмом в суждениях, недостаточным социальным опытом, несформированностью ценностных ориентаций, пограничным положением между группой взрослых и группой детей (еще не взрослый, но уже и не ребёнок). Молодой человек пытается конструировать свой мир, отличный от мира взрослых, что зачастую может выражаться, в том числе в противостоянии структуре, нормам. Т. е. возраст этой социальной группы задаёт априори склонность к конфликтности, экстремизму и проявлениям интолерантного поведения. С другой стороны, молодёжь нельзя рассматривать как некую внутренне недифференцированную группу. Сегодня можно говорить о существовании различных молодёжных субкультур. Студенческая общность является частью молодёжи, но частью высокоинтеллектуальной. Обладая атрибутивными чертами молодёжной субкультуры в целом, студенчество имеет и некоторые отличия. С одной стороны находится в процессе приобретения профессии, занимается интеллектуальным трудом. С другой стороны еще не имеет профессионального статуса. Как показывают исследования, среди участников движений можно выделить группы по следующим признакам: полу, возрасту, формам занятости, категориям учащихся и работающих. Особую общественную опасность представляют манипуляции экстремистскими настроениями молодежи со стороны различных политических сил.

В этих условиях существенно возрастает роль инструментов культурного воспитания и профилактики экстремизма в молодежных группах. К таковым относятся социальные институты, выполняющие функцию культурных трансляторов в обществе: СМИ, институты образования и др., и конкретные действия, например такие, как мероприятия по формированию у подрастающего поколения уважения к представителям других национальностей и религиозных воззрений; введение в образовательных учреждениях курсов, воспитывающих у подрастающего поколения понимание, что многокультурность при наличии толерантности — фактор стабильного развития общества; воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости, патриотизма и толерантности и др.



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

| A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

Sweden, Gothenburg; United Kingdom, Warwick  
Faculty Chair in Peace and Development, University of Gothenburg and  
Professor of Politics and International Studies, University of WarwickШвеция, Гетебург; Великобритания, Варвик.  
Декан факультета мира и развития университета Гетебурга (Швеция).  
Профессор политических и международных исследований университета Варвика, (Великобритания)

## A TRANSCULTURALIST PATH TO DEMOCRATIC GLOBAL COOPERATION

The problem of attaining global cooperation amidst cultural diversity is frequently and often urgently affirmed. However, the main existing prescriptions for handling cultural diversity in global politics — namely, liberal cosmopolitanism, multiculturalism and interculturalism — each have major deficiencies. An alternative politics of cultural diversity — here termed transculturalism — takes a different approach by engaging the divergence of life-worlds not as a problem for global cooperation, but as a positive opportunity for forging creative collaboration. Core principles of the proposed transculturalist framework include intense reflexivity, explicit attention to culture/power links, recognition of cultural complexity, embrace of cultural diversity, cultivation of humility, deep listening, and reciprocal learning for positive change. Transculturalism offers significant promise for furthering constructive global cooperation, although the approach is by itself no panacea, and its implementation faces major challenges.

**Key words:** *cosmopolitanism; global democracy; global governance; globalization; interculturalism; legitimacy; multiculturalism; transculturalism*

### Путем транскультурализма: к демократии глобального взаимодействия

Проблема достижения глобального взаимодействия и сотрудничества в ситуации культурного разнообразия обсуждается довольно часто. При этом, основные понятия, применяющиеся для исследования культурного многообразия в культурной политике — такие как либеральный космополитизм, мульти- и интеркультурализм, — имеют свои недостатки. Альтернативная политика культурного разнообразия, называемая здесь транскультурализмом, предполагает иной подход, вовлекающий различающиеся между собой жизненные миры, не в качестве проблемы глобального взаимодействия, но как позитивную возможность достижения креативной коллаборации. Базовые принципы предлагаемого транскультуралистского подхода включают повышенную рефлексивность, пристальное внимание к взаимоотношениям культуры и власти, признание сложности культуры, необходимости охвата всей полноты культурного разнообразия, воспитание смирения, внимательного вслушивания, а также взаимообучение позитивным изменениям. Транскультурализм обещает возможность содействия конструктивной глобальной кооперации, хотя сам по себе подход, безусловно, не является панацеей и его реализация требует преодоления множества вызовов.

**Ключевые слова:** *космополитизм, глобальная демократия, глобальное управление, глобализация, интеркультурализм, легитимация, мультикультурализм, транскультурализм*

Global cooperation is a vital need in contemporary society and politics. A host of pressing concerns today demand enlarged and strengthened global-scale responses. Examples of issues with a planetary scope include arms control, demographic trends, digital communications, ecological changes, employment, energy supplies, finance, food security, health, migration, taxation, trade, and more.

A vital condition for effective global cooperation is legitimate governance. People are more able and willing to collaborate in

respect of global problems when they endorse the framework in which that collaboration is pursued. Governance — i. e. arrangements for the regulation of one or the other issue-area — is normatively as well as practically more sustainable when the affected people accord the regime legitimacy. Governance that lacks legitimacy — which does not have the consent of the governed — generally fails to obtain the necessary commitment and resources for effective collective action. Indeed, regimes without legitimacy tend



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

## | A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

to survive only by trickery, coercion and violence towards their publics.

Shortfalls in legitimacy are a particular difficulty for contemporary global governance. On the whole publics have to date not ascribed legitimacy to global governance in anywhere like the degrees that people have generally accepted the authority of nation-states and local governments. As a result, global regimes have generally struggled to acquire the mandates and resources required to deliver effective global policy, and major detriments to decent human lives and a good society remain insufficiently addressed.

Arguably one of the greatest challenges for the construction of legitimacy in global governance is cultural diversity. Although a variously interpreted and deeply contested concept,<sup>1</sup> 'culture' can for present purposes be taken to cover processes of the social (re) formulation, expression, communication, reception and (re)negotiation of meanings. Every instance of collective human existence has aspects of intersubjective meaning-making. Culture is how people come jointly to know and imagine their situation: how they define, describe, explain and evaluate their circumstances to one another.

As the social construction of life-worlds, life-ways and life-styles, culture involves a combination of mental processes and physical performances. It involves interrelations of semantics and behaviours, consciousness and displays. Intersubjective meaning-making transpires through speech, gesture, music, architecture, dress, ritual — indeed, through any social practice.

As such, culture has far-reaching implications for other core dimensions of social relations, including ecology, economics, psychology, politics, space and time. Culture — the social construction of meaning — affects the ways that people relate to the wider web of life (ecology); the ways that people manage resources (economy); the ways that people imagine their being, becoming and belonging (psychology); the ways that people govern their collectivities (politics); the ways that people map and enact space (geography); and the ways that people demarcate and experience time (history). Thus, although culture is not the primary and sole determinant of social life, its presences and influences are pervasive.

Culture shows substantial variation across global publics. The inhabitants of global domains know and enact their circumstances in diverse and sometimes incommensurable ways. Global politics is steeped in divergent coherences: different ways of making sense of the world, each with its own internal integrity. Cultural pluralism has long marked — and sometimes tested — social fabrics within countries and localities, but on a planetary scale divergences of life-worlds are still more numerous and deep. Even if contemporary globalisation has brought greater transplanetary standardisation in some practices, as the Stanford school of 'world society' has documented,<sup>2</sup> great cultural heterogeneity persists and shows little sign of receding.

Moreover, cultural diversity can be positively valued. The principle that people pursue different trajectories of knowing the world, according to their variable contexts and inclinations, could be regarded as a cornerstone of human dignity. In addition, cultural di-

versity — by providing a broad range of knowledges and practices — arguably offers important resources for the advancement of other core values of a good society, such as democracy, distributive justice, ecological integrity, moral conduct, peace, solidarity and well-being. In this sense cultural homogenisation would greatly narrow human possibilities. Exposures to and engagements with cultural diversity also make human existence that much more interesting, dynamic and challenging.

Cultural variations in global spaces relate *inter alia* to diversities of age, class, (dis)ability, faith, gender, geography, indigeneity, institution, language, nationality, pastime, race, sexual orientation and vocation. In this sense cultural pluralism in global politics involves much more than national differences or a so-called 'clash of civilisations'.<sup>3</sup> The social construction of meaning involves complex intersections of multiple vectors. For instance, an elderly black poor Muslim woman advocating for the mentally ill in rural Uganda understands the world in ways that are on many points incommensurable with those of a young white secular male pharmaceutical patents lawyer in the City of London. Yet both are constituents in global regimes of health.

As the example just given illustrates, the multifarious cultural positions do not enter global spaces on a basis of equality. Encounters of cultural difference are steeped in hierarchical power relations. Some life-worlds have structurally privileged positions relative to others. Dominant rationalities exercise greater claims to truth and normality, while marginal meanings are little acknowledged or respected. To the extent that these cultural hierarchies and exclusions are arbitrary they contradict cognitive justice and (global) democracy, where all affected people would expect to have equivalent opportunities for participation and control.<sup>4</sup>

Thus it is a first-order challenge for global cooperation to consider how global regulatory apparatuses can obtain legitimacy when: (a) the people who are subject to them hold (highly) varying understandings of relevant conditions and how those circumstances are (or should be) handled; and (b) some cultural positions are summarily and arbitrarily subordinated. How can different life-worlds be accommodated in manners that allow all parties in their different ways to regard the global governance arrangements as legitimate? To underline again: absent such legitimacy, the effectiveness and justice of global cooperation are compromised, and a host of vital problems such as climate change and food security are inadequately addressed.

### Monoculturalism, Multiculturalism, Interculturalism and Their Problems

Until now most theorists and practitioners of global governance have largely denied or avoided issues of cultural diversity. Denial has been the response of liberal-universalist cosmopolitanism. Avoidance has been the response of communitarianism. Neither of these two main conventional approaches to questions of culture in world politics is sustainable in contemporary circumstances of pressing global concerns. A third more recently suggested alternative, that of interculturalism, does not go far enough in developing the pos-

<sup>1</sup> W. H. Sewell, 'The Concept(s) of Culture', in V. Bonnell and L. Hunt (eds), *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture* (Berkeley: University of California Press, 1999), 35–61.

<sup>2</sup> G. Krücken and G. S. Drori (eds), *World Society: The Writings of John W. Meyer* (Oxford: Oxford University Press, 2009).

<sup>3</sup> S. P. Huntington, 'The Clash of Civilizations?' *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3 (Summer 1993), pp. 22–49.

<sup>4</sup> B. de Sousa Santos (ed.), *Cognitive Justice in a Global World* (Lanham: Lexington, 2007).



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

## | A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

sibilities of cultural diversity for global cooperation. The following characterisations of the three models are admittedly condensed and simplified, but they suffice to identify core shortcomings of existing approaches to cultural diversity in global politics.

Liberal cosmopolitanism is a widely favoured approach to building global cooperation, particularly for mainstream understandings of world politics in Europe and North America.<sup>5</sup> This perspective has in effect denied cultural diversity, holding that western-modern knowledge of society and politics could and should be the reference point and life-way for all parties to global problems. For liberal cosmopolitans, western-modern constructions of democracy, development, rule of law, human rights and social justice have — or ought to have — universal currency as the basis for legitimate global governance. To the extent that others do not live up to these norms they are in liberal-cosmopolitan eyes ‘backward’ in historical development and must ‘catch up’ with western modernity.

However, liberal-cosmopolitan monoculturalism is unviable in today’s world. Even if transplanetary cultural convergence on a western-modern framework were appealing (which is a matter for ethical debate), it is not in prospect. Many inhabitants of other life-worlds across the globe do not accept or desire Enlightenment knowledge and regard its promotion as a western-imperialistic imposition. Moreover, currently unfolding shifts in global political-economic power away from Euro-American primacy suggest that the material basis for assertions of liberal-universalist cosmopolitanism is weakening. Global legitimacy grounded on western modernity does not obtain sufficient purchase across the culturally diverse publics that need to cooperate on questions of disease control, energy supply, financial regulation, etc.

True, some recent liberal-cosmopolitan thinking in the vein of ‘deliberative democracy’ has sought to achieve greater acknowledgement of, and voice for, diverse identities and interests in global politics.<sup>6</sup> However, theorists in this vein have mostly avoided the issue of cultural diversity: namely, how to handle the variety of life-worlds that enter the deliberation. Nor have proponents of deliberative democracy — themselves situated at the core of social privilege within western modernity — critically interrogated the cultural framing of their own position. Nor have they developed their propositions by working through deep encounters with cultural difference in their own research and practice. To this extent concepts of deliberative democracy have so far retained a liberal universalism which assumes itself to be ‘above culture’.

The main alternative to liberal-cosmopolitan monoculturalism, communitarianism, suggests that humanity can be divided into neatly circumscribed cultural groups who best lead separate lives in a spirit of mutual tolerance.<sup>7</sup> This ‘multicultural’ prescription suggests that encounters of different life-worlds should be limited and cautious, since deeper contacts across cultural lines readily

breed contaminations, conflicts, fears and violence. In communitarian eyes ‘global legitimacy’ — a situation where all parties consent to the same apparatus of global governance — is an impossibility. Communitarian visions generally sit well with sovereignty discourses and statist governance, where global cooperation is pursued through narrow channels of formal intergovernmental diplomacy.

The problem with communitarian multiculturalism is that, even if this formula were attractive and desirable (which, again, is a matter for normative discussion), it is not feasible in today’s much more global world. The quantity, range, frequency, speed, intensity and impact of global connections have reached levels that make communitarian cultural separatism unsustainable. Moreover, contemporary global policy challenges require far greater communication and negotiation across cultural diversities than can be achieved through old-style interstate diplomacy. Already participation in global governance processes now ranges far beyond traditional foreign policy elites to wider official circles, commercial actors, and a large swath of civil society and social movements.

A third approach to cultural diversity in global politics, that of interculturalism, improves upon monoculturalist liberal-cosmopolitanism and multiculturalist communitarianism in the sense of positively rising to the challenge of forging global cooperation out of a plurality of life-worlds. Interculturalism maintains that, with carefully pursued cross-cultural communication and negotiation, the destructive potentials of ‘clashing civilisations’ can be avoided. This approach offers a third way in cultural politics between assimilation and segregation. Indeed, interculturalism maintains that mutual recognition, respect, listening and learning across cultures can contribute to greater global cooperation among diverse groups.<sup>8</sup>

While interculturalism provides a more hopeful vision than the predominant two approaches, this alternative too has its shortcomings. For one thing, interculturalism replicates multiculturalism’s unsustainable assumption that culture maps onto neatly separable groups, when in practice cultures are intrinsically overlapping and intersecting. In addition, interculturalism tends to downplay the degree to which the negotiation of cultural differences is subject to power relations. Parties do not enter intercultural exchanges on an equal footing, and these hierarchies must be sensitively addressed if sustainable global cooperation is to result. In a similar vein, interculturalism can overoptimistically overlook that some cultural differences are unavoidably a source of deep conflict. There are occasions where good will is not enough to forge intercultural agreement.

Thus more ambitious alternatives in cultural politics are needed if urgent demands for enhanced global cooperation are to be met. The monoculturalism of liberal cosmopolitanism, the multiculturalism of communitarianism, and the middle path of interculturalism are none of them fit for this purpose. A different approach would need fully to acknowledge and thoroughly to engage circumstances of cultural diversity and difference in global politics.

## A Transculturalist Alternative

One possible alternative cultural politics for global legitimacy and deeper global cooperation could be pursued under the label of ‘transculturalism’. This vocabulary signals a departure from mul-

<sup>5</sup> Cf. D. Archibugi, *The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy* (Princeton: Princeton University Press, 2008); G. W. Brown and D. Held (eds), *The Cosmopolitanism Reader*. Cambridge: Polity, 2010).

<sup>6</sup> J. Bohman, *Democracy across Borders: From Dêmos to Dêmoi* (Cambridge, MA: MIT Press, 2007); J. S. Dryzek, *Foundations and Frontiers of Deliberative Governance* (Oxford: Oxford University Press, 2010).

<sup>7</sup> Cf. C. Taylor, *Multiculturalism and ‘The Politics of Recognition’* (Princeton: Princeton University Press, 1992); D. Miller, *On Nationality* (Oxford: Oxford University Press, 1995).

<sup>8</sup> T. Cante, *Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity* (Basingstoke: Palgrave, 2012); C. Taylor, ‘Interculturalism or Multiculturalism?’ *Philosophy & Social Criticism*, 38 (4–5) May 2012.



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

## | A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

ticulturalism, monoculturalism and interculturalism. The prefix 'trans' suggests a focus on movements across diversities. The invitation is then to develop guiding principles and concrete practices of transculturality which could contribute to wider and deeper global democratic legitimacy — and thereby promote global cooperation on terms that were more agreeable to all parties.

Ideas of 'trans-culture' are not completely new, of course. Already in 1940 the anthropologist Fernando Ort z coined the term 'transculturation' as a way to discuss mixes and mergers of life-worlds.<sup>9</sup> Talk of the transcultural has returned in the contemporary Latin American scholarship of Arturo Escobar, Walter Mignolo and others.<sup>10</sup> Since 1990 the philosopher Wolfgang Welsch has developed a conception of transculturality as an alternative to multiculturalism and interculturalism.<sup>11</sup> Likewise, Jeff Lewis has invoked a language of 'transculturalism' to construct an alternative knowledge and politics of cultural studies,<sup>12</sup> while Richard Slimbach has called on the concept to enrich experiences of international education.<sup>13</sup> Drawing on Native American life-ways, John Brown Childs has developed notions of 'cooperative heterogeneity' under the label of 'transcommunalism'.<sup>14</sup> The principles elaborated below in the language of 'transculturalism' also resonate with various aspects of Jan Nederveen Pieterse's analysis of 'globalisation as hybridisation' and Chantal Mouffe's discussion of 'multipolarity'.<sup>15</sup>

That said, the conception of transculturalism discussed below also offers a distinctive take on ethics and politics of cultural diversity. One or more of the seven core tenets echo parts of earlier formulations of transculturality, but this particular assemblage of principles is not replicated elsewhere. Moreover, unlike previous work, ideas of transculturality are here specifically related to the furtherance of legitimate and effective handling of global problems. It might also be noted that the perspective elaborated below was mostly articulated before reading other literature on transculturalism. The ideas have mainly emerged from the present author's own practices and experiences of working across multiple and intense diversities, especially in projects on 'Civil Society and Democracy in the Global Economy' (2001–5) and 'Building Global Democracy' (2008–14).<sup>16</sup>

<sup>9</sup> F. Ortíz, *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar* (Durham, NC: Duke University Press, 1995 [1940]).

<sup>10</sup> W. D. Mignolo and F. Schiwy, 'Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation', in T. Maranhao and B. Streck (eds), *Translation and Ethnography: The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding* (Tucson: University of Arizona Press, 2003), pp. 12–34.

<sup>11</sup> W. Welsch, 'Transculturality — The Puzzling Form of Cultures Today', in Mike Featherstone and Scott Lash (eds), *Spaces of Culture: City, Nation, World* (London: Sage, 1999), pp. 194–213.

<sup>12</sup> J. Lewis, 'From Culturalism to Transculturalism', *Iowa Journal of Cultural Studies*, vol. 1, no. 1 (2002), pp. 14–32.

<sup>13</sup> R. Slimbach, 'The Transcultural Journey', *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*, vol. 11 (August 2005), pp. 205–30.

<sup>14</sup> J. B. Child, *Transcommunalism: From the Politics of Conversion to the Ethics of Respect* (Philadelphia: Temple University Press, 2003).

<sup>15</sup> J. N. Pieterse, 'Globalisation as Hybridisation', *International Sociology*, vol. 9, no. 2 (June 1994), pp. 161–84; C. Mouffe, 'Which World Order: Cosmopolitan or Multipolar?' *Ethical Perspectives*, vol. 15, no. 4 (2008), pp. 453–67.

<sup>16</sup> J. A. Scholte, *Democratizing the Global Economy: The Role of Civil Society* (Coventry: Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation, 2004) — at [www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgr/projects/englishreport.pdf](http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgr/projects/englishreport.pdf); J. A. Scholte, 'Reinventing Global Democracy', *European Journal of International Relations*, 20 (1) (March 2014): 3–28; and website of the

The following paragraphs identify seven pillars of transculturalist ethics and politics: namely, insistence on reflexivity; acknowledgement of culture/power relations; recognition of complexity; celebration of diversity; cultivation of humility; promotion of deep listening; and reciprocal learning for positive change. Challenges of implementing this set of principles are discussed in a subsequent section.

The first of the proffered seven cornerstones of transculturalism, *insistence on reflexivity*, in many ways sets the tone for the other six. Reflexivity is a form of critical self-reflection which is constantly alert to, and questioning of, the particularity (i. e., not universality) of one's ideas and practices.<sup>17</sup> Reflexive thinkers continually make their assumptions explicit and constantly relate their knowledge and behaviour to their specific context: their time, their place, their language, their faith, their class, etc. With reflexivity any presumption that a person can hold a 'supra-cultural' truth is abandoned. Instead, reflexivity breeds an acute awareness — a hearing aid — that one's own grounds for legitimate global-scale governance may not be shared by (most) others. Negotiation of cultural differences towards global cooperation can be facilitated when, through reflexivity, parties are more keenly attuned to precise character of their differences. A searching self-consciousness of this kind, including a sensitive relativisation of one's position, is generally lacking in assimilationist, multiculturalist and interculturalist approaches to cultural diversity.

The second anchor of a transculturalist alternative, *acknowledgement of culture/power relations*, means understanding that the social construction of meaning is always suffused with enabling and disabling potentials for the parties involved. Thus culture invariably involves power dynamics, whether overt or implicit. This attention to power is less pronounced (or absent altogether) in other approaches to cultural diversity. For transculturalist politics it is particularly important to identify, highlight and interrogate structural inequalities that can prevail among different life-worlds, especially in situations where a hegemonic construction (e. g. of 'development' or 'God') arbitrarily marginalises other rationalities that may have their own coherence and integrity. In a transculturalist mode, parties to global encounters make explicit, underline and question that their own and other life-ways can have built-in (dis)advantages. The interlocutors moreover appreciate that cultural subordinations can breed anger, suspicion and resistance on the part of the silenced. Furthermore, actors in dominant cultural positions who enter global conversations in a transculturalist spirit accept an obligation to unlearn and discard their arbitrary privileges. Sustainable global cooperation is advanced to the extent that the parties are open and honest about cultural power hierarchies in their relationships, refuse opportunities to abuse unfair advantages, and strive in principle to accord all cultural positions equal opportunities for respect and voice.

A third pillar of transculturalism, *recognition of complexity*, entails an appreciation that culture is not (as multiculturalist and interculturalist approaches would generally have it) manifested in neatly bounded and mutually exclusive populations, where homogeneity reigns inside each group and binary opposition prevails between them. In global politics as actually lived, culture involves not clear-

Building Global Democracy programme, [www.buildingglobaldemocracy.org](http://www.buildingglobaldemocracy.org).

<sup>17</sup> P. Bourdieu and L. J. D. Wacquant, *An Invitation to Reflexive Sociology* (Chicago: University of Chicago Press, 1992).



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

## | A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

ly delimited, discrete and fixed spheres, but porosity, intersections, overlaps, permutations and movements.<sup>18</sup> To box political subjects into singular, artificially uniform and fixed cultural categories (e. g. 'Asian', 'Black', 'Indigenous', 'Islamic', 'Western', 'Woman', 'Youth') imposes divisions, exaggerates oppositions, and denies dynamism. In contrast, transculturalist recognition of complexity allows each person their own particular multidimensional moving life-world, where culture is an evolving interplay of multiple tendencies which cannot be reduced to separate constituent parts. Appreciation of cultural complexity invites deeper exploration of, and more careful communication with, counterparts in global politics. The resulting more nuanced and open understanding of both self and other selves can lay firmer ground for global cooperation.

A fourth mainstay of transculturalism, *celebration of diversity*, suggests that pluralism in life-worlds is not only recognised, but also in principle positively embraced and actively promoted. In contrast to monoculturalism, multiculturalism and interculturalism, transculturalism does not regard difference as a problem that can at best be 'tolerated'. Rather, cultural pluralism is enthusiastically welcomed as a creative resource. Encounters of diverse life-worlds are regarded as opportunities to develop new insights, to open wider potentials, to discover alternative answers. By providing multiple and dynamic responses to global problems, furtherance of cultural diversity might even be key to the survival of humankind and other life. In transculturalism global cooperation is not made contingent upon a consensus around meaning. In principle diverse understandings of, and practices towards, the same global issue can be pursued side by side in complementary fashion. From a transculturalist perspective it is not necessary — and on the contrary anti-democratic — to force all global constituents into a single cultural mould. Rather, in what Child calls 'coordinated autonomy', people can achieve mutual support vis- -vis global challenges while maintaining distinctive life-ways.<sup>19</sup>

A fifth building block for transculturalism is *humility in the face of difference*. For all that cultural diversity might be celebrated in principle, situations arise where different constructions of meaning are incommensurable. Sometimes these radical divergences (e. g. around certain habits of diet and dress) remain fairly innocuous and can be readily accommodated. However, other incommensurable differences are unpalatable to the parties, triggering moral aversion and impulses to deny the other. On these occasions transculturalism prescribes humbleness. Thus, instead of immediately adopting a stance of confrontation and affirming one's own greater virtue — as liberal cosmopolitans and multiculturalists can be prone to do — parties to transcultural communication and negotiation acknowledge the imperfections of their own life-ways and their severely limited comprehension of contrasting life-worlds. Awe at one's ignorance of most human experience, and wonder at the sheer scope of human creativity, can check impetuous dismissals of contrary life-worlds and encourage maximal accommodations of difference. In particular, people in dominant social positions (e. g. professional classes and northern countries) can recognise that presumptions of their own cultural superiority result largely from their power advan-

tages. Humility in transcultural politics entails an abandonment of any and all 'civilising missions', whereby a self-designated 'advanced culture' paternalistically imposes itself upon, and seeks to absorb, supposed 'backward peoples'. Transculturalist humility does not require one to accept every difference and to like others whose views and practices seem offensive. However, by discouraging hasty denigrations of difference, as well as its violent suppression, transculturalism can wherever possible nurture respectful co-existence. Global cooperation amidst cultural diversity is far more readily achieved among the humble than the self-righteous.

Humility facilitates a sixth core principle of transculturalism, namely the *promotion of deep listening*. In this approach, cultural difference is treated not as a black box (where the issue is ignored) or a Pandora's box (whose opening causes havoc), but as an impetus to a conversation.<sup>20</sup> Capacity to listen across diversities is a key skill that has been strikingly underdeveloped in modern global politics. Indeed, the ability to listen is arguably as important for global cooperation as expertise regarding legal instruments and policymaking processes. Veritable listening goes beyond polite nods (while one is mainly preparing one's own next words). Transcultural listening entails concentrated, careful and patient attention that strives maximally to hear, empathise with, receive from, and respond to counterparts. Paraphrasing Slimbach, one seeks to walk a while in another's mind, accepting the risks and uncertainties associated with not 'keeping to oneself'.<sup>21</sup> This deeper listening not only enlarges a listener's engagement with their interlocutor's experience, but also increases reflexive awareness of one's own life-world. Adapting from Paolo Freire, listening to oneself hearing the other can be an exercise in self-revelation.<sup>22</sup> This is not to suggest that any amount of listening can overcome certain cultural incommensurabilities. Still, a transcultural mode of listening equips parties better to develop actions on global issues that show honour and care for diversities and a mutual recognition that their respective lives are worth living. In this way transculturalist listening is an act of solidarity which, when practised on all sides, advances deep acquaintance and trust. Such a stance also leaves space for parties in global cooperation to pursue different responses with which each may be more comfortable.

Seventh and finally, transculturalism presumes that global cooperation is a process of ongoing *reciprocal learning for positive change* among diverse life-worlds. Transculturalism in this sense contrasts with monoculturalist liberal cosmopolitanism (which paints western modernity as an end of history beyond which further learning and change are not required) and multiculturalist communitarianism (which insists on the preservation of tradition). In contrast, transculturalism treats exchanges across cultural diversities as learning opportunities that can in turn promote positive social transformations, for example, towards increased distributive justice or greater ecological integrity. The interplay of diversities — particularly when approached with transculturalist emphases on re-

<sup>20</sup> Shiv Visvanathan, remark in the workshop 'Transcultural Constructions of Global Legitimacy', Centre for Global Cooperation Research, Duisburg, 13–15 November 2013.

<sup>21</sup> Slimbach, p. 220.

<sup>22</sup> P. Freire, *Pedagogia da Tolerancia* (São Paulo: Unesp, 2005); L. M. T. M. de Souza, 'Para uma redefinição de Letramento Crítico: conflito e produção de significação', in R. F. Maciel and V. Assis (eds), *Formação de Professores de Línguas — Ampliando Perspectivas* (Jundiaí: Paco Editorial, 2011).

<sup>18</sup> C. Stewart, 'Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture', *Diacritics*, vol. 29, no. 3 (Fall 1999), 40–62.

<sup>19</sup> J. B. Child, 'What Is Transcommunality?' (2007). Available at: [www.transcommunality.org/transcommunality.html](http://www.transcommunality.org/transcommunality.html).



Jan Aart SCHOLTE / Ян Арт ШОЛЬТЕ

## | A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation |

flexivity, complexity, openness, humility and listening — generates continual self-conscious cultural reconstructions. A transcultural outlook not only recognises the inherent dynamism of culture, but positively welcomes and fosters the creative potentials offered by mutual transformations. Engaging cultural diversity is an opportunity to discover that new ways are possible. Learning from another is at the same time an invitation to change the self. In this way ethics and politics of transculturalism can generate new insights and practices for enhanced global cooperation. The exercise does not normally lead to cultural convergence, however, as different parties take different lessons from the exchange and apply them to different contexts to generate different changes.

With the seven tenets set out above, transculturalism offers a stark alternative to the monoculturalism of liberal-modern cosmopolitanism and the multiculturalism of communitarianism. Transculturalism also confronts issues of complexity, power, difference and learning for transformation more directly and productively than interculturalism. The suggestion is that this fourth approach to cultural politics could better produce the forms and degrees of global cooperation that are needed to deal effectively with ecological degradation, financial regulation, health promotion, intellectual property, migration and so on.

### Towards Transculturalism in Practice

The preceding summary suggests that transculturalist principles could bring significant benefits for democratic global cooperation that are less available through other approaches to cultural diversity. More than cosmopolitanism, communitarianism and interculturalism, transculturalism can advance cultural vibrancy as a value in its own right. Diverse and dynamic culture is core to human flourishing in a good society: globally as well as nationally and locally. In addition, cultural vibrancy as fostered through transculturalism can advance other primary values in society. A situation where cultural diversity is recognised, celebrated and sensitively engaged towards mutual change is also a situation where democracy, distributive justice, liberty, peace and solidarity are more likely to thrive. In addition, humility, listening and learning across cultural differences could open new paths enhanced ecological integrity and material security for all. In short, the stakes for transculturalism are high and the gains potentially huge.

That said, transculturalism is not a panacea for democratic global cooperation. For example, a context such as Suriname, which shows many aspects of transculturalism in operation, is still a place that struggles with ecological damage, socioeconomic inequality, and fragile democracy.<sup>23</sup> Indeed, the personal and social changes that emerge from transculturalist exchanges need not automatically be for the better, or benefit everyone to the same degree. In some scenarios, transculturalism might be used as a hegemonic discourse that convinces subordinated groups to cooperate with dominant power. In this case transculturalism could legitimise injustice rather than resist and subvert it. Some critics might view United Nations initiatives such as the Permanent Forum on Indigenous Issues and

<sup>23</sup> P. B. Tjon Sie Fat, *Chinese New Migrants in Suriname: The Inevitability of Ethnic Performing* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009).

the UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions in the light of such cooptation, for example. So, for all that transculturalism might hold promise in principle, its pursuit in practice requires continual critical scrutiny.

Moreover, power inequalities may give some influential circles in global politics little interest even to attempt to enact transculturalism. For instance, transculturalism could be used to challenge existing global elites, who might see their privileges better served by the assimilationist demands of liberal cosmopolitanism. Meanwhile certain social movements may gain much of their strength through multiculturalist insistence on conserving an unproblematised 'tradition' and would therefore resist transculturalist tenets of complexity, humility, listening and change. Given these powerful counterforces, transculturalism needs well-positioned adept and committed advocates to move forward to implementation.

Where could these effective promoters of transculturalism be found? Who can be the agents of this wholesale reorientation in the politics of cultural diversity for the contemporary more global world? Different theories of global governance and global democracy would locate the potential agency at different sites. For example, conventional multilateralists would argue that any change in global politics needs to come from intergovernmental processes,<sup>24</sup> thereby suggesting that states (and in particular the stronger states) need to adopt transculturalism in order to advance this alternative. Newer multistakeholder approaches to global governance<sup>25</sup> would suggest that nonstate actors (e. g. civil society, mass media, political parties) could also seek to insert transculturalist politics into global policy processes. Ideas of world federalism<sup>26</sup> would propose that new cultural politics could be pursued through a global government and an accompanying global parliament, although such institutional designs may be impracticable for the foreseeable future. Theories of deliberative democracy<sup>27</sup> would propose that citizens operating in public spaces such as Occupy and the World Social Forum could foster transculturalism in practice. Theories of resistance would look for transformational agency either in a vanguard social movement (e. g. of women or the working class) or in a 'multitude' of intersecting counter-hegemonic forces.<sup>28</sup> Alternatively, the agency for transculturalism could lie in some combination of these sites.

Yet whatever strategy of implementation might prove to be most practicable, the transculturalist alternative warrants further exploration. Other paradigms — i. e., of assimilationist cosmopolitanism, multiculturalist communitarianism and moderate interculturalism — do not put in prospect the degree of democratically legitimate global cooperation that is required to address urgent priorities of contemporary society. Transculturalism may involve leaps of ambition, but the major transformations of our day call for major reinventions of politics.

<sup>24</sup> R. O. Keohane, 'Democracy-Enhancing Multilateralism', *International Organization*, vol. 63, no. 1 (2009), pp. 1–31.

<sup>25</sup> T. Macdonald, *Global Stakeholder Democracy: Power and Representation beyond Liberal States* (Oxford: Oxford University Press, 2008).

<sup>26</sup> T. Tånnsjö, *Global Democracy: The Case for a World Government* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008).

<sup>27</sup> J. S. Dryzek, *Deliberative Global Politics* (Cambridge: Polity, 2006).

<sup>28</sup> M. Hardt and A. Negri, *Multitude* (New York: Penguin, 2004).



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

Россия, Санкт-Петербург  
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.  
Ученый секретарь, кандидат философских наук.Russia, St. Petersburg.  
St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research. Researcher.[michail.stepanov@gmail.com](mailto:michail.stepanov@gmail.com)

## ЭЛЕМЕНТЫ АРХЕОЛОГИИ МЕДИА

В статье рассматривается специфика медиаархеологических исследований. Археология медиа занимается тем, что выискивает и пристально рассматривает в забытых и устаревших медиа (если не сказать в технологическом мусоре) формы и тактики различного видения будущего. Вокруг изыскания и выведения на свет различных диких медиа сложилось несколько теоретических и экспериментальных подходов, общим для которых является стремление показать исторически важное множество представлений о медиа и тем самым критически деструктурировать туннельное видение существа медиа и жестко определенный единственно верный взгляд на будущее.

Между тем, медиаархеология не сводится только лишь к эксгумации диких машин, но существует в прослеживании генеалогических корней, навигации становлений этих забытых сейчас медиа и присутствия им альтернативных форм коллективного выражения и опыта. Археология медиа осуществляет конъюнкцию медиатеchnологических опытов: смотря назад, она бросает взгляд в будущее из настоящего, обнаруживая реконфигурации как технологических, так и социальных форм и отношений современности.

**Ключевые слова:** медиаархеология, медиатеория, медиакультура, медиаэкология, машина, З. Цилински, Э. Хухтамо.

## The Elements of Media Archeology

The article discusses the specifics of media archaeological research. The Media Archaeology is committed to seek out and carefully considers the forgotten and obsolete media (if not say technological debris) forms and tactics of different visions of the future. Around research to various media exist several theoretical and experimental approaches, which is common to attempt to show the historical importance of the set of representations of the media and thereby critically destruct of tunnel vision being rigidly defined media and «the» right view on the future.

Meanwhile, media archeology is not confined only to the exhumation wonders machine, but there is in tracing genealogical roots navigation becoming these forgotten now media and inherent alternative forms of collective expression and experience. Archaeology media connects media experiences: looking back, she takes a look into the future from the present, revealing a reconfiguration both technological and social relations and forms of modernity.

**Key words:** media archeology, media theory, media culture, media ecology, machine, S. Zielinski, E. Huhtamo

### Введение

За последние несколько лет археология медиа превратилась в признанное направление исследований и привлекает все большее число ученых. Принято считать, что это направление начинает формироваться в 1980-е годы с первопроходческих работ Фридриха Киттлера<sup>1</sup>. «Системы письма» (1985) — его новаторская докторская диссертация, посвященная воздействию технических носителей на литературу девятнадцатого века и практики письма. Затем выходит «Граммфон, фильм, пишущая машинка» (1986), построенная на том же базисе, но посвя-

щенная непосредственно техническим носителям. На русском языке на данный момент в доступе имеется лишь одна работа «Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года», которая продолжает линию анализа технических влияний на материале визуальности.

Многочисленные прогрессирующие новшества в технологиях медиа, переход к дигитализации и трансформации визуальной культуры, политические события конца 1980-начала 1990, символизировавшие по мысли Ф. Фукуямы «конец истории», во многом привели к тому, что исследователи массово обратились к области медиального. В 1990-х годах, уже получив своё наименование, медиаархеология продолжает развиваться в работах З. Цилински, Э. Хухтамо и др.

Работы Мишеля Фуко оказали существенное влияние на становление нового направления. Его проект «археологии знания» благодаря двойному или трансатлантическому прочтению сформировал два течения археологии медиа: с одной

<sup>1</sup> Kittler F. A. *Aufschreibesysteme 1800/1900*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1985. (в английском переводе *Discourse networks 1800/1900* / trans. M. Metteer, c. cullens. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1990.); Kittler F. A. *Grammophon Film Typewriter*. Berlin: Brinkmann & Bose. 1986 (English edition: 1999.); Киттлер, Ф. А. *Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года*. М.: Логос, 2009. (немецкий оригинал 2002 года издания).



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

стороны — социокультурно ориентированные англо-американские исследования, разрабатывающие определяющую роль дискурсов в культуре, с другой — культуртехнический подход немецких ученых, обративших внимание на материальные условия коммуникации. Знаменитая фраза Маклюэна — «медиа это сообщение» распалась на две составляющие: анализ самого носителя и сообщения.

Немецкая традиция стремилась подчеркнуть роль технологии как перводвигателя культуры, что привело к обвинениям в технологическом детерминизме, в то время как англо-американские ученые считали, что технологии получают свои значения от уже существующих дискурсивных контекстов, в которых они образуются.

Несмотря на некоторые расхождения, традиция рассмотрения истории через разрывы, а не преемственность, заложенная Мишеля Фуко, продолжает функционировать в медиаархеологии, рассматривающей медиа не через прогресс или упадок технологий, а через революционные разрывы в преемственности. В этом направлении работают основные современные представители Зигфрид Цилински, Эрки Хухтамо, Юсси Парика, Вольфганг Эрнст, а также многие другие ученые, которые могут быть названы медиаархеологами, хотя они никогда не объявляли себя таковыми, как, например, Оливер Грау, специалист по медиаискусству или Александр Гэллоуэй, исследующий интерфейсы<sup>2</sup> и код. Далее в данной статье будут коротко охарактеризованы идеи вышеназванных авторов, однако основное внимание будет уделено разрастающимся на наших глазах академическим дебатам между сторонниками, скажем так, методологической «нормализации» и структурирования дисциплины, и представителями так называемых «анархических» традиций археологии медиа.

## Норма vs. анархия

В антологии «Медиаархеология: подходы, применение, значение»<sup>3</sup> опубликованной в 2011 году издательством Калифорнийского университета Беркли, редакторы Эрки Хухтамо и Юсси Парика предпринимают попытку создания единого методологически выверенного определения археологии медиа. Книга представляет собой набор довольно коротких эссе, призванных дать представление о различных текущих исследовательских проектах и методологических вопросах, касающихся многообразия способов исследования, а также возможных методологических ограничений медиаархеологии.

Во введении озаглавленном «Археология археологии медиа», авторы так определяют предмет исследования: «археология медиа — это «номадическая» дисциплина, и это позволяет ей с легкостью перемещаться по всему ландшафту гуманитарных и социальных наук, захватывая также и территорию искусства»<sup>4</sup>. Далее ими сделана попытка представить со-

временное положение дел в медиаархеологии и, в то же время, маркировать и утвердить её методологию.

Главным оппонентом и сеятелем смуты в научной методологии археологии медиа Хухтамо и Парика считают Зигфрида Цилински за «его полное сопротивление систематизации и теоретизации», что грозит «атомизмом»<sup>5</sup>.

Медиаархеологический проект Цилински проблематичен для Хухтамо «по двум основным причинам: во-первых, в них трудно выявить какой-либо «метод» или «подход»; во-вторых, в тексте отсутствует диалог с современными исследователями, работающими в данной области. Цилински создал такие термины, как «ан-археология» и «вариантология», назначение которых, как кажется, — оправдать методологическую гетерогенность или анархизм»<sup>6</sup>. Обе выдвинутые «проблемы» достаточно надуманны и научно не принципиальны, так что критику Хухтамо можно рассматривать как брендинг территорий или распространенное в отечественном пространстве желание «застолбить» дисциплину.

Сам Хухтамо предлагает модель медиаархеологии как исследования топосов, которые всегда обусловлены и создаются культурными силами или дискурсами. По Хухтамо, топосы играют решающую роль в медиакультуре в качестве соединителей культурных традиций, медиализированных культурных форм, тем и фантазий<sup>7</sup>. Топосы проживают свою собственную жизнь — они не являются строго зависимыми от кажущейся материальности медиума. Для Хухтамо нет ничего удивительного в том, что старые топосы мигрируют из радиостанций в телевизоры и компьютеры.

В какой-то мере можно сказать, что дебаты ведутся и в отечественном пространстве. Хухтамо, более доступный на русском языке чем другие археологи медиа, при каждом удобном случае утверждает необходимость жесткой методологии медиаархеологии. В статье «Археология медиа. Особый взгляд» (написана по материалам уже упоминаемого текста «Археология археологии медиа») специально предоставленной для коллективной монографии «Медиа: между магией и технологией»<sup>8</sup> под редакцией Нины Сосна и Ксении Федоровой, Эрки Хухтамо описывает свою медиаархеологическую работу так: «Моя позиция ближе к англо-американской традиции cultural studies, основанной на той предпосылке, что, несмотря на значимость конкретных технологических фактов, еще более значимыми являются дискурсы, охватывающие эти факты и формирующие их смысл»<sup>9</sup>. Принимая антикапиталистический задор археологии медиа, которая во многом явилась реакцией и от-

Implications/ ed. E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. P. 3.

<sup>5</sup> Ibid. P. 12.

<sup>6</sup> Хухтамо, Э. Археология медиа. Особый взгляд / Медиа: между магией и технологией / под редакцией Н. Сосна, К. Федоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 176.

<sup>7</sup> Huhtamo, E. Dismantling the Fairy Engine: Media Archaeology as Topos Study / Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications / ed. E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. P. 34.

<sup>8</sup> Медиа: между магией и технологией / под редакцией Н. Сосна, К. Федоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. 327 с.

<sup>9</sup> Хухтамо, Э. Археология медиа. Особый взгляд. / Медиа: между магией и технологией / под редакцией Н. Сосна, К. Федоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 166.

<sup>2</sup> См.: Гэллоуэй, А. Р. Неработающий интерфейс. // Медиа: между магией и технологией / под редакцией Н. Сосна, К. Федоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 252–289.

<sup>3</sup> Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications / ed. E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. 368 с.

<sup>4</sup> Huhtamo, E. and Parikka, J. Introduction: An Archaeology of Media Archaeology. / Media Archaeology: Approaches, Applications, and



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

ветом на финансово мотивированные «криптоистории» мира корпораций, создающие «прогрессивные нарративы» и оправдывающие центральную роль и достижения самого заказчика, Хухтамо сетует на отсутствие устоявшегося представления о значении медиаархеологии: «Не существует единой точки зрения на определение археологии медиа, ее методов, инструментов и даже области, которую она должна охватывать»<sup>10</sup>.

В том, чтобы обеспечить единство точки зрения на медиаархеологию он и видит свою миссию. По мнению автора, археология медиа имеет характер культурной критики, неудовлетворенной «общепринятыми нарративами, которыми описывается медиакультура» и ставит цель лучше понять современные формы медиа сквозь призму прошлого, выявляя идеологические механизмы, которые контролируют нарративы истории медиа. «Подводя итог, можно сказать, что специфика моей версии археологии медиа — признание многослойного характера истории (включая ее материальные проявления) и рассмотрение «жизни» топосов в качестве центральной темы»<sup>11</sup>.

Данная монография, лучшая на настоящий момент, представляет собой наиболее концептуально взвешенное и методологически богатое русскоязычное издание, посвященное исследованиям медиа<sup>12</sup>. Во введении редакторы-составители предлагают «получить представление о том, чем заняты теории медиа сегодняшнего времени, какие наблюдения ими сделаны, какие представления о нас сегодняшних в них формируются. Эти исследования обладают, на наш взгляд, тем модусом серьезности, который заставляет обратить на них внимание и принять в расчёт»<sup>13</sup>.

Я не хотел бы вступать ни в один из лагерей или оправдывать одну из сторон этих дебатов, но попытаюсь, насколько это возможно, прояснить их позиции, осознавая сложность такой задачи. Ещё в далеком 1996 году Зигфрид Цилински дал специальное название «Археология медиа», для новой парадигмы, сформулированной им по аналогии с идеями Людвиг Витгенштейна, высказанными в «Логико-философском трактате», а именно: «Philosophy is not a doctrine it is an activity/Tätigkeit. . . / «Философия — это не доктрина, это деятельность... Результаты философии — это не «философские сентенции», но прояснение высказываний. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы туманны-

ми и расплывчатыми» (4. 112). Свою собственную позицию Цилински сформулировал таким образом: «Я называю этот подход медиаархеологией, которая в прагматической перспективе означает изыскание тайных троп в истории, которые могли бы помочь нам найти путь в будущее. Медиаархеология это моя форма активности/деятельности»<sup>14</sup>. То есть, для Цилински это деятельность, активность, направленная не на декларацию, а на уточнение или прояснение мыслей.

Важным и продуктивным представляется предложенный Цилински подход к медиаархеологии в книге «Глубокое время медиа: на пути к археологии зрения и слуха при помощи технических средств», где он предлагает «палеонтологический» взгляд на развитие медиа<sup>15</sup>. Идея заключается в том, что ранние этапы развития жизни на нашей планете были гораздо богаче, биологическое разнообразие прошлых эпох не идёт ни в какое сравнение с нашим временем. По аналогии с этим говорить о каком-либо прогрессе в развитии медиа или линейной прогрессии в развитии видов совершенно бессмысленно, мы живем в мире всё большей абстракции. Медиаархеология осуществляет работу по возвращению к жизни этих исчезнувших видов в нашем воображении. Действительный интерес представляют тупиковые ветви, бесплодные идеи, падения проигравших, изобретения, которые никогда так и не превратились в материальный продукт или были сразу же сметены развитием технологий. Через эти разрывы в слаженной истории технологий можно сделать панорамный снимок развития культуры, усмотреть перспективы настоящего и будущего.

В книге утверждается, что история медиа не протекает предсказуемо от примитивных инструментов к сложным машинам. Археологическая работа заключается в поиске в глубинных и неочевидных слоях разнообразных культур динамических моментов интенсивной деятельности по проектированию и созданию медиа, которые были в значительной степени проигнорированы в линейных историях медиа. Цилински концентрирует внимание на поворотных точках истории медиа — про-и переломах, позволяющих увидеть новое в старом.

Погружаясь в пласты диковинных оригинальных источников на две тысячи лет культурной и технологической истории от древнегреческого философа Эмпедокла через натурфилософов эпохи Возрождения и барокко до русских авангардистов начала XX века, он исследует технологии аудио-визуальных устройств, обнаруживает и описывает модели и машины, которые, по его мнению, есть медиа, то есть осуществляют соединения. Раскрывая эти моменты, Цилински стремится поменять современные представления о мире медиа — эти открытия в истории «глубокого времени» медиа должны пролить свет на современный медиаландшафт и могут дать нам в руки карту будущих технологий.

Археология медиа одновременно осуществляет конъюнкцию медиатехнологий, смотря назад, она бросает взгляд в

<sup>10</sup> Там же. С. 162.<sup>11</sup> Там же. С. 176.<sup>12</sup> Как показали результаты работы коллоквиума «Исследования импорт/экспорт», прошедшего в Киеве в 2012 году, где состоялась крайне интересное обсуждение заявленной темы, в ходе которого присутствующие исследователи согласились, что в постсоветском пространстве работы по медиа зачастую представляют собой или резонёрскую публицистику с намеком на что-то большее, или методологически невнятное нагромождение несочетающихся теоретических казусов и множественной фактологии, авторы которой не выходят на должный уровень достоверности и научности даже в описании исследовательского поля, не говоря уж об осмыслении самых медиа. За прошедшее время количество таких работ только увеличилось, при этом их качество осталось на прежнем уровне. В такой безрадостной ситуации данная монография — это глоток свежего воздуха, дающий надежду на грядущие изменения.<sup>13</sup> Сосна, Н., Фёдорова, К. Введение / Медиа: между магией и технологией / под редакцией Н. Сосна, К. Фёдоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 12.<sup>14</sup> Zielinski, S. "Media Archaeology," *Cheory*, no. ga111 (July 11, 1996) [www.ctheory.net/articles.apsx?id=42](http://www.ctheory.net/articles.apsx?id=42)<sup>15</sup> Zielinski, S. *Deep Time of the Media: Toward an Archaeology of Hearing and Seeing by Technical Means* — Cambridge, MA: MIT Press, 2006. P. 5. Первое оригинальное немецкое издание *Archaeologie der Medien: Zur Tiefenzeit des technischen Hörens und Sehens*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2002. 400 s.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

будущее из настоящего, обнаруживая реконфигурации как технологических, так и социальных форм и отношений современности. Центральной здесь становится тема времени и отсюда проблема проективности субъекта. Этой проблеме посвящена лаконичная работа Цилински «Набрасывать и выявлять. Аспекты генеалогии проекции»<sup>16</sup>, первая, из доступных на русском языке. Несмотря на всю её сложность, и можно сказать туманность, Цилински в этой небольшой работе показывает, как фантастически увлекательны и результативны могут быть медиаархеологические практики без жестких внешних методологических рамок.

Понятие проекции — фундаментальное для дизайна и медиа — пронизывает гетерогенные концепции и методы, стратегии и тактики исследований культуры и культурного производства, и прежде всего, обнаруживает себя в визуальных практиках, в центре которых находится вопрос о том, как осуществляется переход мира воображаемого, символического, материального в двумерную плоскость. Обращаясь к поздней концепции проектирования Вилема Флюссера и хайдеггеровской идее выявления, автор осуществляет детальный анализ истоков и точек роста теории и практики проектирования. Помимо текстуальных раскопок историй понятия «проекция», запутанные корни которого простираются в толщу времен, текст представляет собой прекрасный эмпирический образец того, как происходит исследование в области археологии медиа культуры.

Он не довольствуется демонстрацией огромного количества фактов из европейской и арабской истории науки и техники, тщательно извлеченных и собранных. Цилински последовательно помещает эти факты в широкий контекст, таким образом перед нами разворачивается захватывающая история приключения понятия «проекция». Медиаархеология в действии открывается как проект творческого переосмысления практик производства значения, центральную роль в которых играют медиа и опыт их использования.

В своих специфических чертах проект археологии медиа Цилински не ставит целью узаконивание современного состояния технологической культуры в качестве логического исхода длительной культурной эволюции, вместо этого он видит историю медиа как динамический процесс изобретений, явившихся результатом работы способности воображения и катастрофических фальстартов. Его работа трансверсальна, она нарушает линейную протяженность различных периодов времени и ограниченные поля знаний. Погружаясь в изучение малоизвестных архивов, где мэтры герметизма и алхимики представляют искусство невероятного, он меняет представление об истории медиа, находя в ней различия, а не сходства, как это делает Хухтамо. Исследования и того и другого скорее дополняют друг друга, чем находятся в противостоянии.

Свой образ археологии медиа дает Вивиан Собчак, в послесловии к монографии Хухтамо и Парикка. Известный киновед видит «значение археологии медиа как недисциплинированной дисциплины, которая усердно избегает любой комплекс-

ной интерпретации или тотализующей теории»<sup>17</sup>. В качестве «недисциплинированной дисциплины» медиаархеология способна переосмыслить и изменить принятые эпистемические нормы, значения и идеологические импликации. Такое заключение, на мой взгляд, окончательно снимает с повестки дня проблему нормализации археологии медиа. Множество тематических исследований, с одной стороны, и разнообразие теоретических концепций с другой, можно рассматривать как необходимые стратегические ориентиры для дальнейших исследований широкого поля медиа.

### Цветущая множественность: нечеловеческие агенты в действии

Дебаты, впрочем, продолжаются. Медиаархеологии не достигли консенсуса в том, как определить дисциплину, что, впрочем, идёт ей только на пользу<sup>18</sup>. Юсси Парикка, наиболее последовательный исследователь, предпринял ещё одну попытку ответить на вопрос «Что такое медиа археология?»<sup>19</sup>, где предложил версию теоретического и практического применения медиаархеологии. В ходе дискуссий между медиаархеологами о том, как определить границы дисциплины, стало очевидно, что они открыты и «дисциплина» подпитывается активным взаимодействием различных полей, таких как исследования кино и культурология, техники культуры и теория архивов, история искусств, находящихся под влиянием естественнонаучных дисциплин, каждое из которых дает особое понимание медиаархеологии как критического метода. С одной стороны, такое дисциплинарное взаимодействие предотвратило создание согласованной методологии археологии медиа, с другой — оно может рассматриваться как положительная черта археологии медиа в том смысле, что подчеркивает значимость экспериментальных и междисциплинарных исследовательских практик. Вместе с тем, медиаархеология квалифицирована, прежде всего, в качестве критической практики сопротивления капиталистическим и идеологическим стратегиям апроприации.

Парикка попытался не только разграничить и обосновать дисциплину, но и синтезировать разрозненные представления в слаженное синтетическое определение. Отмечая фундаментальное различие между материалистической и дискурсивной ветвями археологии медиа, он усиливает это разделение путем дальнейшего разграничения границ между подходами: с акцентом на материал, канал и шум и практическим применением медиаархеологии как художественного метода. Эта структура позволяет предположить, что археологию медиа следует рассматривать как многослойную методологию, ли-

<sup>16</sup> Цилински, З. Набрасывать и выявлять. Аспекты генеалогии проекции. / пер. с нем. М. А. Степанова. СПб.: Эйдос, 2013. 64 с. илл. Серия «machina media».

<sup>17</sup> Vivian Sobchack Afterword: Media Archaeology and Re-presenting the Past. / Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications / ed. E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. P. 328.

<sup>18</sup> За последний год вышло несколько важнейших изданий, представляющих различные методологические подходы, среди них, например: Ernst, W. Digital Memory and the Archive. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013 — 265 p.; Huhtamo, E. Illusions in Motion. Media Archaeology of the Moving Panorama and Related Spectacles. Cambridge: MIT Press, 2013. 464 p.

<sup>19</sup> Parikka, J. What is media archaeology? — Cambridge: Polity, 2012. 200 p.



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

шенную иерархии и отличительных индикаторных методов, что идёт в разрез с декларированной целью получения финального синтетического определения. Между тем, на протяжении всей книги Парикка демонстрирует предпочтение материалистической версии медиаархеологии в направлении постгуманистической траектории, что не удивительно, так как его предыдущая книга, центральный элемент названия которой затруднительно точно перевести на русский язык — «Insect media (насекомые-медииумы): археология животных и технологий»<sup>20</sup>, представляет медиаархеологическое исследование отношений между энтомологией, этологией и медиа в этой плодотворной траектории нечеловеческой агентности. В ней Парикка размышляет о параллелях между миром насекомых и медиа, которые становятся очевидными через материалистическую оптику культурного анализа. Автор исходит из принципов этнологического исследования животных, предложенных Якобом фон Икскулем в 1920-х годах, указывающих на тесную взаимосвязь живых организмов, в частности насекомых, с окружающей их средой. Так, например, прото-моделью сетевой культуры, лежащей в основе современной цифровой медиакультуры, может стать принцип роевого интеллекта насекомых.

Таким образом, медиаархеологический подход Парикка фокусируется на поперечных срезах или трансверсали тематических исследований, которые не образуют связную историю, но показывают нелинейную историю медиакультуры.

Междисциплинарная особенность наук о медиа исходит из того факта, что медиа имеют вполне определённую материальность, представляющую собой конкретное техническое оснащение, и, более того, предполагают развитую технологическую логику. Такие «материальные» аспекты медиа ведут на более глубокий уровень к фундаменту медиа, заключающемуся в динамическом соотношении человеческого и нечеловеческого, аппарата и оператора, обозначаемого мною как машинное<sup>21</sup>.

Различные формы постгуманистической мысли поднимают справедливые вопросы о нашем понимании современной медиакультуры, ответы на которые не могут быть найдены с помощью классических форм гуманистических исследований. Особая материальная природа медиа принята во внимание последователями Китлера, например Вольфгангом Эрнстом<sup>22</sup>. Он выдвигает на первый план вопросы о роли нечеловеческих агентов, таких, например, как шум, предположив, что медиа должны быть исследованы, прежде всего, как собственно технические каналы. По его мнению, феноменологическое содержание коммуникации слишком часто ошибочно принимают за сущность медиа. Напротив, его версия медиаархеологии фокусируется на аппарате, так как сами технические носители производят время и пространство.

В этом заключается его существенный вклад в медиаархеологию, которую Вольфганг Эрнст понимает как альтернативный метод в истории медианаративов. Он подчеркивает, что сами медиа должны стать активными археологами знания: «Функционирующие медиа суть поэтому не просто объекты с временной структурой, они являются также и субъектами времени в смысле способности продуцирования собственного времени»<sup>23</sup>. Машины производят артикуляции, которые не нужны в человеке как наблюдателе или переводчике. Машины сами являются агентами истории, они записывают, передают, не всегда спрашивая разрешения у человека, в этом сказывается их объективная ценность. Они способны сами модулировать время и структурировать временные процессы в обществе. По Эрнсту, в эпоху цифровых технологий человеку необходима компетентность в области информатики для достижения технологического слоя медиакультуры, что позволяет сделать вычислимыми не-культурные ее аспекты, иначе говоря, он предлагает ввести в анализ культуры технологические режимы.

Эрнст примыкает к достаточно свежей тенденции в медиаархеологии, выводить на передний план исследований разнообразие и специфику медиа, множественность практик и сред, и, наконец, особенность событий как особой материальности самих медиа. Эта тенденция также характеризуется отказом от герменевтики, линейности и телеологии. Таким образом, для его версии «медиаархеология более сродни оптическому сканеру, чем антропологическому наблюдателю»<sup>24</sup>. В результате работы нечеловеческих записывающих устройств, открывается новое схематическое видение, направленное в сторону расчетов и математических моделей, скрытых и неочевидных, но обладающих неимоверной властью, что делает практически невозможным проведение различий между технологией и реальностью. Это мощь кода, лежащего в основе электронных устройств. Добро пожаловать в Matrix.

Александр Гэллоуэй описал глубины существования кода в культуре и обществе, и его определяющую роль в новых системах власти. Код в виде письменного текста затаен глубоко внутри компьютера и может быть представлен на экране или бумаге, но он никогда не включает свою потенциальную активность, которая в любой момент может быть актуализирована. При этом код не может быть представлен во всей своей полноте ни в полном объеме, ни в полную мощность, он не может быть понят из буквального прочтения или только поверхностного наблюдения. В этом кроется скрытая опасность изоляция физических характеристик, что способствует абстрактному, узкому пути интерпретации. Эта тенденция вполне очевидна в контексте политики и технологии как показал Гэллоуэй в своей известной работе «Протокол»<sup>25</sup>, последовательно анализирующей проблемы власти и децентрализации с позиций материального понимания медиа. Этот тип материалистических исследований медиа ставит не только вопрос «как это работает?», но также и вопрос

<sup>20</sup> Parikka, J. *Insect media: An archaeology of animals and technology*. Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 2010. 320 p.

<sup>21</sup> См.: Степанов М. А. Куратор как результат разделения труда (по П. Вайбелю). Теоретические пролегомены к кураторству в технологическом искусстве / *Международный журнал исследований культуры*. 2013. No. 1(10). С. 136–137.

<sup>22</sup> См. например: Вольфганг Эрнст. *Время медиа: понятия, археология, наука / Медиа: между магией и технологией* / под редакцией Н. Сошна, К. Федоровой. М., Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 144–161.

<sup>23</sup> Там же. С. 161.

<sup>24</sup> Ernst, W. *Media Archaeography: Method and Machine versus History and Narrative of Media / Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications* / ed. E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. P. 249.

<sup>25</sup> Galloway, Alexander R. *Protocol: how control exists after decentralization*. Cambridge, Mass.: MIT, 2004. Leonardo (Series) — 260 p.



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

«для кого это работает?». Материальность медиа рассматривается с технической и политической точек зрения. Код представляет собой набор определенных процедур, действий и практик, направленных на достижение конкретных целей в конкретных ситуациях, то есть, код есть практика. Читать код — значит не объяснять его, а использовать, экспериментировать с ним и таким образом вступать во взаимодействие с властью, преодолевая нематериальные оковы «общества контроля».

В разрозненном поле археологии медиа имеет место обращение к современным видам искусства, которое в своей конкретности оказывается радикальным продолжением забытых практик. Устройство для погружения в иные миры — давняя мечта художников как показывает Оливер Грау в своём известном тексте, посвященном фантазмагории<sup>26</sup>. Его работы, на мой взгляд, также можно отнести к медиаархеологии. Рассматривая иммерсию и эмоции как ключевые элементы визуальных исследований<sup>27</sup> он действует как археолог медиа, вводя расширенную культурную контекстуализацию и выходя за привычный горизонт истории искусства. Грау сосредотачивается на взаимодействии между технологией, политикой, культурной формой и восприятием субъектов, обращая не много внимания на содержание произведений искусства. В центре его интересов — контекст, воспринимающий субъект и технологический аппарат, дающие три аналитических уровня: что хотели сказать авторы (например сценарист/режиссер), как делался этот объект (альтарь, фильм, игра), и, наконец, что видят зрители в этом произведении (тогда, когда был выпущен этот продукт и в настоящее время). Исследование восприятия и реакций зрителя может дать больше, чем анализ размышлений создателя (режиссёра или сценариста), нам открывается потрясающая работа способности воображения, которая соединяет актуальные дискурсы и технологические устройства в живой мир эмоционального погружения.

## Финал: Элемент 1

Казус с академическими дебатами вокруг границ и определения археологии медиа как дисциплины показывает, что это, прежде всего, критическая практика, критически настроенная даже по отношению к себе самой. Она занимается тем, что выискивает и пристально рассматривает в вытесненных, забытых и устаревших медиа (если не сказать в технологическом мусоре) и дискурсах о нем формы и тактики различных сценариев будущего. Вокруг изыскания и выведения на свет диковинных медиа сложилось несколько теоретических и экспериментальных подходов, общим для которых является стремление показать исторически важное множество представлений о медиа и тем самым критически деструктурировать туннельное видение существа медиа и определенный единственно верный взгляд на будущее человека.

Между тем, медиаархеология не сводится к эксгумации одиозных диковин, но маркируется в прослеживании генеалогиче-

ских корней, навигации становлений этих забытых сейчас медиа и присущих им альтернативных форм коллективного выражения опыта. Задача археологии медиа может быть определена как организация встреч, которых не было и не могло быть — Хайдеггер и Флюссер, волшебный фонарь и телевидение и т. д. Медиаархеология, таким образом, устанавливает обратную связь, восстанавливающую экологическое равновесие: универсализация медиа, осуществляемая под капиталистической экспансией, изнутри прорастает особыми тактиками использования, на время вырывающимися из капиталистического гетто, но через некоторое время вновь экспроприруемые мировым капиталом.

Современное тяготение к универсальности — форматность, сходимость и полная эквивалентность медиа (с присущими универсализму нормализацией и монокультурализацией, результатом которых становится массовый конформизм), получает ассиметричный ответ в развёртывании практик производства особенного. Последние могут обозначаться как «археология медиа» под которой понимается критическая рефлексия понятия «медиа», захваченного в тиски адептов легализации и консервации теории медиа в академических дискурсах.

При внимательном изучении медиаархеологических практик оказывается, что наиболее обсуждаемой темой в медиаархеологии сегодня, без сомнения, является проблема постгуманистических агентов и позиции человека в рамках человек-аппаратных взаимодействий или машин. В связи с этим, разнообразие новых голосов в области медиаархеологии не является помехой. Напротив, это гарантия ее производительности. Так как машина в широком смысле оказывается первичным условием регистрации реальности и гуманистических высказываний о ней. Условием производства смысла является диалог аппарата и оператора. Можно говорить о примате машины как условия множественного взаимодействия человеческих и нечеловеческих агентов.

Конкретный аппарат, производящий помехи и шумы, рассматривается во всех его взаимосвязях, одной из которых является диалог с оператором. Медиа выступают условием и результатом определенного опыта, коллективных форм восприятия. Используя различные средства организации мира, мы формируем различные миры, как например, обнаруживаем различные уровни реальности, используя телескоп или микроскоп.

Книга Бруно Латура «Наука в действии» открывает понимание того, как работает наука, которая разворачивается вокруг черных ящиков. Археология медиа обнаруживает такие черные ящики и через их детальное препарирование восстанавливает утерянные миры, давая альтернативные варианты видения, но не в области науки, а в сфере дискурсивной и материальной составляющей медиакультуры. Хухтамо говорит о повторяющихся темах или топосах медиакультуры, Цилински пишет о «глубоком времени», которое позволяет переосмыслить конституцию современности. Извлечение устройства и его запуск как ничто другое показывают единство и диалогичность взаимоотношений человека и машины. Не мы встраиваемся в машину и не машина встраивается в нас, а происходит «расширение машины», именно так мы оказываемся вне централизованного на человеке сенсорного восприятия.

Открытые медиа препараты, оказываются своего рода машиной времени, расширяющей современные медиа и открываю-

<sup>26</sup> См.: Грау О. Фантазмагорическое визуальное колдовство 18-ого столетия и его жизнь в медиа искусстве. / пер. с нем. / Международный журнал исследований культуры. 2012. №5(6). С. 101–110.

<sup>27</sup> Грау, О. Эмоции и иммерсия: ключевые элементы визуальных исследований. / Пер. с нем. А. М. Гайсина. СПб.: Эйдос, 2013. 56 с., илл. Серия “machina media”.



СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michail STEPANOV

| Элементы археологии медиа |

щие формы опыта и восприятия других эпох. Мы получаем возможность реконструировать их и обогатить собственный опыт. Открытые машиной способности восприятия внедряются в актуальный уровень медиа, поддерживая его. Временные промежутки порождают эффект отсутствия четкой связи между тем, для чего создаются технологии и тем, как они могут быть использованы. На их место приходят DIY-практики повторного использования, указывая на ранее незамеченные разрывы и связи. В результате область, которая считается релевантной для исследований медиа, расширяется во времени и пространстве. Поле исследования растягивается на столетия и распространяется за пределы доминантных медиакультур.

Работа медиаархеолога протекает между практическим экспериментированием и теорией. Археолог пишет истории подавленных, заброшенных и забытых медиа, которые оказались не способными повлиять на культурную ситуацию и противостоять доминирующим медиа. Логика «улучшения» отправляет их на свалку. Медиа технологии представляют собой чёрный ящик («аппараты» Флюссера, «подозрение» Гройса, «научные объекты» Латура), их невозможно открыть, не нарушив целостности. То, что непосредственно доступно в работе медиатехнологий, — лишь вершина айсберга, тех принципов работы, которые закрыты для наблюдения и открываются лишь в теоретическом исследовании. С постгуманистической позиции археологии медиа, такие термины как «старые» и «новые» медиа не имеют смысла, и применяются только в качестве обозначения более или менее стабильных технологий. Смысл здесь понимается не как данность, а как то, что производится. Это практика сопротивления логике репрезентации/представления или «картины мира», но также и политической/капиталистической логике присвоения, апроприации. Постгуманистическая перспектива открывает состояние современности медиа и денонсирует различие между «старыми» и «новыми» медиа как идеологическое, сфальсифи-

цированное, как в теории, так и в художественной практике. Аналоговые и цифровые технологии находятся в перманентной сети культурного экспериментирования друг с другом. Центральной здесь является тенденция сосредоточения на опыте, а не концептуализации, по сути, равной капсулизации знания и следующих из этого практик насильственной схематизации живых процессов становления медиа.

В качестве первого элемента, медиаархеология постулируется не как спекулятивное изыскание, а как множество разнообразных практик поиска и аналитики специфических медиа других времен, результатом которой является стимулирование появления новых программных и аппаратных платформ. Цилински продолжает сопротивление гомогенизированной структуре академических методик, продолжая анархические практики противостояния описаниям медиаархеологии как теоретической парадигмы в единственном числе. Медиаархеологии удалось утвердить себя в качестве гетерогенного набора теорий и методов, создающих историю медиа через альтернативные генеалогии корней, забытые пути и тропы, и пренебречь академической дисциплинизацией, оставаясь открытым полем, которое до сих пор является источником оригинального и полезного материала. Определенная врожденная вариативность подходов медиаархеологии к раскопкам глубинных слоев медиакультур и стремление найти всякий раз новый альтернативный маршрут, с тем, чтобы демонтировать ошибочность линейного развития, апроприированного логикой капитала, подвига Цилински обозначить своё направление как «вариантологию». Это отнюдь не исключает научной строгости и теоретического уровня осмысления. Вменяемое ему отсутствие системности, переполненность текстов множественными примерами «как бы по случаю», придающая им не совсем научный характер, между тем соответствует установке «методологического анархизма» П. Файерабенда, работающей на результат, и не преследующей целью построение большой теории.



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский Государственный университет.

Доктор искусствоведения, профессор,

директор Музея современного искусства имени Дягилева СПбГУ.

Russia, St. Petersburg.

St. Petersburg State University.

Ph. D. in Art Criticism; Professor, Chair of methods and theory of teaching arts and humanities,  
faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint-Petersburg State University.

Director of the Contemporary Art Museum named after S. Dyaghilev St. Petersburg State University.

[yurieva@smolny.org](mailto:yurieva@smolny.org)

## КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В ИСКУССТВЕ США XVIII ВЕКА. ОТРАЖЕНИЕ МИФА В ПРИЖИЗНЕННЫХ ПОРТРЕТАХ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА

Данная статья посвящена проблеме формирования концепта национального героя в жизни и в искусстве США времени Революции и Войны за независимость. Это время чрезвычайно интересно для исследователя по разным причинам. XVIII век — век Просвещения — на территории Америки проявился неожиданно и стал неповторимым, внося новую грань в развитие мирового искусства. Героем данных наблюдений стал Джордж Вашингтон. Этот президент остался не просто исторической реликвией в последующие столетия. Его положение в американском обществе как «The Father of the Nation», пересмотру не подлежит. Его «Прощальное послание», прочие высказывания формируют представление о том, какие ценности и принципы явились определяющими для первого президента США. Он помог нации осознать свою идентичность.

Благодаря характеру и действиям Джорджа Вашингтона в мифологему национального героя вносятся такие понятия как героизм, честность, патриотизм. Как известно, Вашингтон, принял самое активное участие в создании Конституции и утверждении Декларации независимости. В неизменном виде эти документы являются основой американского закона и образа жизни и по сей день. Американская мифология, обладающая своей особой спецификой, отражена в искусстве США, не только в портретной, но и в исторической живописи.

Этот миф воспет и осознан американскими художниками, друзьями и почитателями, вдохновленными Д. Вашингтоном. Художники Чарльз Пил, Гилберт Стюарт и другие запечатлели образ президента и его соратников. В статье раскрывается специфика этих портретов. Напоминание о формировании национального героя и его отражения в портретной живописи представляется актуальным для понимания не только американской, но и российской культуры.

**Ключевые слова:** Вашингтон, Конституция, национальный герой, мифологема, портрет

### Concept of a National Hero in Art of the USA in XVIII Century. Reflection of the Myth in Living Portraits of George Washington

This article is about the problem of formation of national hero in life and art in the USA during American Revolutionary War, War of Independence. This time is extremely interesting for studying due to several reasons. XVIII century is the Age of Enlightenment on the territory of America; it appeared suddenly and became unique, bringing up new contrast into the world art. The hero of the study became George Washington. This president was not just a historical relics for next centuries. His status in American society as "The Father of the Nation" is doubtless.

His "Final message", the statements form the conception of what values and principals were vital for the first president of the USA. He helped the nation to perceive its identity.

Due to George Washington's character and actions, mythologeme of national hero assumed such concepts as heroism, honesty, patriotism. George Washington is known to take an active part in creating of Constitution and Declaration of Independence. These documents are basic for American law and way of life in the USA to the present day. Any myth needs experiencing and registering. American mythology with peculiarities, with short history in compare to European long one is reflected in art of the USA not only in portrait painting, but also in history painting. For XVIII century the culture of the USA is full of true stories from real history. This myth is performed and perceived by American artists, friends and worshippers impressed by George Washington. The artists Charles Peale, Gilbert Stuart and others depicted the president's image and images of his friends for centuries. Special features of these portraits are described in the article. Reminding of formation



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

of National hero and his reflection in portrait painting is very significant for understanding not only American culture but, for example, Russian one too.

**Key words:** Washington, constitution, national hero, myphologeme, portrait

«Культура есть всё, в чём скрыт какой-нибудь культ. Культура начинается там, где начинается привязанность».

*В. Розанов. «Сумерки просвещения»*

**В**ажную роль в формировании политической культуры играют символическая политика, включая мифологизацию национальных героев средствами изобразительного искусства.

Героем данных наблюдений является Джордж Вашингтон. Этот президент — не просто реликвия XVIII века, его образ и по сей день остается неприкосновенным и почитаемым. Слова «The Father of the Nation» пересмотру не подлежат.

В мифологему национального героя эта фигура внесла такие понятия как героизм, честность и патриотизм. Требование уважения к гражданину США и его правам — властное утверждение Джорджа Вашингтона. Тексты Дж. Вашингтона обладают мудростью прошлого и применимы к проблемам настоящего (когда-то это свойство отмечал Т. Джефферсон по отношению к античности). Напоминание о позитивных мыслях и действиях Джорджа Вашингтона и его соратников обладает ценностью само по себе, но в контексте проблем современной культуры, связанных во многом с утверждением самоидентификации, рассмотрение данной темы обретает ещё одну существенную грань.

Уникальность данного национального героя состоит в том, что он непосредственно возглавлял сражения в войне за независимость, победно провозгласил и «зафиксировал» победу Революции, принял самое активное участие в создании Конституции и утверждении Декларации независимости. (хронологически этот период охватывает 1763-1783 гг.) В эти документы конца XVIII столетия не вносились никакие изменения, они являются основой американского закона и образа жизни и по сей день. Это факт не только истории американского общества, но и процесса формирования национального героя, каким является Джордж Вашингтон. («Конституция священна и обязательна для всех» — завет первого президента). Можно вспомнить и слова его друга Генри Ли, произнесённые на траурных церемониях: «Хоронили «первого в войне, первого в мирное время и первого в сердцах его соотечественников». Так был закреплён миф о Д. Вашингтоне.

Американская мифология, обладающая особой спецификой, именно в XVIII веке и во время Войны за независимость обогатилась идеей героического патриотизма. Президентом Конституционного собрания единогласно избрали Д. Вашингтона, сравнив его со «спасителем страны, подобным Петру Великому». Из 55 собравшихся 30 воевали в армии Вашингтона. Вашингтон помог нации осознать свою идентичность. «Звание американца, которое принадлежит вам по признаку национальной принадлежности, должно неизменно вызывать законную гордость и патриотизм в большей степени, чем любое другое звание, производное от местных пристрастий. При наличии незначительных оттенков различий у вас у всех единые религия, нравы, привычки и политические принципы. У вас

общее дело, за которое вы боролись и вместе одержали победу. Независимость и свобода, которыми вы обладаете, являются результатами общих решений, общих усилий, общих опасностей, страданий и успехов» («Прощальное послание» 11 сентября 1796 года «Daily American Advertiser». U. S. Congress. Senate. Washington's Farewell Address. 105th Congress, 2d sess, 1998). Так «воспитывалась» нация и были брошены семена патриотизма, не только не исчезнувшие на протяжении последующих столетий, но пустившие крепкие корни. Акцентируя нравственную сторону человека и истории его жизни, американская литература и изобразительное искусство достигли того уровня развития, который позволил создать не только картину эпохи, но и раскрыть характер её ярких представителей, ставших героями при жизни. Именно искусство «оповещало» Европу о тех исторических событиях, которые проходили на далеком и не сильно интересовавшем её континенте. В 1783 году Ней Уэбстер выпустил в свет знаменитый «Синий словник». В нём впервые прозвучали мысли о необходимости создания собственно американской культуры. Автор призывает сделать страну «так же независимой в литературе, как и в политике, и так же славной искусствами, как и оружием»<sup>1</sup>. Роль разума в духовном мире человека эпохи Просвещения была в США столь же существенной, как и в Европе, имея при этом свои отличительные черты. Через много лет после 4 июля 1776 года Томас Джефферсон, обладающий умом и интеллектом и редкой для того времени в США эрудицией, которой мог позавидовать и сам Вашингтон, вспоминал, что при написании Декларации к книгам не обращался и никаких новых идей не изобретал, писал один, запершись в маленькой комнате. Образы таких деятелей Американской революции как Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Пол Ревир и прежде всего Джордж Вашингтон легли в основу мифологемы национального героя, воплощающего идеального гражданина США. Многие американские историки отмечают, что миф о Вашингтоне находится в одном ряду с классическими мифологиями Древности. Известный американский историк литературы М. Каули справедливо, но иронично заметил, что «нация без мифологии еще не нация, а лишь собрание индивидуумов, проживающих на общей территории и подчиняющихся общим законам, лишь поскольку за этим смотрит полиция»<sup>2</sup>.

Проблема утверждения общенациональных стержневых идей до и после образования США решалась не только с помощью памфлетов, различных обращений и литературных произведений (например Т. Пейн «Здравый смысл», перевернувший сознание общества колониального времени, Дж. Вашингтон «Прощальное послание», где политическая мудрость вызывает чувство восхищения), но, не в меньшей степени и с помощью

<sup>1</sup> Цит. по: Т. С. Юрьева. Изобразительное искусство. История США. Т. 1.: 1607-1877. / Гл. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1983. С. 585.

<sup>2</sup> Каули М. Дом со многими окнами / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. С. 260.



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

изобразительного искусства, в частности, портретной и исторической живописи.

Мифология и живопись составляют по Р. Барту идеальную комбинацию, ибо миф скрывает свою идеологическую программу. Сам язык визуальных форм искусства усиливает вложенную в произведение идеологическую программу. Барт также отмечал особые потенции живописи: «...изображение, конечно, более императивно, чем письмо, оно навязывает свое значение целиком и сразу, не анализируя его, не дробя на составные части»<sup>3</sup>.

С XVIII века как бы не менялся изобразительный, а потом и визуальный ряд, по сей день цементируется миф о благородстве американской патриотической традиции, концентрирующийся в образе Дж. Вашингтона.

Оптимистичное и одновременно многогранное время американской революции и войны за независимость открыло новую страницу в истории культуры Соединённых Штатов. Ярче всего это заметно в развитии архитектуры, ее большом гражданском звучании. Радикальные изменения в архитектуре США связаны с творческой деятельностью Томаса Джефферсона (1743-1826) - философа, общественного и государственного деятеля, президента США (1797-1901). Героизированный стиль Джефферсона как нельзя лучше отвечал времени только что победившей революции и вечной теме «богоизбранности» американского народа. Американская революция не была по сути разрушительной, она питалась созиданием.

На американском континенте складывается свое прагматичное отношение и к искусству в системе жизни государства. (Отметим, что и в образ Вашингтона американские историки вносят сходные определения, называя его «пророк-прагматик»). В XVIII веке только, пожалуй, в Северной Америке культура понимается в одном из первых своих латинских значений — «возделывания». Американские мыслители прекрасно понимали, что создать новое общество и желаемую социокультурную атмосферу на абсолютном отрицании невозможно. С момента основания государства деятели американского века Просвещения использовали все лучшее, что было в Европе, главным представлялся интеллектуальный и творческий капитал.

«Переворачивая» устоявшиеся европейские традиции, американское искусство оказывалось способным высветить не только национальный характер поисков, но и оттенить величие Европы. Хотя к самому понятию «величие Европы» у американских поэтов, писателей, особенно художников отношение, граничащее с едкой иронией и пренебрежением. Мои исследования основаны на рассмотрении не внешних, воздействующих на искусство США процессов, а на установлении собственно американской традиции в имманентном культурно-генетическом процессе<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 74.

<sup>4</sup> В данной статье есть фрагменты из моих научных исследований по американскому искусству, которые я веду на протяжении 30 лет (всего у меня 297 работ, из них не менее 100 по культуре США). Данная статья посвящена проблеме, над которой я начала работать давно. Впервые я обозначила ее в книге «Портрет в американской культуре XVIII века», изданной в 2000 году. Но именно данная статья содержит гипотезы, ставит новые вопросы и не предлагает готовых решений.

Американские художники прошли великолепную школу в Академии художеств в Лондоне.

В «Письмах американского фермера» Сент де Кревекера, французского дворянина, с 1759 года жившего в Нью-Йорке, содержатся ценные для нас впечатления современника, основанные на долгом и непосредственном изучении колониальной действительности. В 1781 году Кревекер так сформулировал понятие «американец»: «Американец это тот, кто, оставив позади все свои прежние воззрения и обычаи, приобретает другие, обусловленные новым общепринятым образом жизни, новым правительством, которому он подчиняется, новым общественным положением, которое он занимает теперь»<sup>5</sup>.

Искусство в новом государстве не может занимать ведущего места. Джон Адамс — будущий президент США, в те годы член континентального конгресса (1774-1778), писал в своем письме к жене в 1778 году следующее: «Я должен изучать политику и войну, чтобы мои сыновья имели возможность заниматься математикой и философией. Мои сыновья должны будут заниматься математикой, коммерцией, сельским хозяйством, историей, географией, чтобы в свою очередь дать их детям возможность изучать живопись, поэзию, музыку, архитектуру»<sup>6</sup>. Эти слова показывают одновременно и уважение к искусству, и его третьестепенное положение в жизни американского общества в момент формирования государства.

Реалистичность восприятия действительности во всей ее полноте и своеобразии была свойственна изобразительному искусству североамериканского континента с самого начала XVIII века. Портреты Д. Вашингтона были написаны Ч. Пилом<sup>7</sup>

<sup>5</sup> Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Т. 1. М., 1962. С. 204.

<sup>6</sup> Barr A. Art in America. N. Y., 1935. P. 28.

<sup>7</sup> Чарлз Уилсон Пил (1741-1827) родился в Квин Энн, Аннаполис и вплоть до 25 лет живописью не занимался. Он понятия не имел, как обучаются живописцы, никогда не видел, как приготавливают краски, не представлял себе вид палитры и мольберт. Пил мастерил часовые механизмы, делал седла, работал по серебру, его привлекали различные художественные ремесла, этим он и зарабатывал на жизнь. Его дальнейшую судьбу определил приезд в Бостон в 1765 году. Он был одним из первых американцев, прошедших высокопрофессиональную западноевропейскую школу. В декабре 1766 года Пил отплывает в Лондон, с 1767 года работает в мастерской Уэста. Уэсту было тогда всего 30 лет, но авторитет мэтра был безупречен. В 1769 году Пил участвовал в выставках Королевской Академии, тогда были выставлены три его миниатюры и два портрета маслом. Обучение у Уэста, приверженца академической живописи, незамедлительно проявляется в творчестве художника. Так, Пил, вероятно, первым из американских художников отдает дань античной мифологии и пишет в одном из портретов статую римской богини Минервы. Пил развил на новом этапе американского искусства то отношение художника к единичной человеческой личности, которое соединяло в себе гордость за человека и высокую оценку его деловых качеств. Значение деятельности Пила для развития искусства США поистине огромно. В 1782 году Пил впервые показал в своем доме выставку тридцати портретов героев революции, написанных разными мастерами. С 1786 года он начал собирать исторические предметы. В 1794 году по его инициативе было образовано первое общество художников в Филадельфии, названное «Колумбиана», в 1795 году состоялась первая художественная выставка общества. Он был не только художником революции, не только создателем первого естественно-исторического музея в Филадельфии «Мир в миниатюре», но и теоретиком американского искусства. Пил, прошедший за два года основы профессионального обучения в Лондоне, жадно впитывал все лучшее, что было в европейской школе для создания у себя на



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

## | Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

за десять лет до появления картины Д. Трамбалла, по этим полотнам можно точно установить, как менялась американская военная форма, какими были боевые знамена. Американцы ценили создаваемую ими историю, ее этапы запечатлевались с этнографической точностью, максимальной достоверностью. Трамбалл разработал — в письме к президенту США — проект программы развития исторической живописи. «Я предлагаю, — писал он, — чтобы всякий раз, когда случится политическое, нравственное или военное событие, в котором Правительство узрит значительную ценность, достаточную для занесения его в анналы Истории, величайшему из художников своего времени заказывалась бы картина на тему данного события, помещаемая впоследствии в одном из общественных зданий»<sup>8</sup>.

Важной фигурой в истории американского изобразительного искусства является Бенджамин Уэст<sup>9</sup> (1738-1820). Свое-

родине, в Филадельфии, первой в США Пенсильванской Академии художеств (1805 год), выросшей на почве школы изобразительных искусств, основанной в 1791 году и возглавленной Пилом. Пил проповедует среди американских молодых художников хогартовскую «целесообразность» как эстетическое начало. Пил занимался поиском новой культурной основы для современного типа сознания, отстаивая в творчестве возможность личной инициативы. Он планировал создать художественный институт в самом широком масштабе, мечтал о проведении ежегодных выставок современной живописи и старых мастеров, хотел создать зал слепков, классы архитектуры, живописи, скульптуры, гравюры, технологии живописи. Пил настаивал на создании класса живой натуры, но коллеги сопротивлялись. Он назначил дату для первого урока, с трудом нашел натуру — обнищавшего булочника, но тот в последнюю минуту отказался, и тогда пришлось позировать самому.

<sup>8</sup> Цит. по: Т. С. Юрьева. Портрет в американской культуре XVIII века. СПб., 2001 — С. 49.

<sup>9</sup> Бенджамин Уэст (1738-1820) родился в Спрингфилде (Пенсильвания). Друг семьи Уэстов — Пеннингтон послал восьмилетнему мальчику краски, холст, грунтовку и гравюры французского художника Гюбера Гравело — учителя Гейнсборо. Он пригласил затем Уэста в Филадельфию. Современники вспоминали, что созданные им портреты поражали жизненностью. Уэст закончил колледж в Филадельфии. Уже в 1758 году без ложной скромности «Американский журнал» писал: «Мы рады сообщить миру имя такого не обычного гения, как м-р Уэст. Без помощи какого-либо учителя он приобрел изысканность и точность экспрессии в своих работах, мы убеждены, что он станет выдающимся в своей профессии». Во всяком случае имя Уэста — процветающего портретиста — стало известно в Филадельфии. В коллекциях американских музеев почти нет портретов, созданных Уэстом, но в коллекции четы Гарбичей, наряду с произведениями лимнеров, есть один портрет, написанный Уэстом, — «Портрет Сары Урсулы Роуз» (1756). В нем четко прослеживается связь с американским примитивом и профессиональным искусством и как в фокусе отражаются те влияния, которые мог испытать Уэст в среде колониальной Филадельфии. В 1760 году Бенджамин Уэст навсегда покидает Америку. В 1760-1763 годах Уэст находится в Италии. Его появление в Риме буквально вызвало сенсацию. Это был первый художник с североамериканского континента, прибывший на европейскую землю. Уже в 1768 году Уэст стал одним из членов-учредителей Королевской академии, а после смерти Рейнольдса с 1792 по 1820 год — президентом Академии. С 1772 года он получает почетное место исторического живописца Георга III. Георг III был одним из выдающихся книжных собирателей эпохи, его королевская библиотека составляет ядро Британской библиотеки. Он любил музыку, особенно Генделя, покровительствовал наукам, в частности астрономии, и искусствам, благосклонно относился к Рейнольдсу и Гейнсборо, Колли и Бенджамину Уэсту. Такова была блестящая карьера художника, выросшего на американской земле. Наполеон высоко ценил Уэста и просил лично представить ему художника. Уэст ни в коей мере не считал себя провинциальным художником. Имя Уэста с почтением

образная, избранная им самим миссия «посла американской культуры» в Англии позволила ему способствовать росту профессионального мастерства и авторитета художников-портретистов США.

Два американских города — Бостон и Филадельфия — отмечены в истории этого времени. Со второй половины XVIII века чрезвычайно возросла роль науки, образования. «Городом братской любви» называл Бенджамин Франклин Филадельфию, ставшую философской столицей США. Здесь были созданы первая медицинская школа, первая библиотека, центр по изучению математики, естественной истории, астрономии, физики, математики. В 1780 году открывается Американская академия.

В свою очередь для Европы открывается новая страна — США. В конце XVIII — начале XIX века слава Джорджа Вашингтона — республиканского героя — распространилась во Франции, Италии и Англии. По всей Европе знали Бенджамин Франклина, находившегося с миссией во Франции (1776-1784), как ученого, состоявшего в переписке с самыми знаменитыми людьми своего времени. «Автобиография» Франклина, опубликованная в 1791 году, была первым американским литературным произведением, читаемым в европейских странах, доходчиво объясняющим, чего может добиться в Новом Свете человек, не имеющий сословных привилегий.

В США отнюдь не в меньшей степени, чем в Европе, необходимо оценить роль разума в духовном мире человека XVIII века, необходимо учитывать и особенности протестантской религии, по-разному влияющей на развитие американской культуры.

В гравированных изображениях широко распространялись по всей Европе портреты Вашингтона, Франклина и Джефферсона. Их имена знали так же, как и Наполеона и Вольтера. Образцы этих портретов, выполненных в меццо-тинто находятся в Граверном кабинете Государственного Эрмитажа. Большинство из них были созданы французскими граверами с портретов Ч. Пила и Г. Стюарта<sup>10</sup> для «Серии знаменитостей наполеоновского времени».

называется в истории английского искусства, но его деятельность не менее важна и для Америки. Можно с полной уверенностью сказать, что Б. Уэст дал жизнь целому поколению американских живописцев. К сожалению, эта роль Уэста явно недостаточно акцентируется в историях американского искусства. Именно Уэст, открыв в Лондоне собственную студию, предоставил возможность приезжавшим из Америки художникам учиться у него. Если учесть, что вплоть до конца XVIII столетия ни в одном американском городе не существовало художественного института, а были лишь студии для приезжих и, как уже указывалось, весьма средних иностранных художников, то роль мастерской Уэста в Лондоне была чрезвычайно велика, по существу, она стала первой крупной профессиональной школой американского искусства, которую прошли такие художники-портретисты, как Ралф Эрл, Джан Трамбалл, Чарлз Уилсон Пил, Гилберт Стюарт и художники следующего поколения — Рембрандт Пил, Сэмюэл Морзе, Томас Салли. Без пребывания в Англии ни Пил, ни Стюарт никогда не стали бы такими крупными фигурами в истории американского искусства. Желание Уэста видеть свою родину центром мировой культуры, развить потенциальные возможности американских художников вполне объяснимы. Уэст был похоронен в Лондоне, в соборе св. Павла рядом с могилой Рейнольдса.

<sup>10</sup> Развитие американского портрета XVIII века достигает своей кульминации в творчестве Гилберта Стюарта (1755-1828) — одного из самых талантливых и блестящих художников США. Стюарт родился



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

## | Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

Творческая биография американских художников периода революции неразрывно связана с Европой. Во многом американская культура выросла на классических примерах европейского искусства. Уже с семидесятых годов XVIII века кончается период духовной изолированности американского континента. Многие американские художники учатся в Европе — Англии, Франции, Италии, странах, где происходит накопление знаний. Уэст возлагал большие надежды на развитие культуры в Америке.

Время, когда «очевидные истины превращаются в очевидные права» (Т. Джефферсон) закономерно нашло своё выражение не только в философии, литературе, фольклоре, но и в портретном искусстве XVIII века.

Формируется новый общественный идеал, составной частью которого выступает торжественный образ национального героя (густо замешанный на формальных знаках европейского искусства), воплощающийся в своих существенных и неповторимых гранях в портретной живописи времени американской революции. Искусство США ищет свои пути воплощения, как крупных исторических событий, так и их героев. Тяга американцев к современности, свое понимание героики проявилось и в исторической живописи, например, в картинах Джона Трамбулла, Бенджамина Уэста. Американцы понимали, что история творится на их глазах, создают её их современники, ставшие героями. В век Разума с территории английских колоний далёкого континента был внесён элемент не столько возвышенного, сколько эмоционально-размеренного пафоса. Этапы своей жизни, наполненной реалистичными фактами, запечатлевались живописцами, графиками, литераторами с максимальной достоверностью. Это феноменально, но именно американские художники стали впервые в XVIII веке писать не античные и мифологические сюжеты, а современность, сразу мифологизированную историю создания собственного государства. Локальные явления, в данном случае американское

искусство, способны придать разнообразие известным формулам, оттеняя тезис о равноценности любых культур. Э. Тейлор справедливо полагает, что нет высоких и низких, достойных или презренных культур — каждая самоценна и уникальна. Гегель был твёрдо убеждён в том, что хотя Америка страна без прошлого — именно ей принадлежит будущее.

КXVIII веку полностью применима идея П. Сорокина — пока система ценностей молода, она вызывает энтузиазм. Добавим лишь, что в культуре, особенно это свойственно ситуации на американском континенте в XVIII веке, отсутствие какого-либо явления требует своей компенсации. В американском портретном искусстве интуитивно, а иногда и весьма прагматично «найденные» форма и интерпретация образа оказываются чрезвычайно интересными для исследователя. Удивительно гармоничным представляется существование художника во времени, что ощущается в звучании портретов героев революции.

Важно учесть, что уже к середине XVIII столетия именно от свободолюбивых переселенцев-протестантов Америка получила комплекс политико-юридических воззрений.

Личность оказывается равновелика истории, которая без нее не существует.

Так образ Вашингтона был воспет и в поэзии. «Его превосходительству генералу Вашингтону» — так назвала свое поэтическое послание негритянская поэтесса Филлис Уитли (1753-1784). Вот последние строчки этого сочинения:

«Великий вождь! Пускай же в свой черед / Не гнев, а доброта тебя ведет. / Будь милосерден, и великий трон / Навек твоим пребудет, Вашингтон!» (1775 год).

В 1772 году в Маунт Вернон прибыл Ч. Пил для создания портрета Вашингтона, ставшего первым обращением не только в творчестве Пила, но и в американском искусстве вообще, к образу великого политического деятеля. Впоследствии художник написал семь прижизненных портретов генерала в период с 1772 по 1795 гг. И хотя данный портрет, получивший название «колониальный тип» не стал значительным произведением, тем не менее, важным оказалось знакомство художника с Вашингтоном. Решение быть изображенным на этом портрете в военной форме было предложено Мартой и возможно стало предчувствием той роли, которую ему предстояло сыграть в Войне за независимость.

В портрете использовано несколько источников света, что является редким примером для искусства XVIII века. Портрет жесткий, декоративный, но прямолинейный и локальный в цвете. Пил детально выписывает военную форму (в те годы еще полковника) Вашингтона, но совершенно не справляется с композиционными задачами (фигура, изображенная по колено, «не стоит»). Не найдя или не определив тона звучания портрета, Пил оставляет каждый цвет изолированным от другого. Так, черный цвет мундира «безразличен» к написанному вплотную с ним красному жилету, розовый цвет ленты не рефлексирует ни с красным, ни с серебристым цветом козырька, свисающего с шеи, почти без теней и без всяких добавлений чистой белой краской пишется шарф. Подобным цветовым решением трудно было смягчить «деревянность» фигуры. Характеристика образа осталась невыявленной. Пил «споткнулся» о сложный образ, постигнуть который он сумел лишь в последующие годы.

3 декабря 1755 года в Род-Айленде в семье шотландского табачника. Будущий художник рос в нищете, и если бы не проезжавший эти места шотландский живописец, портретист Космо Александер, то неизвестно, как сложилась бы судьба одаренного юноши. Александер был членом Лондонского общества художников. С четырнадцати лет Гилберт помогает шотландскому мастеру писать заказные портреты, путешествуя с ним по колониям. Стюарт поселяется в Нью-Порте. К 1773 году относятся его первые портреты, выполненные по заказу нью-портской знати. Полотна молодого художника несли в себе достижения американской живописи, особенности лучших колониальных портретов. С 1775 года начинается очень важный — назовем его «лондонским» — период в творческой биографии Стюарта. Необходимую профессиональную школу молодой живописец получает у Бенджамина Уэста. В 1777 и 1779 годах Стюарт участвовал в выставках Лондонской Академии, однако в прессе был отмечен впервые в 1781 году. Судя по реакции английской критики, произведения Стюарта не остались незамеченными и получили очень высокую оценку, несмотря на то, что рядом были выставлены произведения его великих английских современников. Стюарт стал знаменит после 1782 года. Он начал получать за портреты столько же, сколько Рейнольдс и Гейнсборо. Став зрелым и известным художником в Лондоне, Стюарт в 1793 году решительно возвращается на родину, в Соединенные Штаты Америки. В конце своей жизни Г. Стюарт написал портреты пяти президентов США: «Д. Вашингтон» (1810-1815), «Т. Джефферсон» (1810-1815), «Джон Адамс» (1825), «Джеймс Мэдисон» (1815), «Джеймс Монро», (1817). Все они хранятся в Национальной галерее искусств, Вашингтон.



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

## | Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

С этого времени и до конца жизни Вашингтона они стали не только друзьями, но и соратниками в борьбе за независимость. Пил участвовал во многих сражениях под командованием Вашингтона. Вот, например, что он пишет в своих дневниковых записях об одном из военных походов: «Вся армия Вашингтона отступала в ту ночь и производила грандиозное, но ужасное зрелище. Берега были освещены большими факелами, и лодки плыли по воде, полные людей, лошадей, артиллерии. Больные и полуголодные солдаты от длительного отступления проходили мимо упитанных гарнизонов»<sup>11</sup>. 33 года спустя он писал Т. Джефферсону: «Для меня это было самое адское зрелище, которое я когда-либо видел»<sup>12</sup>. Пил присоединился к Вашингтону в Трентоне, они отступали через город Делавер.

Уже после победы Американской революции появляются огромные портреты Вашингтона, созданные Пилом, запечатлевающие образ героя почти на всех этапах войны за независимость. В традиционную схему английского академического «военного» портрета (обратим внимание на прямые аналогии: Т. Гейнсборо «Капитан А. Джон Харви», 1769, Д. Рейнольдс «Портрет лорда Хитфилда», 1787-1788, Лондон) Пил внес элементы национальной тематики. Проблема «своего» и «заимствованного» как всегда решалась своеобразно в американском портретном искусстве. Так, с максимальной достоверностью, вероятно по зарисовкам, он стремился запечатлеть места сражений, характерные бытовые и батальные сцены, оставшиеся в его памяти. Вашингтон не любил позировать и не без иронии писал Франклину: «Теперь, как это ни странно, я нахожусь в руках м-ра Пила, но в мрачном и дурном настроении. Частенько под влиянием Морфея я сплю, когда он делает решительные мазки, чтобы представить миру, какого рода человек я есть»<sup>13</sup>. В свою очередь, уже спустя годы Пил писал про Вашингтона: «Он всегда избегал говорить о своей деятельности. Он необычайно скромн, трудолюбив и благоразумен»<sup>14</sup>.

В большой портретной композиции «Джордж Вашингтон при Принстоне» (1779) Пил стремился к созданию героического образа, и, несмотря на противоречие между повествовательностью сюжета и возвышенной идеализацией образа, ему это удалось. В Америке портрет пользовался огромным успехом, и Пил написал с него несколько копий.

Впервые Пил постарался изобразить Вашингтона максимально похожим. У американского президента, по воспоминаниям современников, фигура не отличалась соразмерностью и стройностью: при росте 180 см у него были узкие плечи, непропорционально длинные руки и ноги, маленькая голова. Таким, даже при «запрограммированном артистизме», и изображает его Пил. Огромная фигура Вашингтона возвышается на фоне неба, на заднем плане пишется реальная сцена: взятые под стражу пленные и развевающийся в руках солдата справа голубой флаг с 13 звездами (существовавший в США до 1784 года). Портрет «Вашингтон при Йорктауне» (1784) имеет определенную документальную и художественную ценность: изображен ключевой момент американской истории, а именно Войны за

независимость. В 1781 году в битве при Йорктауне англичане были разбиты армией Вашингтона. Решающую помощь Штатам оказала Франция. Историки отмечают также роль Испании, Голландии и «вооруженного нейтралитета» России. Война за независимость закончилась в 1783 году Версальским миром.

Пил старается подчеркнуть в образе Вашингтона проницательный ум, достоинство и волю, выстраивая свой миф. Художник явно смягчает суровость Вашингтона и «берет напрокат» из европейских портретов характерную, едва заметную улыбку, «трогательно сопровождающую» портрет XVIII века. Рядом с Вашингтоном изображен полковник Тиллиан, держащий в руках весть о сдаче Йорктауна, за ним показан Лафайет, увлеченный идеями американской революции французский аристократ, соратник Вашингтона. Именно фигуры сподвижников Вашингтона, в которых «снят» элемент позирования, представляются более жизненными. В этом же полотне, где в полной мере проявилась академическая выучка с ее вниманием к строгому анализу формы и культом рисунка, необычайно подлинно воспринимается группа идущих строем слева солдат с боевыми знаменами. Обращает на себя внимание достоверность изображенного солдата, с любопытством смотрящего на Вашингтона и флаг 13 американских штатов. Трудно найти подобное «дерзкое» нарушение правил в европейском «героизированном» портрете. Но главное, в американской живописи был впервые с такой полнотой определен идеал человека, полностью олицетворенный в образе Вашингтона.

В конце жизни Пил справедливо отметит, что его портретам Вашингтона не хватало звучности, тем не менее, подобное обращение к образу президента было восторженно воспринято американским обществом именно потому, что оно было составляющей мифа о национальном герое.

Пил развил на новом этапе американского искусства то отношение художника к единичной человеческой личности, которое соединяло в себе гордость за человека и высокую оценку его деловых качеств. Джон Адамс писал: «Суть должна господствовать над изяществом», — эти слова точно соответствуют искусству портрета эпохи революции и творчеству Ч. Пила, в частности. При этом необходимо отметить, что сам Вашингтон был достаточно замкнутым человеком и старался быть не столь открытым для своего окружения.

В мифологеме Д. Вашингтона большую роль сыграли портреты, созданные одним из самых талантливых и блестящих художников США Гилбертом Стюартом (1755-1828).

Стюарт становится известным в Англии, будучи учеником Б. Уэста. В 1782 году Стюарт был назван в английской прессе «уникальным портретистом в мире». Став зрелым и известным художником в Лондоне, в 1793 году он решительно возвращается на родину, в Соединенные Штаты Америки.

«Я хочу найти свою натуру и видеть ее собственными глазами»<sup>15</sup>. «Американский» период, продолжавшийся с 1793 года до конца жизни Стюарта, оказался для него самым плодотворным и счастливым.

Сначала Стюарт работает в Нью-Йорке. Джон Джей, главный судья города Нью-Йорка, друг Вашингтона, дал Стюарту

<sup>11</sup> The selected papers of Charles Wilson Peale and his family. Vol. 1: 1735-1791. New Haven; London, 1983. P. 110.

<sup>12</sup> Ibid. P. 93.

<sup>13</sup> Neuhaus E. The History and Ideals of American Art. London, 1931. P. 121.

<sup>14</sup> Ibid. P. 113.

<sup>15</sup> Flexner J. Th. America's old Masters: First Artists of the New World. N. Y., 1939. P. 224.



ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

## | Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

рекомендательное письмо президенту. В 1794 году Стюарт переехал в Филадельфию для осуществления своей мечты — написать портрет Вашингтона, которым он восхищался и считал национальным героем США. Художник писал Вашингтона с натуры трижды в течение 1795 — 1796 годов. Впоследствии Стюартом были выполнены многочисленные копии (предположительно, около пятнадцати), и поэтому каждый крупный американский музей обладает портретом Вашингтона.

Американские искусствоведы выделили три типа портретов Вашингтона, по имени первых их владельцев: «Вауган» — погрудный портрет, голова повернута вправо, написанный в Филадельфии в 1795 году; «Лэндсдаун» — портрет в рост, созданный также в Филадельфии в 1796 году; «Афениум» — погрудный портрет, голова повернута влево, написанный в Бостоне, созданный для литературного клуба города. Так Стюарт стал «живописцем республиканского двора».

По воспоминаниям самого Стюарта можно себе представить, как проходила работа над созданием образа Вашингтона. Как только Вашингтон впервые вошел в студию художника, Стюарт понял, что ему потребуется много сил, чтобы оживить это суровое, властное лицо. Художники осаждали Вашингтона годами, и еще впервые позируя Пилу в 1772 году, он негодовал по поводу пустой траты времени. После завершения каждого из портретов Вашингтон клялся, что больше не будет позировать. Стюарт понял, что Вашингтона охватывает апатия и в лице появляется пустота, какую не стоит писать. Обозрев это жесткое лицо, Стюарт осмелился произнести: «Теперь, сэр, Вы должны мне позволить забыть, что Вы генерал Вашингтон и что я художник Стюарт». «М-р Стюарт, — сказал Вашингтон, — никогда не должен забывать, кто он и кто генерал Вашингтон»<sup>16</sup>. И его лицо, как вспоминал Стюарт, стало, как всегда, каменным.

Впоследствии Стюарт так сформулирует свое представление о Вашингтоне: «В нем были черты лица, которые полностью отличались от черт, которые я наблюдал в других людях. Ему были свойственны сильнейшие страсти, однако, подобно Сократу, его суждения и самообладание делали из него человека другой породы в глазах мира»<sup>17</sup>.

В «Портрете Джорджа Вашингтона» (1795) все внимание сконцентрировано на волевом лице, умном, сосредоточенном взгляде президента. Портрет лишен даже тени идеализации, величествен в своей композиционной простоте и ясности, глубоко реалистичен. Такого мощного гимна независимости личности еще не звучало в американском портрете.

Однако в теоретическом плане представляет интерес и парадный «Портрет Вашингтона» в рост (1796, Пенсильвания, Академия изящных искусств). Утверждение силы, независимости нового государства нашло здесь косвенное выражение и в некоторой демонстративности композиции.

Блестящим произведением является незаконченный портрет Джорджа Вашингтона (1796), редко упоминаемый в историях американского искусства. Ни одному художнику, кроме Стюарта, не удалось столь правдиво и одухотворенно запечатлеть образ Вашингтона.

В портрете проявилась чисто американская черта — ничто не должно отвлекать от характеристики образа, образ не нуждается в «меблировке», живописные комментарии излишни, все отражается в лице портретируемого.

«Портрет надо читать как Библию, без комментариев»<sup>18</sup>, — любил говорить Г. Стюарт.

В 1806 году в письме к Трамбаллу он писал: «Нью-Йорк и Филадельфия благодаря мирному времени займут ведущее положение в усовершенствовании цивилизованного мира и будут новейшей школой живописи в будущем. По существу эти два города станут Коринфом и Афинами западного мира»<sup>19</sup>. Нью-Йорк стал столицей мирового искусства с конца пятидесятых годов XX века и сохранил этот статус по сей день. Мировоззрение американского художника-портретиста эпохи Революции было реалистическим, оптимистичным и таковым, в конечном счете, было и его искусство, утверждающее Д. Вашингтона как Национального героя США. Особая роль в формировании жизнеутверждающего образа принадлежит супруге Джорджа Вашингтона — Марте Вашингтон. Её портреты, помещены на разных денежных медалях. Дело не в том, что она была богатой вдовой, как это подчёркивается в исторических книгах, а в том, что Марта привела молодого полковника в круг аристократов-плантаторов, что и придало фигуре будущего президента необходимый лоск и он смог стать членом Континентального конгресса. Марта сопровождала Вашингтона во всех военных походах, но совершенно не хотела видеть его президентом и не присутствовала на инаугурации. Однако, её роль в судьбе первого избранного народом президента как женщины умной, любящей и помогающей мужу во всём — вызывала уважение у современников.

С 1791 года началась застройка столицы США — города первого президента.

Вашингтон сам руководил постройкой столицы. Автором генерального плана был участник в войне за независимость, француз, приехавший в США в 1771 году, архитектор Пьер-Шарль Л'Анфан (1754-1825). План города Вашингтона напоминал радиальными улицами, идущими от Капитолия, план Парижа.

Но не только искусство было связано с Францией. Идеи французского просвещения были чрезвычайно близки американским философам. В свою очередь, прогрессивные умы Франции с восхищением следили за революционными событиями на североамериканском континенте. Многие французы непосредственно принимали участие в войне за независимость и оказывали всяческую помощь Вашингтону. Воодушевленный идеями американской революции в Вашингтон специально для создания статуи Джорджа Вашингтона, а также бюста Томаса Джефферсона прибывает Жан Антуан Гудон (1741-1828) — крупнейший скульптор Франции.

Континентальный конгресс США счел необходимым поставить памятник Вашингтону при жизни. Эту задачу с точки зрения американских просвещенных умов мог выполнить только Гудон, ибо, как писал Т. Джефферсон, будучи посланником во Франции в 1785-1789: «Я считаю, что господин Гудон имеет ре-

<sup>16</sup> Walker J. National gallery of Art. Wash., N. Y. 1970. P. 224.<sup>17</sup> Lynes R. Self-portrait of American Artist / Art in America. 1965, Aug. -Sept. P. 28.<sup>18</sup> Flexner O. Th. Americas' Old Masters. N. Y., 1980. P. 269.<sup>19</sup> Ibid. P. 42.

ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

путацию лучшего скульптора в мире»<sup>20</sup>. Так еще отцами американской революции была заложена своеобразная традиция — лучшие скульпторы и архитекторы Европы привлекаются для увековечивания исторических личностей, воплощения дерзновенных архитектурных замыслов.

Тяга американцев к современности, свое понимание героики проявились и в решающем слове Вашингтона, настоявшем на изображении его в современном костюме, несмотря на все старания самого Гудона, предлагавшего изобразить Вашингтона в одеянии римского полководца, и Джефферсона, пожа-

левшего о скромном военном обмундировании американского генерала<sup>21</sup>.

В героическом звучании портретов Д. Вашингтона выражена гармоничность существования американцев. Они жили в умноженном настоящем, сконцентрированном на образе национального героя и пропитанном мыслями его окружения.

И последнее. К вопросу об актуальности поставленной темы. Джордж Вашингтон предупреждал: «Чтобы поддерживать огонь, необходима всеобщая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит».

<sup>20</sup> Арнасон Г. Г. Скульптура Гудона. М., 1982. С. 17.

<sup>21</sup> Там же. С. 65.



Рис. 1. Чарльз Пил. Джордж Вашингтон. 1772 г., х., м., 120×150 Университет Вашингтона, Лексингтон.

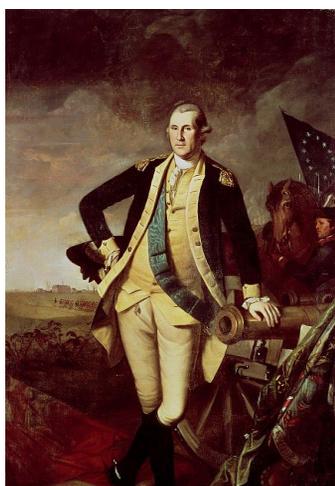


Рис. 2. Чарльз Пил. Вашингтон в Принстоне. 1779 г., х., м. 148×236 Пенсильванская Академия изящных искусств, Филадельфия.



Рис. 3. Чарльз Пил. Вашингтон при Йорктауне 1782 г. Законодательный орган штата Мэриленд. Аннаполис. Х., м. 162x110.

ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |

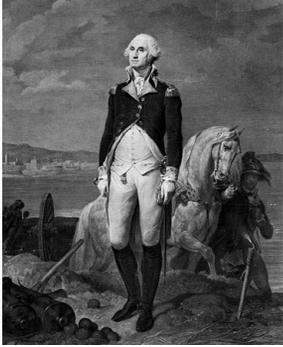


Рис. 4. Джон Трамбалл. Генерал Джордж Вашингтон перед битвой в Трентоне. 1792 г., х., м. 47×67. Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк.



Рис. 5. Джон Трамбалл. Декларация независимости. 1797–1786 г., х., м. 79×53. Художественная галерея Йельского университета, Нью-Хавен.

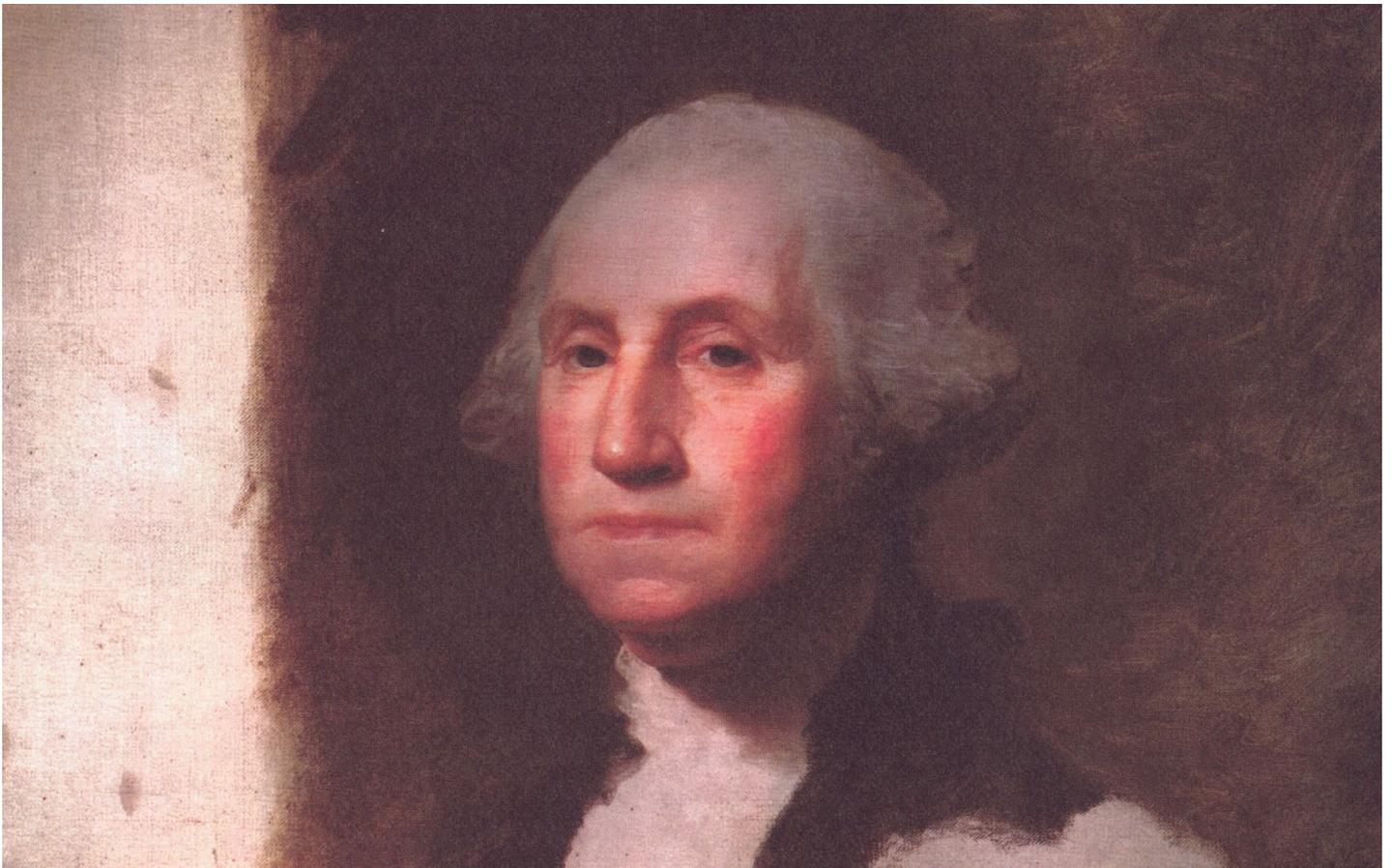


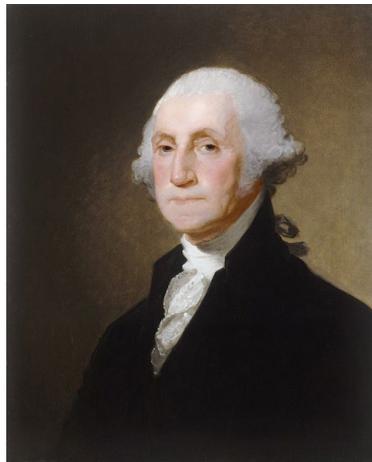
Рис. 6. Г. Стюарт. Афениум портрет Джорджа Вашингтона. 1796 г., х., м. 94×122. Музей изящных искусств. Бостон.

ЮРЬЕВА Татьяна Семеновна / Tatiana YURIEVA

| Концепт национального героя в искусстве США XVIII века |



*Рис. 7.* Неизвестный художник. Генерал Вашингтон на белом скакуне. 1830 г., х., м. 74,5×97. Национальная галерея искусств, Вашингтон.



*Рис. 8.* Г. Стюарт. Портрет Джорджа Вашингтона. 1821 г., х., м. 55×67. Национальная галерея искусств, Вашингтон.



Международный журнал исследований культуры # 1(14) 2014

International Journal of Cultural Research # 1(14) 2014

Электронное издание

Web-Journal

[www.culturalresearch.ru](http://www.culturalresearch.ru)

ТЕМА НОМЕРА

The MAIN TOPIC of the ISSUE

**Политические культуры: типологии и факторы развития**  
**Political Culture: Typologies and Development Factors**

Дизайн и оригинал макет: *Вениамин Наинский.*

Design & Layout: *Veniamin Nainsky.*



Издательство «ЭЙДОС»

Publishing House EIDOS

[www.eidos-books.ru](http://www.eidos-books.ru)

01. 04. 2014